

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ЛЕДИ
КАЛАДАНА

Дюна

Кевин Андерсон

Дюна: Леди Каладана

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Леди Каладана / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2021 — (Дюна)

ISBN 978-5-17-145818-8

Вторая книга приквел-трилогии Брайана Герберта и Кевина Андерсона, события которой непосредственно предшествуют началу несравненной «Дюны» Фрэнка Герберта. Тихой, счастливой жизни леди Джессики – неофициальной, но горячо любимой жены герцога Лето Атрейдеса и матери его наследника Пола – приходит конец. Ее вновь призывают на планету Ордена Бинэ Гессерит, где предстоит смертельно опасная схватка с обезумевшей хранительницей секрета создания сверхчеловека. Именно она видела в Джессике и Поле неминуемую угрозу давним надеждам Бинэ Гессерит. Между тем, Империя оказывается на краю гибели, и ситуацию не в силах исправить даже сама Преподобная Мать Ордена. Плетутся изощренные интриги. Строятся козни. Доверять нельзя никому. Джессика понимает: судьба ее семьи висит на волоске...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-145818-8

© Андерсон К. Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Дюна: Леди Каладана

Brian Herbert Kevin J. Anderson DUNE: THE LADY OF CALADAN

© Herbert Limited Partnership, 2021

© Перевод. А. Анваер, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Брайан Герберт (р. 1947), сын классика мировой фантастики Фрэнка Герберта, и Кевин Андерсон (р. 1962), автор новеллизации «Секретных материалов» и «Звездных войн», продолжили дело знаменитого творца эпопеи о Планете пустынь, создав на основе его черновиков и набросков серию книг, значительно дополнивших вселенную Дюны новыми сюжетами и персонажами.

Селекционная программа Квизац Хадерача была задумана ради блага человечества, но какой ценой? Какой человеческой ценой?

Леди Джессика, запись из личного дневника

Всем сердцем, всей душой ощущала Джессика, в какую бездну пала. С каждым мгновением она удалялась от Каладана, от герцога Лето и Пола.

Получив ультиматум Бине Гессерит, поняв, что угрозы ее семье – не пустой звук, Джессика пересекла вселенную на корабле Космической Гильдии и, как блудная дочь, вернулась на Уаллах IX. Пересев в челнок, летевший на планету с висевшего на орбите лайнера, Джессика не испытала никаких теплых чувств от возвращения на родину – ей предстоял путь в безотрадный и холодный мир Ордена сестер.

Удастся ли ей когда-нибудь снова увидеть Каладан, Лето, Пола? Она попыталась расслабиться, откинувшись на спинку жесткого сиденья. Вероятно, ответ на этот вопрос зависит от того, что хочет от нее Верховная Мать.

Сильный ветер швырял корабль из стороны в сторону, вынудив пилота изменить курс и подняться выше, чтобы покинуть зону турбулентности. Пассажиры начали громко выражать недовольство, но Джессика молчала – в ее душе свирепствовала отдельная турбулентность.

Она смотрела в ромбовидный иллюминатор судна, и вид клубящихся туч как нельзя лучше соответствовал состоянию смятенного ума. Душа ее вскипала от одной мысли о железном беспощадном контроле ордена над жизнью и смертью сестер. Джессика считала, что на Каладане она не зависит от воли ордена, но стоило ему щелкнуть бичом... Вызов Бинэ Гессерит не оставлял ни малейшей возможности для возражений. Преподобная Мать Мохайем угрожала уничтожить герцога и будущее дома Атрейдесов, если Джессика не подчинится, и, без сомнений, у Ордена достаточно средств, чтобы исполнить угрозу.

Джессика нужна им для достижения каких-то целей, и ради этого они вырвали ее – навсегда ли? – с Каладана. Никогда в жизни не пребывала Джессика в таком мрачном, безнадежном расположении духа; ее разлучили со всем и всеми, кого она любила. Но сдаваться без борьбы она не собиралась. Она не станет покорной овцой, идущей на заклание.

Челнок еще раз тряхнуло в потоках воздуха, после чего корабль начал снижаться; Джессика видела, что судно направляется к виднеющемуся внизу комплексу Школы Матерей.

Сквозь пелену облаков она уже различала древние строения и новые здания, остроконечные черепичные крыши, низкую растительность, покрывающую лужайки. Ярко-алая и оранжевая листва поблекла, чувствуя наступление осени. Все здания соединялись между собой, как и обитающие здесь женщины, служащие частями сложной и могущественной политической машины.

Джессика жила здесь с младенчества; родителей она не знала – орден воспитал ее, внушил ей свое учение и предопределил ход ее жизни вплоть до неминуемой смерти. Она всецело принадлежала Бинэ Гессерит.

Воспользовавшись теми самыми приемами, которым научил ее Орден сестер, Джессика сосредоточилась на дыхательных упражнениях, чтобы восстановить ясность ума и обрести безмятежное спокойствие. Упражнения помогли; Джессика ощутила, как спало напряжение и ослабились судорожно сведенные мышцы. Она должна встретить судьбу в самой лучшей физической и ментальной форме.

Пока Джессика брала себя в руки, турбулентность за бортом улеглась, а облака расступились, окружив посадочную площадку по периметру. Здесь Джессика чувствовала себя чужеродной в своем каладанском наряде; очень скоро ее заставят переодеться в традиционную черную одежду, принудив вспомнить, что она все еще одна из них – отныне и навсегда.

Уаллах IX с его тусклым солнцем и холодным влажным климатом давно стал местом, где молодые женщины ордена или получали закалку для будущих испытаний, или терпели неудачу. Джессика вдруг ощутила странную ностальгию по старинному учебному центру, разрываясь между верностью Ордену и любовью к семье. Она провела здесь много лет, будучи мягкой глиной в руках опытных наставниц, и они вылепили ее по своему усмотрению и назначили официальной сожительницей молодого герцога, в котором разглядели мощный потенциал.

И вот она вернулась, обуреваемая мрачными предчувствиями.

У трапа Джессике встретила лично Верховная Мать Харишка. Она смотрела на мир пронизывающим беспощадным взглядом, а в резких чертах ее лица безошибочно угадывался суровый и бескомпромиссный характер. Несмотря на возраст, кожа Верховной Матери сохранила эластичность и гладкость, вероятно, благодаря гериатрическому эффекту специи, которую она регулярно принимала. Она долго и безупречно служила ордену, а последние несколько десятилетий исполняла свою нынешнюю роль.

– Идем со мной, ты нужна мне немедленно.

Харишка не удосужилась объяснить, в чем эта срочная нужда, перевернувшая всю жизнь Джессики.

Несмотря на преклонный возраст, Верховная Мать двигалась легко и быстро; она шагала, как командир впереди солдатской колонны, атакующей неприятельские позиции. Они вошли в высокое новое административное здание, построенное на щедрое пожертвование престарелого виконта Альфреда Тулла, имя которого красовалось на табличке, прикрепленной к стене у входа.

– Я хочу, чтобы ты сразу это увидела, до того как постараться вмешаться. Времени у нас, наверное, немного, – сказала Харишка. – Ты должна не только знать причину, по которой мы тебя вызвали, но и понимать, насколько это важно.

Да, подумала Джессика, я должна это знать.

Джессика последовала за Верховной Матерью. Они поднялись по широкой лестнице и двинулись по длинному коридору. Джессика впитывала все детали обстановки, но не могла унять бушевавшего в душе любопытства. В изолированной секции третьего этажа Харишка подвела Джессике к смотровому окну, сквозь которое виднелась большая больничная палата с запертой дверью. Две сестры, как стражи, стояли у плазового стекла, но Джессика решительно шагнула к нему. Она должна знать, что происходит внутри!

Харишка сочла нужным пояснить:

– Комната заперта и забаррикадирована, но не следует недооценивать опасность. Это армированный прозрачный плаз, и она, если находится в сознании, вполне может видеть нас, но ради нашей сохранности мы всегда можем вставить плаз с асимметричной прозрачностью.

При таких мерах предосторожности Джессика ожидала увидеть загнанное в клетку чудовище, но там оказалась только распростертая на больничной койке древняя старуха. Она беспокойно металась во сне. На ней была больничная ночная рубашка, из тела торчали трубки и провода датчиков. Лицо искажала гримаса, старуха то и дело выкрикивала что-то, но толстый плаз заглушал звуки. Шея и руки ее покрывали глубокие морщины, но, странное дело, старение почти не тронуло лица.

Джессика ничего не понимала.

– Она... представляет опасность? Какое отношение она имеет ко мне?

Верховная Мать ответила уклончиво.

– Это Лезия, бывшая Мать Квизаца. Теперь она служит нам в другом качестве – во всяком случае, до тех пор, пока жива... и до тех пор, пока скрывает то, что нам необходимо знать.

Мать Квизаца. Джессика вспомнила первую жену Шаддама Коррино, Анирул, которая присутствовала при рождении Пола, – она тогда не скрывала своей заинтересованности в ребенке мужского пола. Анирул была сестрой Бинэ Гессерит, но ранг имела тайный. Она, впрочем, носила тот же титул, что и Лезия. Умерла она очень скоро после рождения Пола.

– Но что делает Мать Квизаца? – спросила Джессика. *И почему она имеет право вызывать меня к себе?*

– Как Навигатор Гильдии провидит безопасные пути в межзвездном пространстве, так и Мать Квизаца провидит нити в хитросплетениях ткани наших селекционных планов. Ее освободили от должности из-за неустойчивости психики, но Лезия все равно полезна для нас – невзирая на ее опасность.

Джессика не могла оторвать взгляд от запертой в тесном помещении старухи, извивающейся на больничной койке. На первый взгляд казалось, что Лезия вообще едва способна двигаться.

– Опасность? – переспросила Джессика.

Харишка вперила взгляд в плаз, словно стараясь пробуравить его.

– Она уже успела убить нескольких из нас. Именно поэтому мы приняли такие меры безопасности.

Верховная Мать кивнула одной из двух женщин, наблюдающих за Лезией: сестре чуть старше тридцати с черными волосами и оливковым цветом лица.

– Сестра Джаира близко наблюдала Лезию, но боюсь, она едва ли сможет ответить на твои вопросы, – сказала Харишка.

Джаира бросила взгляд на Лезию.

– Разум ее рассыпается, но он все равно еще на удивление мощен. – Сестра немного помолчала. – Настолько, что она смогла убить несколько сестер одной силой воли.

Словно ощутив их присутствие, Лезия приоткрыла глаза и уставилась прямо на Джессику с противоположной стороны армированного плаза. Джессика вздрогнула.

– Зачем она вам? Что в ней такого важного?

– Лезия обладает особым предзнанием нужд Ордена сестер, она обладает также способностью предсказывать будущее нашего ордена. Ее предвидения подтверждаются, и поэтому они так ценны для нас. Благодаря рассказанному Лезией мы можем рассчитывать наши решения. Именно поэтому и сохраняем ей жизнь, несмотря на опасность. Правда, ее ментальные способности то уходят, то вновь восстанавливаются, и Лезия постепенно теряет контроль над даром.

– Она безумна, – с горечью добавила Джиара. – Но она все время настаивала, чтобы мы доставили сюда тебя.

У Джессики возникло столько вопросов, что она уже не могла сдерживаться.

– Какое все это имеет отношение ко мне? Я никогда не знала эту Мать Квизаца.

Харишка повернулась к Джессике.

– Ты здесь, потому что Лезия сказала: «Уберите ее оттуда. От этого зависит наше будущее». Потом она настояла, чтобы тебя разлучили с сыном. Она говорит, что ты можешь навлечь гибель на Орден сестер.

Джессике показалось, что она летит в пропасть.

– Разлучить меня с Полом? – Она не могла понять смысла этого требования. – Почему? С какой целью?

Харишка потупила взор.

– Для того чтобы узнать ответ, ты и понадобилась. Именно поэтому мы так срочно тебя вызвали.

Лезия вперила взгляд в Джессику, потом перевела взор на Верховную Мать Харишку, на Джиару и вторую сестру. Наконец старуха закрыла глаза и скукожилась, как тряпка, на постели.

– Она крепкая, – прошептала Джиара. – Посмотрите на нее. Она хочет убить еще кого-нибудь и только ждет, когда представится возможность.

– Неужели она наконец заснула? – спросила другая сестра.

Харишка нажала на вмонтированную в стену кнопку, и дверь в комнату с тихим шипением открылась. Потом Верховная Мать позвала трех медсестер, дежуривших в холле. Женщины бегом бросились в палату.

– Позаботьтесь о ней, пока это возможно, и поскорее.

Все трое поспешно вкатили в палату аппарат и подсоединили к старухе провода и трубки, стараясь не потревожить больную. Две сестры принялись записывать данные, а третья приготовилась отразить возможное нападение.

– Мы питаем ее внутривенно, – пояснила Харишка. – Лезия отказывается есть самостоятельно, но мы будем поддерживать ее жизнь, несмотря на ее возражения. Мы надеемся, что ты сможешь выжать из нее нужные ответы.

Две женщины работали спорно, но, отсоединяя трубку с питательным раствором, они потревожили старуху, и она зашевелилась. В страхе медсестры бросили аппарат и кинулись к двери.

Лезия окончательно пробудилась и странным тоном произнесла:

– Стойте!

Джессика поняла, что Лезия говорила сейчас Голосом, противостоять которому невозможно. Так она и убивает?

Две медсестры успели выбежать за дверь, а третья, которая была наготове, внезапно застыла на пороге. В ужасе она пыталась сдвинуться с места, но не могла, словно ее ноги спутали арканом. Две другие медсестры схватили подругу за руку, выволокли ее из комнаты и захлопнули дверь.

Извиваясь на койке, Лезия пылающим взглядом сверлила плаз окна.

– Нам приходится посылать туда команды числом не меньше трех человек, – сказала Харишка. – Кажется, она способна контролировать волю и разум только одной сестры одновременно, и две другие могут спасти третью от попытки убить себя.

– Для нее это развлечение, – добавила Джиара. – Она так и ждет, чтобы подстеречь одинокую жертву.

Лезия метнула враждебный устрашающий взгляд на Джессику, но та не отвернулась и отважно продолжала смотреть в глаза старухе.

– Она для этого хотела меня видеть? Чтобы убить меня?

– Это возможно, – ответила Верховная Мать. – Это очень возможно.

* * *

Дом Атрейдесов всегда мерил свое достоинство в понятиях чести, а не в размерах владений. В том, что важно для нас, мы богаче любого дома Ландсраада.

Лето Атрейдес, после пожалования титула герцога Каладана

Все главные маршруты Гильдии в конце концов заканчивались в Кайтэйне, блистательной столице Империи.

На борту лайнера, посетившего отдаленный Каладан, герцог Лето Атрейдес находился внутри своего семейного роскошно обустроенного фрегата. Свита выглядела куда более многочисленной, чем это требовалось самому Лето, а все члены ее оделись в кители и фраки, украшенные неперменным ястребом Дома Атрейдесов. Этой показной роскошью Лето намеревался поразить аристократов Ландсраада, не ожидающих такого от Каладанского герцога.

После недавней террористической атаки на Оторию правила Империи сильно изменились. Ну, а после несчастья с Джессикой... При одном воспоминании о ней Лето захлестнули эмоции. После Джессики изменился и сам герцог. Он стал другим человеком, с новыми целями и приоритетами. Он воспринял долго игнорируемые им амбиции своего Дома и сына, преисполнившись решимости не отступать от задуманного. Это единственное, что ему осталось.

Министр по протоколу Дома Атрейдесов, худой скромный человек по имени Эли Кониер, заполнил необходимые для транзита документы, и, когда корабль Гильдии с борта выплюнул в направлении Кайтэйна множество фрегатов, челноков и пассажирских судов, он передал на планету оповещение о прибытии герцога. Кониер настаивал на соблюдении необходимых формальностей встречи, передав оповещения секретарю Ландсраада и в секретариат императорского дворца, а также во все новостные агентства.

Стоя на пассажирской палубе герцогского фрегата, Кониер не мог скрыть улыбки.

– Все соответственно вашему рангу и положению, милорд. Столица узнает, что прибыл герцог Каладана!

Он произнес это таким тоном, словно на Кайтэйн прибыл сам мессия.

Не так давно, на открытии ослепительно роскошного музея Коррино на Оторию, Лето во все глаза презрительно смотрел на фатоватых, щегольски разодетых аристократов, которые из всех сил рисовались в надежде привлечь благосклонное внимание императора Шаддама Коррино IV. Теперь он и сам рисковал показаться таким же.

Лето испытывал неловкость от повышенного внимания к своей особе, но в конце концов, министр просто выполнил инструкции герцога. Это его первая попытка возвеличить Дом Атрейдесов.

– Разве не так поступают все благородные Дома Ландсраада?

Кониер довольно фыркнул.

– Это обычная практика, сир, но раньше вы ее не придерживались. Следовательно, этот визит стоит отметить как нечто особенное.

Всю жизнь Лето довольствовался ролью доброго правителя своего народа, выбрав путь чести, и в таком же духе воспитывал сына. Однако из-за этого власть и богатство – а следовательно, и безопасность Дома Атрейдесов – утекали сквозь пальцы. Он упустил много возможностей. Что, если своей позицией он лишит Пола хорошего наследства? Лето подозревал, что остальные аристократы втайне считали его неприспособленным к реальным политическим играм.

Террористическая атака Якссона Ару привела к появлению множества вакантных мест в Ландсрааде, и аристократы кинулись претендовать на них, толкаясь, как свиньи у корыта. Лето отказывался вести себя так же, но понимал, что слабость тоже не следует проявлять. Он явился на Кайтэйн претендовать на то, на что Дом Атрейдесов имел полное право. Он и так долго тянул, рискуя опоздать.

Кониер посмотрел на экран и улыбнулся.

– Я потребовал почетный караул и эскорт, которые встретят нас в Имперском космопорте, сир. – Он смущенно отвел глаза. – Это контрактная услуга, но нашему бюджету она по силам.

– Ты все сделал правильно, – успокоил его Лето, когда их празднично украшенный корабль приземлился в отведенной ему зоне. – Забронированы ли достойные номера для меня и моей свиты?

Кониер обиженно надулся.

– Конечно, милорд! Апартаменты заказаны в крыле Шествий дворца, прекрасный номер с помещениями для свиты и охраны. Вы всегда – во время прогулок и деловых визитов – будете у всех на виду.

Столица словно представляла собой витрину, состоящую из правительственных зданий, монументов, музеев, башен, статуй, домов-призм, обелисков, арок и множества солнечных часов под ясным, безоблачным благодаря климатическому контролю небом. Какофония звуков и пестрота заставили Лето остановиться, когда он ступил на трап фрегата. Как не хватало ему сейчас шума каладанского отлива и бурления волн в доках города. Он вспомнил, как они с Джессикой бродили среди луж, оставшихся после отлива, рассматривая морских анемонов, суевливых крабов и остистых звездных рыб. Вспомнил он и шторм, видневшийся далеко в море, вспышки молний среди туч...

Герцог усилием воли взял себя в руки, глядя на огромный город и напоминая себе о цели своего приезда. Став более влиятельным лордом с обширными владениями, он сможет снова наслаждаться великолепием родовой планеты.

Но теперь придется делать это без Джессики, она исчезнет из его жизни навсегда. Их отношения разрушены безвозвратно; Бинэ Гессерит формально отозвал ее на Уаллах IX. Лето не знал, доведется ли ему еще хотя бы раз встретиться с Джессикой, поговорить с ней.

Отделение молодцеватых солдат маршем двигались к фрегату Атрейдеса. Они походили на дворцовых гвардейцев, но на самом деле представляли собой контрактный эскорт, заказанный Кониером, чтобы герцог произвел впечатление. Знаменосцы несли красно-золотой стяг со львом дома Коррино и черно-зеленое знамя Дома Атрейдесов с ястребом. Один солдат зычно крикнул:

– Кайтэйн приветствует герцога Каладана!

Двенадцать солдат в форме одновременно церемониально поклонились, выказав формальное, отлично отработанное уважение. На посадочной зоне Лето рассмотрел множество пассажирских челноков и частных фрегатов благородных семейств. Все они прилетели сюда тем же лайнером, что и герцог Лето. Приветствовали аристократов такие же наемные почетные караулы.

Когда вся свита покинула борт фрегата, Лето откинул назад темные волосы и гордо вскинул голову. Герцог, с его орлиным носом и мощным подбородком, имел потрясающий профиль. Возвысив голос, он скомандовал наемному караулу: «Проводите меня во дворец для встречи с Императором Шаддамом!» Лето и сам не знал, состоится ли эта встреча, да и надменный тон был ему несвойственен и неприятен, но затянутые в мундиры солдаты караула вытянулись в струнку и выполнили приказ. Слугам предстояло самостоятельно доставить багаж в забронированные апартаменты.

Герцог подумал о своем четырнадцатилетнем сыне Поле, о наследнике, пусть даже он, сын наложницы, по праву не может претендовать на полезный династический союз. Но Лето решил, что не станет играть в брачные игры. Единственная его попытка такого рода закончилась кровопролитием и трагедией на брачной церемонии, и Лето поклялся, что никогда больше не подвергнет семью подобному испытанию. Свою *семью*.

Сколь многое поменялось за это время.

Лето сменил тактику и решил найти для Пола подходящую невесту, но здесь его ждало неприятно удивившее открытие: оказалось, что некоторые аристократы не считают Дом Атрей-десов достаточно важным и влиятельным, чтобы породниться с ним. У Лето потемнело лицо от гнева, когда он вспомнил, как герцог Фаусто Верден посмеялся над идеей брака его дочери с Полом Атрейдесом.

Но если ему будет сопутствовать успех в нынешней миссии в Кайтэйн, то, наверное, и в этом отношении многое изменится.

Войдя на территорию императорского дворца, Лето убедился, что он – всего лишь один из сотен таких же важных визитеров. Эскорт провел его в обширный главный вестибюль и оставил там – почетный караул выполнил свою задачу. Герцог вдруг ощутил себя потерянным лепестком одного из бесчисленного множества цветов широкого горного луга. В суе императорского двора герцог не привлекал ничьего внимания.

Вдруг совсем рядом раздался знакомый голос:

– А-ах-х, хм-м-м, мой дорогой герцог Лето, я так надеялся, что смогу перехватить вас здесь!

Лето обернулся и увидел худощавого темноволосого мужчину с узким лицом, большими глазами и скошенным подбородком. Черно-пурпурное одеяние и инсигнии говорили о важности этого человека в придворной иерархии.

– Позвольте приветствовать вас! Я помогу, чем смогу.

Лето наконец узнал его и сдержанно поклонился.

– Граф Фенринг, я высоко ценю ваш благородный жест. – Лето помолчал, думая, как использовать неожиданную возможность. – Наверное, вы и в самом деле можете помочь мне на Кайтэйн.

Хасимир Фенринг являлся одним из ближайших друзей императора и его советником. Официально он занимал пост министра по операциям со специей на Арракисе, но много времени проводил и во дворце, участвуя во всех придворных интригах. Определенно он мог бы стать могущественным союзником Лето, но этот человек был непредсказуем для всех, исключая Шаддама. Герцог не имел никаких оснований считать его надежным союзником.

Граф еще раз поклонился.

– Ни Падишах-Император, ни я никогда не забудем, что именно вы спасли нас от того безумца на Оторио. Мы избежали гибели только благодаря вашему предупреждению, и я уверен, что Шаддам определенно не откажет вам в ваших просьбах.

– Благодарю. Я прибыл на Кайтэйн, чтобы попытаться изменить отношение к дому Атрейдесов, добиться большего уважения к нему.

Лето перевел дух, стараясь сдержать раздражение.

– Большого уважения? – переспросил Фенринг, удивленно вскинув брови.

Несмотря на шум и суету, царившие в огромном приемном фойе, Лето заметил темную накидку ордена Бинэ Гессерит и похолодел, поняв, что это Преподобная Мать Мохайем, императорская Вещающая Истину. Она незаметно подошла ближе и теперь могла слышать разговор Лето и Фенринга. Рана, нанесенная им с Джессикой Орденом сестер, еще не зажила. Лето переместился, поворачиваясь спиной к Мохайем.

– Прошу прощения за мой резкий тон, граф Фенринг. Недавно мне было нанесено личное оскорбление одним благородным домом, и я сильно расстроен.

Он расправил плечи и поправил черно-зеленое кепи.

Фенринг делал вид, что не замечает преподобную мать.

– Ваше семейство оскорбили? Ах-х-х, так значит, речь идет о мести?

Эта мысль поразила Лето и заставила насторожиться. Герцог Верден на самом деле уни- зил и его, и его сына, но герцог не собирался устраивать из-за этого кровавую междоусобицу.

– Нет, цель моего приезда иная. Очевидно, что герцог Верден не считает моего сына достойным его дочери и не думает, что дом Атрейдесов является важным членом Ландсраада. Я прибыл сюда, чтобы, если это возможно, расширить мои владения и влияние, надеясь изме- нить столь неверное впечатление.

– Ах-х-х, да, м-м... – Губы Фенринга сложились в улыбку. – Обычно благородные семей- ства действуют исподволь и интригуют ради большего влияния, но вы так прямолинейны! Мне это нравится. Наверное, я смогу помочь вам, герцог Лето. Я обладаю определенным весом, и конечно, Император прислушивается ко мне. – Он усмехнулся и выдал тайну. – Но я бы не стал сильно переживать из-за герцога Вердена!

Краем глаза Лето заметил, что Вещающая Истину подошла еще ближе. Он спросил:

– Почему так?

Фенринг снова вскинул брови.

– Ах-х, потому что Дом Верденов уничтожен. Герцог оказался бунтовщиком и изменни- ком, членом мятежного Союза Благородных. Император Шаддам наказал его, и теперь вся его семья мертва.

Лето с трудом перевел дыхание. Такого он не ожидал.

Вечером того же дня в личных покоях для размышлений Шаддама – где, впрочем, он мало размышлял – Фенринг поведал Императору сказанное герцогом Лето о цели посещения Кайтэйна.

Императрица Ариката, обладающая волосами цвета воронова крыла, огромными глазами и чувственными губами, вертела Шаддамом, как хотела. Она стояла в дверях, намереваясь присутствовать при разговоре, но Фенринг бросил в ее сторону нетерпеливый взгляд. Он еще не решил, союзник она или противник.

Шаддам сидел в шезлонге, облаченный в полевую форму, украшенную таким обильным золотым шитьем, что одежда едва ли была удобной. Он жестом приказал Арикате уйти.

– Оставь нас, любовь моя, нам надо обсудить важные вещи. Потом я расскажу тебе все, что сочту нужным.

Фенринг очень внимательно смотрел на императрицу, и от его взгляда не укрылся румя- нец, выступивший на щеках Арикаты, перед тем как она сдержанно поклонилась и выскольз- нула за дверь.

Когда она ушла, Шаддам заговорил.

– Итак, мой кузен Лето наконец заинтересовался властью, которую мог бы заполучить уже давно. Бросим ли мы ему это вознаграждение за то, что он сделал для нас на Оторио? – Он провел пальцем по губам. – Это станет уроком для остальных членов Ландсраада.

– Домогаться власти не в его характере, – заметил Фенринг. – Нет ли у него другой, скрытой цели? Может, он тоже вовлечен в деятельность Союза Благородных? Лето Атрейдес из тех аристократов, которых мятежники с удовольствием заполучили бы в свои ряды.

Шаддам недоверчиво ухмыльнулся.

– Лето Атрейдес? Мятежник и изменник?

Преподобная мать Мохаем внимательно слушала, дожидаясь своей очереди выска- заться. Теперь она заговорила.

– Я наблюдала за поведением Лето и могу свидетельствовать, что его искренне потрясло известие о судьбе герцога Вердена. Я изучила выражение его лица, напряжение мимических

мышц, прислушалась к тональности голоса. Он проявил непритворную антипатию. Если Фаусто Верден участвовал в заговоре, то Лето явно не считал его своим союзником.

– Я тоже имел невысокое мнение о Вердене, – согласился Шаддам. – Трудно было относиться к нему хорошо. – Император рассмеялся. – Но великодушный и благородный герцог Лето? Мне всегда хотелось, чтобы этот человек проявил больше амбиций и выказал темные стороны своей натуры. Тогда я бы смог лучше его понять.

– Это сделало бы его более человечным, – согласилась Мохайем. – Теперь, когда он лишился наложницы, у него появится время подумать о других приоритетах.

Фенринг почесал переносицу.

– Может, он просто искусно скрывает свою подлинную сущность, хм-м-м?

Мохайем на мгновение задумалась и покачала головой.

– Нет, он прям, откровенен и искренен.

* * *

Опасность, которую, по нашему мнению, представляет для нас противник, пропорциональна страху, какой он нам внушает.

Учебный устав корпуса сардаукаров

Имперские боевые корабли с красно-золотым гербом Коррино приблизились к планете Элегия. Эти суда не составляли эскорт дипломатической миссии; они прибыли для устрашающей демонстрации силы. Сардаукарам предстояло гарантировать сотрудничество планетарного правителя и добиться выдачи государственного преступника Якссона Ару.

Правда, полковник-баши Джопати Колона сильно сомневался, что террорист действительно укрылся на Элегии, но Шаддам стремительно и беспощадно реагировал на любое известие, пусть даже основанное на слухах и домыслах. В космопорте Элегии приземлились десять военных транспортов с сотнями воинов под командой Колонны. Садись они без предъявления маршрута и не запрашивая разрешения местных диспетчеров. Корабли сардаукаров просто потребовали от коммерческих судов убраться с дороги. Колона не столько отдавал приказы, сколько следил, чтобы его желания исполнялись с убийственной неотвратимостью.

По пути к планете, после десантирования с боевых фрегатов, полковник-баши потребовал, чтобы виконт Джандро Тулл лично встретил его корабли в космопорте. Туллу надлежало изыскать способ немедленно явиться в космопорт и оказать всякое возможное содействие прибывшим сардаукарам. Ответственность за все последствия неисполнения этого требования возлагалась на виконта.

Как только десять транспортных судов приземлились и открыли люки, из них высыпали солдаты и начали действовать по жесткому сценарию, усвоенному в ходе постоянных многолетних тренировок. Орудия кораблей, способные испепелить космопорт по первому приказу командира, привели в боевую готовность, артиллеристы отслеживали цели.

Колона вышел из судна и некоторое время привыкал к тусклому свету здешнего солнца. Он несколько раз глубоко вдохнул отдававший странным запахом воздух, напоенный ароматом лишайниковых лесов, которыми славилась Элегия, и двинулся вперед, чтобы перейти к делу, ради которого сюда прибыл.

Как и ожидалось, виконт Тулл не замедлил явиться для встречи. Правитель даже умудрился приготовить на краю летного поля трибуну, украшенную пестрыми лентами. Он попытался представить дело так, словно сардаукары вломились на его планету, чтобы устроить своего рода парад.

Будучи сардаукаром, прошедшим основательную подготовку в школе на Салузе Секундус, Колона сохранял повышенную бдительность и готовность к любой угрозе. Он, словно в прицел лазерного ружья, внимательно рассматривал виконта.

Джандро Тулл стоял на высокой трибуне, одетый в блестящую одежду, сотканную из особого Элегийского лишайника с вершин скалистых гор. Светлые волосы виконта падали на плечи, обрамляя худощавое красивое лицо аристократа. Улыбался он вынужденно, но, казалось, вполне искренне. Тулл выпрямился, когда к нему подошел Колона, одетый в форму, отличавшуюся поистине военным изяществом. Отутюженные до остроты складки можно было использовать как оружие.

Колону и его охрану в количестве тридцати солдат защищали индивидуальные силовые щиты. Солдаты вооружились длинными клинками и короткими кинжалами, острыми крюками и метательными ножами. Джандро Тулла сопровождали лишь советники, одетые так же, как сам виконт; они заметно волновались, надеясь не спровоцировать ухудшение ситуации. Отлично, как раз на это и рассчитывал Джопати Колона.

На лице виконта не дрогнул ни один мускул, и это мужественное поведение произвело должное впечатление на сардаукара.

– Чем мы обязаны столь неожиданной чести, полковник-баши?

Колона ответил столь же официально и вежливо:

– Падишах-Император прислал нас для расследования тревожных сообщений о преступнике Якссоне Ару, которого якобы видели на Элегии. Я здесь, чтобы выяснить, действительно ли мятежное движение заразило и вашу планету.

Тулл не дрогнул.

– Где вы слышали этот вздор?

– Я не уполномочен раскрывать источники разведанных, милорд.

На самом деле Колона понятия не имел, откуда взялись эти сведения, но зато он знал, что Шаддаму теперь повсюду чудились заговорщики. Подозрение являлось достаточным поводом для расследования, и офицер Колона просто выполнял приказ.

– Я с радостью обсудил бы это подробнее. – Тулл сдержанно поклонился. – Позвольте пригласить вас в замок. Я угощу вас превосходным обедом, а вы ознакомите меня с уликами, которые есть у Императора против меня. Я верный подданный Императора и не намерен ничего скрывать.

Это приглашение сильно смутило Колону; да что там, он просто опешил.

– Я здесь не ради светских визитов, сэр. Это должно быть вам очевидно.

В голосе виконта зазвучали стальные нотки.

– Я не слепой и не глупец, полковник-баши. Я знаю, что ваши сардаукары уже уничтожили дом Верденов на Дроссе, а теперь то же самое может произойти и с моими владениями. – Фальшивая улыбка сделалась еще шире. – Если вы не считаете, что ваш визит непременно должен привести к беде, то я бы предпочел предварительную беседу для укрепления сотрудничества. Вы и ваши сардаукары получите любые свидетельства и доказательства, чтобы рассеять этот вздор и со спокойной совестью отбыть на Кайтэйн.

Колона сделал знак охране.

– Мои солдаты разойдутся по городу и отправятся в деревни, где может скрываться Якссон Ару или его мятежники. Сардаукары проведут все необходимые для расследования действия.

Виконт Тулл судорожно сглотнул.

– Прошу вас дать гарантии, что ваши солдаты будут строго следовать протоколу и не причинят вреда мирному населению.

На это Колона дал единственно возможный для него ответ:

– Они сардаукары.

Солдаты, словно саранча, наводнили столицу, приглядываясь и прислушиваясь ко всем разговорам, к любому шепоту. Виконт Тулл вел себя очень сдержанно, к удовольствию Колоны, полковник-баши не любил без нужды прибегать к насильственным действиям и ненавидел напрасное кровопролитие и разрушения вроде тех, что постигли дом Верденов.

Помнил он и о том, как много лет назад провели неожиданную и стремительную операцию такого рода, когда герцог Паулус Атрейдес напал на дом Колона и уничтожил его семейство и владения.

Приготовленный в замке виконта роскошный обед не произвел на Джопати Колону должного впечатления. Привычное питание сытным, но простым армейским рационом убило в нем всякую способность наслаждаться изысканными гурманскими блюдами, но офицер сыграл на обеде свою роль, представив, что это часть стоящей перед ним задачи, которую надо выполнить, как воинский долг. Понимая, что Тулл не станет его травить, он отведал поданные кушанья, чтобы не показаться грубым, но светской беседой совершенно не заинтересовался.

Колона и Тулл сидели одни в небольшом банкетном зале, украшенном миниатюрными фонтанами и зубчатыми букетами лишайника. Безмолвные слуги вносили перемены блюд, ставили их на стол и бесшумно покидали зал.

– Я могу сводить вас на конюшню, там великолепные лошади редчайших пород, генеалогия которых можно проследить вплоть до Древней Земли, – с улыбкой предложил Тулл. – Такой военный человек, как вы, не сможет остаться равнодушным и по достоинству оценит этих благородных животных.

– Сардаукары нечасто ездят верхом, – возразил Колона. – К тому же это не светский визит. Сардаукары смогут выяснить, насколько обоснованы толки и слухи.

Тулл, жаждавший объяснений, помолчав, задал самый главный вопрос:

– Все же скажите, почему я оказался на подозрении у Императора?

– Причин множество. Во-первых, вы под благовидным предлогом уклонились от посещения торжеств на Оторио; вы не присутствовали там во время террористической атаки Якссона Ару. Многие аристократы Ландсраада прибыли засвидетельствовать свою лояльность, но ваше отсутствие бросалось в глаза, вы не приехали и поэтому уцелели. Может, вы заранее знали о готовившейся атаке?

Тулл наконец потерял самообладание.

– В то время я переживал недавнюю смерть отца, сэр! Вся Элегия была потрясена, могли вспыхнуть беспорядки, и мне следовало остаться здесь, чтобы сохранить контроль над политической ситуацией. Или вы думаете, что я сам устроил смерть собственного отца? – Голос его дрожал от гнева.

На лице Колоны не дрогнул ни один мускул.

– Это вполне возможный сценарий. Зная об атаке, вы могли воспользоваться возможностью свергнуть отца и захватить власть.

Тулл едва не стошнило от такого предположения.

– Такое предположение я нахожу оскорбительным, и мне странно, что оно исходит от офицера, да просто от человека.

Колона отведал следующее блюдо, прежде чем ответить.

– Дело в том, что императорская Вещающая Истину высказала определенные подозрения по поводу вашего прихода к власти в доме Туллов. Она утверждает, что видит некоторые признаки заговора в вашем поведении, говорит, что только она может их заметить. Император прислушивается к ее словам.

Теперь виконт горько усмехнулся.

– Преподобная Мать Мохайем выражается весьма туманно. Она из Бинэ Гессерит, а Орден сестер относится ко мне враждебно. Мотивы Бинэ Гессерит может понять даже ребенок, и я бы не стал обращать слишком много внимания на ее слова.

Он презрительно фыркнул, затем продолжил:

– Эти ведьмы всю жизнь держали моего отца под каблуком, он платил им огромные суммы, которые использовались на строительство Школы Матерей. Наше семейство потратило на это целое состояние, вот что я вам скажу! После смерти отца, – продолжил он, – я прекратил их финансировать и изгнал его наложницу. Эта ведьма пыталась соблазнить меня еще до того, как остыло тело старого виконта. – Было видно, насколько противно Туллу это воспоминание, от раздражения голос его сел и стал глуше. – Если вы всего этого до сих пор не знаете, полковник-баши, то я вправе усомниться в вашей компетентности как следователя.

Колона уважительно кивнул. Естественно, он знал эти подробности.

Виконт Тулл некоторое время молчал, а затем сказал ломким голосом:

– Что-то еще?

– Император озабочен вашими тесными связями с Домом Верденов. Согласно опубликованному докладу КАНИКТ, ваши коммерческие интересы тесно переплетались.

– Да, конечно, это правда. Несмотря на красоты нашей планеты и на доходы, получаемые за счет выращивания редких лишайников, мы интересуемся и возможностями межпланетной торговли. Мы добываем металлы на нашем поясе астероидов и отправляем руду на Дросс. – Лицо Тулла потемнело. – Уничтожение дома Верденов сильно ударило по нашим торговым интересам и по благополучию моего народа, и я направил жалобы в Совет Ландсраада.

– Откуда нам знать, что ваша предполагаемая коммерческая активность не является способом финансировать движение Союза Благородных? – спросил Колона.

Тулл возмутился.

– Откуда мы вообще могли знать, что Фаусто Верден – изменник? Ни я, ни другие члены Ландсраада до сих пор так и не увидели никаких доказательств этого, хотя с момента уничтожения дома Верденов прошло уже довольно много времени.

Он едва сдерживал гнев.

Колона продолжал соблюдать беспристрастный нейтралитет. Он тоже скептически относился к подозрениям в отношении виконта, но сардаукар не имеет права высказывать сомнения в обоснованности полученных от императора приказов.

– На мой взгляд, доказательств достаточно.

Теперь Тулл окончательно перестал сдерживать раздражение и злость.

– Всех тех людей убили без суда, без представленных доказательств, без права на апелляцию, а теперь вы полагаете, что мне вполне достаточно вашего слова?

– Это слово Императора, – произнес Колона, заканчивая разговор.

Они ели и пили молча. Тулл, не скрывая горечи и подавленности, наконец сказал:

– Расследуйте это дело, как считаете нужным, полковник-баши, но никаких признаков мятежа вы не найдете. – Он отодвинул блюдо, давая понять, что обед окончен. – Если, конечно, не сфабрикуете их.

Колона снова ответил безупречно:

– Мы сардаукары.

Это не являлось откровенным отрицанием, но Колона хотел, чтобы собеседник понял его именно так.

Офицер покинул изысканный замок и вернулся на стоявший в космопорте корабль, где размещался его полевой командный пункт.

Войска оставались на Элегии в течение четырех суток, выискивая свидетельства мятежа, но не нашли ни одного, даже косвенного, доказательства. Джопати Колона втайне испытал невероятное облегчение.

* * *

Для того, чтобы быть хорошим вождем, надо неформально – и постоянно – оценивать психологическое состояние тех, кто тебя окружает.

Напутствие Муад'Диб

«Я управляю, но я ничем не управляю», – думал Пол – юный наследник, на плечи которого легло бремя герцогской власти.

В четырнадцать лет ему пришлось одному играть эту непростую роль. В отсутствие отца он принял на почти детские плечи непомерный груз ответственности. Хотя он и понимал, что должен временно действовать и поступать, как герцог, Пол не мог постичь, что произошло между его родителями. Почему Лето и Джессика так поспешно и разными путями покинули его?

Ранним туманным утром юноша стоял на стене Каладанского замка, старинной, не имевшей теперь никакого оборонительного значения, и смотрел на море, с которого дул холодный пронизывающий ветер.

Он призвал четырех ближайших советников и наставников. В отсутствие герцога Лето Пол нуждался в их указаниях, чтобы понять, по каким эталонам выстраивать власть и утверждать свой авторитет, но при этом он от души надеялся, что никакой кризис не поразит Каладан за это время. Эти четверо помогут ему справиться с ролью властителя.

Он всегда смотрел на Сафира Хавата, Гарни Холлика, Дункана Айдахо и доктора Юэ как на учителей и наставников. Несмотря на то что Пол – наследник герцога, они могли ругать его, критиковать и поправлять, если видели, что он совершает роковую, гибельную ошибку. В другое время юноша мог положиться на мудрость матери, но леди Джессика тоже покинула его...

Пол не понимал, что случилось.

Перед отлетом на Кайтэйн герцог стал хмурым и немногословным; его явно что-то беспокоило, и это, в свою очередь, сильно тревожило юношу. Происходило что-то неприятное, и при этом юноше не дали ответы на мучившие его вопросы. Отец и раньше отлучался с планеты, в самый последний раз на императорское празднество на Оторио – но все руководство и управление оставалось в его руках. Да, номинально Пол становился действующим герцогом, но мать всегда была при нем столпом мудрости, и никто не высказывал опасений по поводу кризиса власти и правления.

Но теперь мать покинула его.

Пол смотрел на море с зубчатой стены, вспоминая поколения Атрейдесов, которые отсюда правили страной. За его спиной молча стояли другие, те, кто очень хотел знать, что он собирается делать. Пол заговорил, не отрывая взгляда от рваных туч, гонимых порывистым ветром:

– Мои родители покинули Каладан, и теперь я – действующий герцог Каладана. Я впервые должен один играть эту роль.

– Не один, юный наследник, – возразил Дункан Айдахо. – Мы здесь и готовы поддержать вас.

Пол повернулся к ним.

– Исполните ли вы любой приказ, который я отдам?

– Так точно, юный наследник, – отозвался воин-трубадур Гарни Холлик, не расстававшийся с бализетом и всегда готовый сыграть на нем или процитировать подходящее место из оранжевой Католической Библии. – Если, конечно, вы не прикажете нам броситься со стены в море!

Пол сохранил серьезность, сделав вид, что не заметил шутку.

– Даже это, Гарни. Что, если ситуация сложится именно так? Послушайте, я не шучу. Если я герцог, то станете ли вы исполнять мои приказы и распоряжения так же, как исходящие от моего отца?

Дункан подошел ближе. Мастер меча имел грозный и устрашающий вид, но являлся одним из самых близких друзей Пола.

– Конечно. Мы умрем за дом Атрейдесов, – коротко поклонился он.

– Но умрете ли вы за меня?

Несмотря на серьезность вопроса, Дункан позволил себе улыбку.

– Без всяких вопросов. Вы – это дом Атрейдесов. Но если мы останемся верны долгу, то, надеюсь, в этом не возникнет необходимости.

Он на голову возвышался над Полом, волосы его темными кудрями падали на плечи, а в глазах блестело любопытство.

Посмотрев на Сафира Хавата, Пол заметил, что старый воин-ментат раздумывает, проигрывая в голове вопрос, рассчитывая возможности и оценивая тактику Пола.

– Занимаетесь ли вы самостоятельно тренировочными упражнениями и мыслительными упражнениями, юный наследник? Не хотите ли поменяться ролями со своими наставниками?

Пол внимательно посмотрел на ментата.

– Вы согласны с тем, что они сказали?

Суровый старик, кажется, погрузился в ментальные проекции.

– Как и все здесь присутствующие, я готов верно служить вам, как служил вашему отцу, а до него старому герцогу. Мы поклялись в верности Дому Атрейдесов. Мой долг давать вам советы, но мой долг и повиноваться вам.

Единственным, кто продолжал хранить многозначительное молчание, оставался доктор школы Сукк, выглядящий больше озадаченным, чем встревоженным. Доктор Юэ был меньше ростом и не отличался таким мощным телосложением, как трое остальных, он не умел сражаться как воин. Его длинные собранные в хвост волосы охватывало серебряное кольцо. Вытауированный на лбу бриллиант свидетельствовал, что Юэ прошел самую высшую подготовку в своем деле. Будучи придворным лекарем дома Атрейдесов, он лечил синяки и ссадины Пола, а не так давно даже спас ему жизнь, когда Пол отравился лунной рыбой. Юэ, в отличие от более экспансивных советников, всегда держался чопорно и официально.

Доктор стоял у амбразуры бойницы, откуда древние солдаты обстреливали неприятеля из луков и арбалетов. Пол положил руки на плечи Юэ и надавил на них. Он продолжал, даже почувствовав, что доктор напрягся.

– А вы, доктор Юэ? Вы выполните мои распоряжения независимо от того, что я прикажу как действующий герцог?

– Если это будут правильные распоряжения, то да, милорд.

Пола удивил столь уклончивый ответ.

– А если я дам плохие распоряжения?

– Тогда я сочту своим долгом подсказать вам хорошие.

Пол оценил сложность ответа.

– Но если я не соглашусь с вами?

– Тогда я допущу свою неправоту и выполню ваше распоряжение, сэр.

Пол задумчиво кивнул. Все остальные внимательно смотрели на него, не вполне понимая, куда он клонит. Пол продолжал держать доктора за плечи. Оба стояли на краю стены, далеко внизу о берег бились волны прибоя.

– Если я прикажу вам броситься со стены, вы сделаете это?

Юэ от неожиданности несколько раз моргнул, но не сдвинулся с места.

– Моя жизнь в ваших руках, как и жизнь любого из ваших подданных... милорд. Вы можете просто столкнуть меня. Теперь вы занимаете место отца.

Все чувствовали нарастающую неловкость.

Пол отпустил Юэ и принялся расхаживать перед стоящими мужчинами.

– Что, если я прямо сейчас прикажу всем вам прыгнуть со стены вниз? Вы сделаете это? – Он окинул советников взглядом. – Конечно же, нет! Этот приказ – аморальный каприз, и вы не обязаны ему подчиняться. Да, я сейчас занимаю место отца, но он никогда бы не отдал такой приказ. Вы должны подчиняться только законным и моральным требованиям, даже если они исходят от меня.

Сафир нахмурился, Дункан облегченно улыбнулся. Гарни же громко рассмеялся.

Потом заговорил Юэ:

– Как врач, я изучал не только телесные болезни, но и душевные расстройства. Очень немного найдется людей более опасных, чем психически неустойчивые командиры. – Он сжал губы. – Но вы устойчивы, Пол Атрейдес. Вы просто решили проверить нас.

– И себя, – добавил Пол.

– Мы знаем тебя всю твою жизнь, парень, и понимаем, что ты никогда бы не приказал ничего подобного, – добавил Гарни. – Так поступают только Харконнены.

– Итак, ваш долг, как моих ближайших советников и высших должностных лиц дома Атрейдесов, заключается в том, чтобы не дать мне свихнуться, не так ли?

Он легко вспрыгнул на парапет стены. Без страха посмотрел на зубчатые скалы и море. Один момент помрачения разума мог привести Пола к гибели.

Гарни шагнул вперед, как крадущееся хищное животное – стремительно, но осторожно.

– Юный наследник, я требую, чтобы вы спустились со стены, – рявкнул Сафир.

– Ты всегда предостерегал меня от ненужного риска, Сафир, – сказал Пол и добавил нараспев, повторяя слова наставника: – Никогда не садись спиной к двери. Доверяй своим инстинктам. Всегда имей наготове запасной выход. Никогда не теряй бдительности. Я не прав?

Воин-ментат согласно кивнул.

– Сейчас я советую вам не балансировать на краю стены.

Пол перевел взгляд на Гарни, на лице которого читалось нескрываемое беспокойство. Доктор Юэ смотрел на Пола просто укоризненно. Только глаза Айдахо поблескивали озорством.

– Дункан всегда учил меня не отворачиваться от опасностей, рисковать, чтобы подготовиться к реальным опасным ситуациям. Вся жизнь – это учеба, разве не это ты говорил мне, Сафир?

Лицо ментата не дрогнуло.

– Глупая смерть прервет это обучение.

Пол рассмеялся.

– Мы с Дунканом карабкались по этим скалам, держась за них только пальцами, балансируя над бездонной пропастью. Он поощрял меня в этом.

Мастер меча недовольно поморщился.

– Я спас тебя от непоправимой глупости.

– Но теперь я знаю, что могу это сделать. Теперь я не сомневаюсь в себе.

Сохраняя полное хладнокровие, Пол грациозно перебрался через амбразуру на наружную сторону стены, а затем пошел вдоль нее, словно танцуя над проемами. Вдруг он неправильно рассчитал движение и скользнул по влажному камню, но сумел сохранить равновесие и удержаться от фатального шага.

Гарни и Дункан, не отрывавшие глаз от Пола, ринулись к нему, но юноша уже и сам выправил положение.

– Я бы не советовал тебе переползать через амбразуры, – произнес Сафир Хават. – Лично я не нахожу это забавным.

– Ты всю жизнь давал мне советы, и я высоко ценю все, что ты для меня сделал, но сегодня я объявляю себя мужчиной, способным принимать самостоятельные решения – хорошие и плохие. – Стоя спиной к морю, Пол раскинул руки в стороны ладонями вверх. – Только мужчина способен править планетой. Такое дело нельзя доверять мальчику.

– Твои действия нам не очень нравятся, парень, – укоризненно сказал Гарни.

Улыбнувшись, Пол спрыгнул со стены.

– Я хочу, чтобы вы кое-что обо мне поняли. Дункан и Гарни всегда настаивали, чтобы я не жалел себя на тренировках, чтобы я рисковал и совершенствовался, но рисковал расчетливо. Я никогда прежде не разгуливал по стене и никогда не перебирался через трещины. Но я думал, что смогу, – и смог.

– Да, можно и так сказать, – согласился Дункан.

Пол подошел к советникам и провел рукой по своим черным развевающимся на ветру волосам.

– Да, благодаря вашей науке и советам я смог уберечься от неверного шага. Я, и только я отвечаю за свои действия и решения, я должен справляться с последствиями того, что делаю... Но я также обязан прислушиваться к моим советникам. Я и впредь буду зависеть от каждого из вас. Сегодня я, конечно, увлекся, демонстрируя мужественность, но, несмотря на это, вы все равно нужны мне. Я не смогу править без вас.

Они поклонились.

– У дома Атрейдесов есть враги, и если они решат напасть на нас, то предупреждать об этом не станут. Естественно, в отсутствие отца Каладан находится в большей опасности, чем обычно. Сафир, армию нужно привести в полную боевую готовность, а ты сохраняй бдительность – просто на всякий случай.

Старый ментат улыбнулся.

– Вы мудры не по годам, наследник Пол. Но я уже сделал это.

Когда Пол вошел в кабинет отца в старом замке, со вкусом убранная комната показалась ему пустой. На самом деле пустым казался весь замок – без герцога и леди Каладана.

Пол не стал садиться в отцовское кресло; ему не хотелось оставаться в кабинете одному. Он провел рукой по элаковому столу, отметив, насколько тот старый. Он принадлежал еще деду Пола и другим, прежним герцогам. Как много важных решений приняли в этом кабинете, за этим столом?

Он одернул себя: ну почему его чувства так обострены? Отец покинул Каладан на месяц, ну, от силы, два, и, возможно, вернется и мать, несмотря на ссору с герцогом. Он хотел, чтобы жизнь снова потекла по нормальному руслу.

Пол услышал неясный звук и обернулся в двери. В проеме показалась массивная фигура Сафира Хавата.

– Милорд, мы получили тревожное известие.

Он замолчал, давая Полу время подготовиться. Неужели что-то случилось с родителями? Хават продолжил:

– На Дроссе уничтожен дом Верденов. Герцог объявлен изменником, легионы сардаукаров уничтожили лорда и его владения, убиты все члены его семьи.

Пол закрыл глаза. Фаусто Верден? Отец рассматривал его дочь, Джуну Верден, как подходящую невесту для Пола. Лето даже отправил герцогу официальное предложение помолвки, которое Верден отверг в оскорбительной форме. Но измена? Все убиты? Даже его хорошенькая, одаренная и умная юная дочь?

– Что ты говоришь, Сафир? За что? – Он выпрямился и откашлялся. – Объясни.

Старый ментат чувствовал себя не очень уверенно, словно его оценки не давали удовлетворительного ответа.

– Император считает, что герцога Вердена вовлекли в движение Союза Благородных. Без всякого предупреждения Император направил на Дросс сардаукаров. Столицу сравнивали с землей, всю благородную семью истребили.

Пол попытался переварить совершенно неожиданную новость.

– Джуну Верден... она же невинна.

Пол взял себя в руки.

– Они на самом деле были мятежниками? Разве, готовя предложение о помолвке, ты не разузнал подробности о Доме Верденов? Ты ничего не упустил?

Сафир не скрывал озабоченности.

– Я не нашел никаких улик против этого дома, сэр. Вообще никаких. Возможно, Император объяснит свои действия.

Пол никогда не видел несчастную девушку, только ее портрет, который лежал в досье, подготовленном его матерью и воином-ментатом. Вероятно, они имели дело с политическим кровопусканием, неприкрытым убийством, совершенным по приказу императора Шаддама. Такое и раньше случалось в имперской политике.

Теперь герцог Лето отправился на Кайтэйн, чтобы оказаться в гуще всех этих событий.

Наконец Пол, ссутулившись, сел в кресло отца.

– Сафир, дай мне время подумать над этой ужасной новостью.

Верный ментат поклонился.

– Я проведу инспекцию армии, приму меры безопасности, попытаюсь укрепить слабые места в нашей обороне. У Императора нет никаких причин атаковать нас, особенно после того как ваш отец спас ему жизнь на Оторио, но... мы живем в опасные времена.

– Да, в очень опасные.

После ухода ментата Пол погрузился в свои мысли. Теперь он уже никогда не познакомится с Джуной Верден... чей отец грубо отклонил предложение герцога Лето, объявив Пола неподходящей кандидатурой. Но девушка не сделала ему, Полу, ничего плохого. Она лишь сторонний свидетель, дитя преступного семейства. Она не заслужила такой ужасной участи.

Размышления о несостоявшейся жене заставили его вспомнить девушку, являвшуюся ему в снах. *Расскажи мне о водах твоей родной планеты.*

Он наклонился над деревянной столешницей, нашел несколько чистых листков бумаги и перо. Снова погрузившись в свои мысли, он попытался нарисовать девушку, но не смог. Пол смял лист, отбросил его и попробовал снова.

В кабинет неслышно вошел Дункан Айдахо и подошел к столу, прежде чем юноша успел его заметить.

– Никогда не теряйте бдительности, милорд, – сказал он и поиграл обнаженным мечом. – Время тренировки. Я зашел узнать, что вас задержало.

Полу было сейчас не до тренировки, он мучительно старался правильно нарисовать девушку, верно запечатлеть на бумаге черты ее лица, преследовавшего его во сне. Однажды он увидел ее в Кала-Сити, неподалеку от замка, по крайней мере, ему показалось, что увидел, но найти ее ему так и не удалось.

Дункан вложил меч в ножны и наклонился над столом, чтобы посмотреть, что делал молодой человек.

– Какая симпатичная девушка. Ты прирожденный художник, как Гарни – прирожденный музыкант. – Он мягко отодвинул руку Пола, чтобы рассмотреть весь рисунок. – На заднем плане пустыня?

– Всякий раз она является мне во сне среди песка – видны камни и дюны. И не смейся надо мной, Дункан Айдахо. Сны очень важны.

– Я и не думаю смеяться, хотя, думаю, что это всего лишь яркие видения юноши. Но дюны на Каладана? Хм-м. Хотя нет, знаю я одно такое место, на юге, у побережья. Мы с твоим отцом летали туда однажды на военном орнитоптере. Если во сне ты видел песок, то, как мне кажется, искать ее надо именно там.

Пол удивился, но не дал волю надежде.

– Ты думаешь, она может жить там?

– Ну, во всяком случае, ее стоит там поискать, милорд. Мы можем поехать туда вдвоем. Посмотреть и поискать не повредит... Если это поможет найти ответ на мучающую тебя загадку.

* * *

Даже доверие является товаром, который можно купить и продать.
Секретное коммюнике Союза Благородных

Беглец и изгой Якссон Ару тем не менее свободно перемещался по вселенной. Для этого он имел много возможностей – помогали старые связи и ресурсы КАНИКТ. Мать Якссона являлась пожизненным директором КАНИКТ, а брат – номинальным президентом картеля.

Несмотря на то что семья отказалась от него, он мог купить себе любое прикрытие. Тлейлаксу определенно помогут ему сохранить инкогнито.

Выдав себя за простого бизнесмена, желающего приобрести биологически модифицированное зерно, Якссон прибыл в систему Талим и высадился на орбитальную станцию для прохождения карантина, обязательного для всех прибывающих сюда чужестранцев. Очень немногим «нечистым повиндахам» позволялось войти в священный город Бандалонг.

Другие представители бизнеса, прибывшие с транспортом Гильдии, заполнили требуемые документы и отправились на изоляцию. Якссон притворился, что он один из них, но он знал, что с ним станут обращаться иначе. У него сложились особые отношения с этим народом.

Меньше чем через час люк его изолирующей капсулы открылся, и в проеме показались два мастера в накидках. Это были низкорослые люди с бледным, почти трупным, цветом кожи. Характерная внешность – худые тела, узкие подбородки и носы. За сотни поколений генетические мудрецы сумели отобрать именно такие признаки, сделав популяцию тлейлаксу генетически однородной. Якссона всегда удивляло, что их народ не предпочел более традиционную и привлекательную внешность, но возможно, фанатично религиозные существа гордились именно своей непохожестью на других.

Правда, Якссона не слишком интересовал ответ на этот вопрос. Он тоже привык к роли презируемого изгоя. Вся Империя жаждала его смерти после Оторио, но это леденящее душу массовое убийство лизоблюдов Шаддама Коррино пролило яркий свет на дело революции и позволило добиться большего, чем все салонные разговоры в гостиной его матери за несколько десятилетий. Тлейлаксу же являлись неоценимым активом, пусть даже участники движения Союза Благородных и не ведали об их сочувствии.

Двое в капюшонах смотрели холодно, но Якссон отвесил им церемонный поклон – он не хотел противостояния.

– Вы пришли сюда, чтобы сопроводить меня до Бандалонга, – объявил он. – Мастер Арафа благословил мой приезд.

Мужчины нахмурились, и стоящий слева сказал:

– *Одобрил*, а не благословил.

Второй добавил:

– Идемте, пока нас никто не увидел.

Карантинная станция пахла холодом, машинным маслом и неприветливостью. В коридоры без окон открывались капсулы ожидания, больше напоминающие тюремные камеры. Якссон недоумевал, почему эти люди так боятся чужеземцев. Не говоря ни слова, проводники посадили его в челнок, направляющийся к планете. В нем не было иллюминаторов, поэтому Якссон не мог видеть, как приближается к городу.

Ару изо всех сил старался не поддаваться страху. Тлейлаксу нужны ему, а он – им.

Когда челнок приземлился и открылся люк, Якссон увидел панораму города с его куполами и остроконечными башнями – архитектурный эксперимент, оскорблявший любое маломальски развитое эстетическое чувство. Небо Бандалонга затянуло тусклый серый туман.

У челнока Якссона встретил еще один мастер; он так походил на двух первых, что различить их казалось практически невозможно. Якссон снова сдержанно поклонился.

– Вы мастер Арафа?

Человек в капюшоне, не скрывая подозрительности, уставил на Якссона взгляд своих тесно посаженных глаз.

– Вам придется миновать еще несколько поясов безопасности, прежде чем вам позволят встретиться с ним.

Якссон беспрекословно перенес личный обыск, а затем прошел через сканирующее устройство, которое прощупало всю его внешность и проникло до самых костей. Мастер сказал:

– Вашей маскировки недостаточно, чтобы обмануть нас.

Якссон презрительно фыркнул.

– Я пытаюсь ввести в заблуждение не вас, а только всю остальную Империю. Это одна из главных причин моего визита и желания встретиться с мастером Арафа.

Тлейлаксу не понял его.

– Вы – сообщник Чена Марека. Он прислал сообщение, что вы хотите ознакомиться с генетическими модификациями папоротника барра.

– Я не так прост, как вам кажется, – пояснил Якссон. – У меня много разнообразных интересов, а тлейлаксу могут сделать многое. Вся Империя разыскивает меня, и я вверяю вам мою судьбу. Это я должен проявлять подозрительность!

Безымянный мастер уставил в Якссона обвиняющий перст.

– Империя презирает всю нашу расу. Если вдруг просочится даже слух о том, что мы тайно поддерживаем вас в стремлении восстать против Коррино, то он уничтожит всех тлейлаксу.

Якссон улыбнулся.

– То есть если кто-то из нас попадется, то конец нам всем – и это лучшая гарантия взаимного доверия и сотрудничества. – Он сделал повелительный жест. – Теперь ведите меня к мастеру Арафа.

Они подошли к бронированной тепличной лаборатории, и сопровождающий дал пленку, чтобы Якссон прикрыл ею рот и нос.

Наконец он прошел через прозрачный воздушный шлюз и встретился с мастером Арафой. Якссон заметил, что у Арафы искривлен нос, а над бровью виднеется рваный бугристый шрам. На Арафе тоже красовалась защитная маска.

– Вы сильно рисковали по дороге сюда, Якссон Ару, но здесь вы в безопасности.

– Мы вместе ступили на опасный путь.

Арафа молитвенно сложил руки.

– Так хочет бог. Мы всего лишь проводники его воли.

Якссон не собирался вести богословские дискуссии и согласился.

– Да, мы проводники божьей воли.

Так же, как вы – проводники моей воли.

Мастер-тлейлаксу жестом пригласил Якссона в лабораторию. Обстановка внутри напоминала сад безумного ученого. Теплицу заполняли зараженные искаженные растения; они все являлись *уродами*. Некоторые образцы выглядели чудовищно отталкивающими, другие прекрасными, но во всех оставалось что-то неуловимо порочное.

Арафа задумчиво произнес:

– Я понимаю, что ваши операции с наркотиком на Каладане испытывают определенные трудности из-за уничтожения прибыльных плантаций папоротника барра Лето Атрейдесом.

– Да, нам нанесли тяжелый удар, не отрицаю, – согласился Якссон. – Но в отношении герцога Лето у меня другие планы. Я уступаю ему честь этой победы.

Слова Якссона не поколебали скепсиса Арафы.

– Айлар помогал финансировать все ваши планы... Да и наши тоже.

– У меня пока есть и другие источники денег. – Якссон прищурился. – Я могу платить и дальше, если именно это вас тревожит.

Арафа пренебрежительно взмахнул рукой, но отрицания этот жест не содержал. Мастер уверил Якссона, что тлейлаксу весьма озабочены ходом событий.

– Чен Марек восстановит все операции с нуля, с вашей, естественно, помощью, – сказал Якссон. – Папоротник барра испокон веков произрастал на Каладане. Мы культивировали это растение и использовали его для получения средства айлар, приспособив его для нужд местной религиозной общины. Но Марек проявил алчность и небрежность. Он усилил свойства айлара до опасного уровня, а потом процесс вышел из-под контроля; отравилось столько людей, что это привлекло внимание и привело к раскрытию наших операций.

– Марек все исправит, да и мы в этом поучаствуем, – сказал Арафа. – Теперь у нас есть усовершенствованный папоротник барра.

Они подошли к группе растений с блестящими красными цветками, похожими на дрожющие и чмокающие гигантские губы. Над ними витал пахучий туман. Арафа склонился над делянкой, предварительно проверив надежность маски.

– Прекрасные цветы – и содержат смертельный нервно-паралитический яд. – Он вскинул брови, отчего подпрыгнул и шрам. – Сконструирован так, чтобы поражать только женщин.

– Зачем? – спросил Якссон.

– Пути бога неисповедимы. Мы производим продукт, а другие пользуются им по своему усмотрению.

В других отделах теплицы росли грибовидные существа, выющиеся камыши, издававшие гипнотический жужжащий звук, колючие кустарники, сверкавшие наполненными ядом шипами, выющиеся стебли, выстреливающие в направлении любого движущегося предмета.

Наконец они подошли к делянке, покрытой искривленным модифицированным папоротником; одни образцы имели пятнистые листья, другие же радовали глаз безупречной сочной зеленью. Некоторые стебли превышали человеческий рост и пестрели устрашающими шипами.

– Здесь мы экспериментируем с вариантами папоротника барра, выращивая их в строго контролируемых условиях. Мы можем получать опытные образцы, хотя процветает этот вид только на Каладане.

Якссон удовлетворенно кивнул.

– Марек уже строит новую плантацию на глухом южном континенте. Я сказал ему вести себя тихо. – Он подошел ближе к чудовищно гигантским папоротникам. – Эти великаны не годятся для крупных коммерческих операций.

Арафа улыбнулся.

– Большая часть этих растений слишком ядовиты и неустойчивы для ваших целей. Они никогда не составят конкуренцию торговле айларом.

– Зачем же тогда тратить время и силы? У нас есть реальные потребности, да и время поджимает.

Мастер развел руками.

– Мы достигаем стоящего результата в нашей работе, только когда стремимся к крайностям.

Яксон слушал его, внимательно рассматривая экзотическую листву.

– Хорошо, – сказал он, найдя способ повернуть разговор в нужное ему русло. – У меня есть еще одна крайность, которую вы можете исследовать. Мне нужна новая личина. Ищейки Шаддама упорно идут по моим следам. Пока еще есть места, где я могу скрыться, и есть секретная база для операций, но мне нужна большая свобода передвижений.

Арафа задумчиво кивнул.

– Да, мы легко раскрыли вашу маскировку, когда вы прибыли сюда. Ваше счастье, что мы вам не враги.

– Я понимаю, что у вас есть соответствующие техники – ну, например, клонирование лиц, кажется, вы так это называете.

Арафа удивленно посмотрел на Яксона.

– Это то самое другое дело, о котором вы хотели со мной поговорить?

– Да, о лицевом клонировании. Вырастите мне новую физиономию, которая станет чем-то большим, чем маска; она должна быть моей на клеточном уровне.

– Э, существует множество хирургических методов, дающих такой же результат, – заметил Арафа. – Ваши черты можно изменить многими способами.

– Мне нужно лицевое клонирование, – стоял на своем Яксон. – Никаких шрамов. Просто новая кожа и новые черты лица, определяемые генетически. Думаю, это направление, ставшее ответвлением программы гхола – выращивания новых тел из клеток покойников.

– Да, мы выращивали новые лица, – признал Арафа, но в дальнейшие объяснения вступать не стал.

– Я привез клетки.

С этими словами Яксон извлек из кармана флакончики, содержавшие волосы, два состриженных ногтя и чешуйки кожи, найденные им после мучительно долгих поисков.

– Мой отец умер от инсульта в нашем имении на Оторио. Он исчез, но я никогда его не забуду. Он был моим единственным наставником. Он сформировал и воспитал меня. Если мне суждено всю жизнь носить маску, я хотел бы вспоминать о нем всякий раз, когда посмотрюсь в зеркало.

Арафа взял флаконы и, прищурившись, оценил их содержимое.

– В результате получится смесь ваших и его черт, нечто уникальное, чего никто не найдет ни в каких картотеках и архивах.

За спиной Арафы дернулся и раскрылся папоротник, но мастер так заинтересовался новым предложением, что не обратил на это внимания.

– Это довольно дорого стоит.

Яксон глубоко вздохнул под маской.

– Все хорошее стоит довольно дорого.

* * *

Кого-то может утратить меланж – его уникальные преимущества, его денежная стоимость, безудержная потребность в нем всей Империи.

Кого-то может подавлять мысль о специ и о факте, что ее находят только на одной планете во всей известной вселенной, о том, что ее приходится добывать в адских условиях, о том, что величайшие державы добиваются благосклонного разрешения императора на разработки песков Арракиса.

Но никто не может отрицать специю. Это все равно, что отрицать воздух и свет.

Краткое резюме КАНИКТ

Барон Харконнен, не обращая внимания на нестерпимый зной и пыль, пренебрег безопасностью и снял с лица маску. Оказавшись беззащитным перед едкой атмосферой, он закрыл глаза и сделал глубокий уверенный вдох, упиваясь сухостью воздуха. Он перестал слышать надоедливый скрежет механизмов обогатительного завода в Оргизе, предприятия, построенного в отдаленном каньоне.

Он просто пил отчетливый аромат корицы, острый, мощный и головокружительный. Этот аромат обжигал ноздри и легкие, наполнял их восхитительным богатством. *Специя!*.. Везде. И она принадлежала ему – особенно здесь, потому что даже Шаддам IV не знал об Оргизе и не мог обложить его продукцию дополнительным налогом.

Однако всего несколько секунд спустя трескучий сухой воздух начал раздражать нос и глотку. Барон вздохнул еще раз и провел языком по щекам. В воздухе витала сырая и первозданная специя, а он предпочитал употреблять ее в очищенном виде и в умеренных количествах, в более цивилизованной обстановке.

Барон вставил в нос фильтры и снова надел маску. Кожа стала неровной и натянулась от невероятной сухости атмосферы. Когда он вернется в Карфаг, первым делом примет горячую ванну и велит слугам обработать его лосьоном. Очень скоро он отбудет на Кайтэйн, чтобы встретиться с императором, но сейчас надо завершить инспекцию нелегального предприятия.

Оргиз построил его отец восемьдесят лет назад, когда семейству Харконненов даровали титул сиридара-губернатора Арракиса. Обогащительный завод разместили в замкнутом не нанесенном на карты каньоне, дно которого представляло собой обширнейшую площадку, окруженную высокими стенами. Предприятие спрятали от чужих глаз, от всех, кроме тех, кто знал, где его искать. Под руководством Дмитрия Харконнена Оргиз производил много, очень много меланжа.

Потом в замкнутый каньон нашел путь проклятый червь – или его умудрились засунуть туда злоумышленники-фримены? – и все разгромил. За несколько десятилетий заброшенный завод стерли с карт.

Барон осмотрел новые башни-хранилища, упаковочные линии и компрессионные емкости, заново вымощенное взлетное поле, с которого можно вывезти всю продукцию сразу. За счет больших усилий в течение последних нескольких месяцев Харконнену удалось восстановить комплекс для новых махинаций совместно с КАНИКТ. Металлические башни уже покрылись пылью и жирной смолой, их изъел агрессивный воздух Арракиса, но оборудование работало, а завод производил специю.

В Империи уже давно забыли о существовании Оргиза; специя, которую делали здесь, не фиксировалась ни в каких документах, о ней не знал даже всеведущий граф Хасимир Фенринг, министр специй. Ни одно здание, ни один корабль не поместили эмблемами дома Харконненов, ни один работающий здесь человек не имел никакого официального отношения к барону. Завод в Оргизе производил секретные партии специй во исполнение соглашения с пожизненным директором КАНИКТ Малиной Ару. За всем скрежетом и грохотом, царившими вокруг, барон явственно слышал сладостную музыку колоссальных прибылей.

К барону подошел его племянник Раббан, который тоже не носил ни формы, ни эмблем. Великана с ног до головы покрывала пыль, а на левой щеке виднелось пятно машинного масла. Глубоко посаженные глаза смотрели жестко, под стать каменным стенам каньона. Раббан снял ротовую маску, отхаркнул мокроту и сплюнул ее на землю, чем немало бы шокировал уроженцев Арракиса.

– Еще две партии готовы к отгрузке, дядя.

Резким движением подбородка Раббан указал на взлетное поле, где уже болтались на подвесках два неброских грузовых судна с разогретыми двигателями. Тяжелые самосвалы доставили к ним лотки с упакованной специей.

– Груз меланжа, не маркированный. Отследить его происхождение невозможно. Никто не докажет его связь с Домом Харконненов.

Барон неодобрительно хмыкнул.

– Меланж? Какой меланж? Ты хочешь сказать: «Стерилизованные геологические пробы, направленные для исследования на Хагал»?

Именно такую уловку они придумали, чтобы не привлекать внимания к грузам.

Раббан дал волю алчности.

– Теперь, когда с наших операций снято подозрение, не пора ли этим воспользоваться? Мы можем удвоить объем производства и увеличить наши поставки КАНИКТ. – Он помолчал и довольно рассмеялся. – Мы всегда сможем построить новую сокровищницу, если доход станет слишком велик.

– Не бей удачу по лицу, Раббан, – ответил барон. – Фенринг ошибочно полагает, что ему удалось поймать и покарать вожака контрабандистов. Не станем накликивать новые несчастья.

Он до сих пор испытывал облегчение от того, что дому Харконненов удалось ускользнуть от разоблачения. Император Шаддам с графом Фенрингом и его несносным недоделанным ментатом Гриксом Дардиком предположили существование тайных операций и пришли к выводу, что значительная доля дохода от торговли специей присваивается прямо под носом у императора.

Барон считал, что достаточно хорошо скрыл следы, а Малина Ару спрятала концы так, что до них едва ли докопаются имперские ментаты-аудиторы, но Фенринг продолжал копать... и почему-то обвинил в незаконных операциях не того человека. Руллу, жену известного контрабандиста Эсмара Туэка, признали ответственной за воровство специи; вину ее «доказали», и преступницу казнили. Пиратство пресекли, по крайней мере, официально, и Империя перестала выслеживать черные рынки. И это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Совершенно необъяснимым образом барону и КАНИКТ удалось избежать смертельного удара, и Харконнен не намеревался попусту тратить время этой отсрочки.

– Мы будем продолжать операции с величайшей осторожностью, Раббан. Нас сильно напугали. Ур-директор балансирует на грани.

– Она все равно хочет нашу специю, – упрямо сказал Раббан. – Она возьмет столько, сколько мы отправим.

Барон видел, что самосвалы закончили погрузку меланжа в платформы.

– Все желают нашей специи. Но если мы хотим и впредь сохранять контроль над ней, придется запастись терпением.

Лицо Раббана омрачилось, но он кивнул. Приходилось исполнять распоряжения дяди, нравилось это Раббану или нет.

– Оставляю тебя командовать дальше, племянник. Продолжай операции, но, что еще важнее, соблюдай все меры предосторожности. – Барон помолчал и улыбнулся. – И продолжай выколачивать прибыль. У нас есть предприятия на Гайеди Прим, промысел китового меха и рыболовство у тебя на Ланкивейле, но нет ничего и близко подобного специи.

Барон бросил прощальный взгляд на предприятие.

Раббан не обладал ни живым воображением, ни способностью к провидению, но он проявлял компетентность, если его деятельность направлялась в нужное русло, а трудность задачи не выходила за пределы умственных способностей.

– Я отбываю на Кайтэйн для встречи с императором, – сказал барон. – Заверю его, что все хорошо и что Наблюдателю за специей нет никакой нужды так бдительно следить за нашими операциями.

Раббан отвернулся, чтобы, перекрывая адский шум, выкрикнуть распоряжения рабочим. Барон несколько мгновений смотрел на племянника, чтобы уверить себя, что все будет хорошо, а затем направился к орнитоптеру, на котором собирался отправиться в Карфаг.

* * *

Из уважения к множеству моих заслуг перед Орденом сестер я заслуживаю того, чтобы знать, кто заменил меня на посту Матери Квизаца. Имя, просто назовите имя. Кто она?

Запись с видеокамеры слежения за Лезией в ее медицинской палате

После того как она побывала в отделении, где содержали Лезию, Джессике отвели на четвертый этаж жилого здания, на этаж, предназначенный для приезжих. *Приезжих...* Джессика не знала, сколько времени ее продержат здесь. Удастся ли ей когда-нибудь улететь отсюда? Чего хочет от нее Лезия?

Апартаменты представляли собой маленькую комнатку с единственной кроватью, прикроватным столиком, мягким старым креслом, вмонтированным в стену светильником и полкой с книгофильмами и катушками шигафибра. Эта спартанская обстановка заставила Джессика вспомнить детство и юность, дни тяжелого обучения в школе матерей под руководством Мохайем.

Оглядывая это жилище, она подумала о своем дальнем путешествии и о внутреннем напряжении. Сколько времени прошло с тех пор, как она покинула Каладан, оставила Лето? В одежном шкафу она обнаружила накидку, которую ей теперь предстояло носить. Кроме нескольких предметов, привезенных с собой, включая коралловые сережки и ожерелье, у нее не осталось ничего, что помогло бы выглядеть как герцогская леди. Здесь она всего лишь одна из сестер.

Если Бинэ Гессерит решил навсегда вырвать ее с Каладана и лишить звания наложницы Лето, если герцог действительно навсегда порвал с ней, то она не может больше пользоваться своим титулом – леди Джессика. Но пусть даже так. Ее сердце и душа останутся при ней. Этого ее не лишит никакой Орден сестер.

Я все еще леди Каладана.

На следующее утро Верховная Мать снова вызвала ее в палату Лезии. Перед смотровым окном виднелись четыре фигуры в накидках. Харишка шепталась с таинственной женщиной в темном капюшоне с сеткой, закрывавшей лицо, а брюнетка, сестра Джиара, тихо разговаривала с Преподобной Матерью со светло-каштановыми волосами, неприметным лицом и жестким выражением глаз.

Когда Джессика подошла к ним, таинственная женщина торопливо вышла в боковой коридор, а Харишка, Джиара и Преподобная Мать по имени Рутин принялись смотреть в окно с таким видом, словно разглядывали опасного зверя в зоопарке.

Верховная Мать обернулась к Джессике.

– Ты нужна нам, чтобы получить ответы на некоторые вопросы. – Лицо ее приняло суровое выражение, взглядом она окинула Джессика с головы до ног. – Она потребовала твоего приезда. Настаивает, что хочет тебя видеть, и отказывается говорить с нами. Узнай, чего ей надо.

Рутин презрительно поморщилась. Ее каштановые волосы вились рукотворными колечками вокруг ничем не примечательного лица, однако примечательным было выражение этого лица.

– Может, она просто хочет тебя убить. Мы бы могли сделать это без лишних хлопот.

Лежа в палате на медицинской койке, Лезия бешено извивалась, взгляд ее дико блуждал. Она походила на запертое в клетке свирепое животное.

Пропустив мимо ушей замечание Рутин, Джессика ответила:

– Я ничего о ней не знаю. Что я на самом деле могу сделать?

– Ты войдешь к ней, – ледяным тоном произнесла Харишка. – Спросишь ее. Мы все подождем здесь ответа.

– Да, – сказала Джаира, глядя на Джессику. – Мы понаблюдаем отсюда.

Джессика заставила себя сделать успокаивающий вдох и сжала губы.

– Если она уже принудила нескольких сестер к самоубийству, вы сейчас бросаете мышшь в змеиное гнездо.

– Да, это верно, но я думаю, что ты мышка, которая сможет перехитрить змею. Мы считаем эту тайну настолько важной, что готовы рискнуть твоей жизнью.

Джессика внутренне оцепенела. *Но насколько важной ты считаешь мою жизнь?*

– Ужас, кровопролитие, катастрофа, – произнесла Рутин. – Это что-то связанное с тобой или твоим сыном.

Джессика вспомнила многочисленные испытания и тесты, которым ее подвергали здесь, в школе матерей.

– Значит, это еще один гом-джаббар. – С этими словами Джессика шагнула к опечатанной двери. – Я пережила первое испытание Мохайем, переживу и это.

Рутин метнула в нее взгляд, острый, как ребро алмаза.

– Ты боишься?

Что-то в этой женщине, как и в Лезии, выводило Джессику из равновесия.

Джессика овладела собой, зная, что ей придется сделать все, чего потребует от нее Бинэ Гессерит. Возможно, если она сможет выполнить приказ, ее отпустят на Каладан и она сможет спасти то, что еще можно. Она обернулась к Харишке.

– Я не боюсь, Верховная Мать.

Рутин усмехнулась.

– А стоило бы.

– Помни клятву, которую ты давала, – предупредила ее сестра Джаира. – Сестра должна сделать все возможное для защиты и блага Бинэ Гессерит.

– Я помню мои клятвы, и я знаю, что они означают, – сказала Джессика и продолжила, понизив голос: – Это означает, что я – переменный состав.

– Мы все переменный состав, в широком смысле, – возразила Харишка. – Исключений нет. Но Лезия думает, что ты или твои действия могут уничтожить Орден сестер. Узнай почему, иначе нам придется прибегнуть к другим методам.

– Мы не имеем права рисковать, – пробормотала Джаира.

Джессика внешне сохранила спокойствие, но внутренне содрогнулась. Итак, древняя старуха, неистово воющая со своими внутренними демонами, вызвала Джессику с противоположного конца Империи. В предзнании, а может, просто в слабоумии, она увидела что-то жизненно важное, ключевое решение, способное изменить ход истории. *Почему она хочет разлучить меня с Полом?*

Лезия не станет просто убивать Джессику, когда она войдет в палату. Или она все же попытается это сделать?

Обострив чувства, Джессика подошла к двери палаты, в которой заточили Лезию.

– Страх убивает рассудок...

Верховная Мать одобительно улыбнулась.

– Если хочешь, прочти всю литанию.

– В этом нет необходимости. – Джессика посмотрела на панель замка. – Я выполню свой долг и надеюсь, что Орден сестер запомнит это.

Рутин явно не испытывала симпатии к Джессике.

– Ты не всегда выполняла долг по отношению к нам. Возможно, сегодня тебе удастся искупить вину.

Джессика не изменилась в лице, ей не хотелось доставить им удовольствие своей горечью. Она активировала замок и вошла в палату. Неприятный запах ударил в нос, послышался шум системы вентиляции. Когда за спиной закрылась дверь и щелкнул замок, Джессика почувствовала себя так, словно ее выгнали на арену древнего цирка.

Несмотря на то что медицинское оборудование продолжало издавать тихий электронный шепот, а где-то в углу погромыхивали лопасти вентилятора, показалось, что перед ней разверзлась пустота. Джессика застыла у двери.

Лезия перестала извиваться, подняла голову и уставилась на Джессику. Глаза смотрели с мертвой бесстрастностью; казалось, старуха напряженно раздумывает, как поступить с незваной гостьей.

Джессика ждала, глядя на старуху, привязанную к кровати. Лезия дернулась, и взгляд ее вдруг стал удивительно ясным.

– Тебе не нравится запах! Это видно по выражению твоего лица. Ты пришла, чтобы поменять постель?

– Я леди Каладана Джессика, – холодно и официально ответила Джессика. – Ты вызвала меня.

Лезия внезапно рванулась с такой силой, что заскрипели ремни, привязывающие ее к кровати.

– Ты!

Она изо всех сил попыталась вырваться и наброситься на Джессику с голыми руками, но не могла.

Джессика оставалась недостижимой для нее.

– Зачем ты меня звала? Чего хочешь?

Зачем ты оторвала меня от дома и семьи?

В Лезии словно что-то выключилось. Она вдруг откинулась на спину и успокоилась. По лицу ее скользнула улыбка.

– Сделаем что-нибудь вместе, да?

Верховная Мать требует ответов, и Джессике стоило дать их до того, как старуха сможет попросить освободить ее. Джессика опасливо приблизилась к кровати.

– Объяснись. Что я сделала, чтобы привлечь твое внимание?

– Что ты сделала? Или что ты сделаешь? Кто представляет опасность – ты или твой сын? – Она попыталась повернуться на постели. – Помоги мне поменять белье. Мы сделаем это вместе. Развяжи меня.

Джессика не поддавалась на этот трюк.

– Не за этим же ты вызвала меня с Каладана.

– Тогда пришли тех, кто сможет мне перестелить.

Лезия раздраженно откинулась на кровать и уставилась в потолок.

– Я сделаю это после того, как ты ответишь. Верховная Мать Харишка внимательно слушает.

Старуха издала неопределенный звук.

– Они все слушают. Всегда слушают. Они знают, что я говорила. В будущее ведет бесчисленное множество путей, но благодаря тебе и твоему сыну столько же путей ведут к катастрофе для Ордена сестер.

Рискнув, Джессика приблизилась к кровати и поправила подушку под головой Лезии.

– Так удобнее?

По растрескавшимся губам старухи пробежала кривая усмешка.

– Посмотри вокруг, Джессика, леди Каладана. Разве эта комната может стать удобной для меня?

– Нет, конечно. Мне очень жаль.

– Тебе жаль? – Она грубо расхохоталась. – Ты могла уничтожить всех нас!

– Мне очень жаль.

– Пусть сюда придет Харишка и скажет, что и ей жаль! Мы с ней когда-то дружили, как ты знаешь.

Лезия повернула голову к окну, где в ожидании стояла Верховная Мать, и состроила детскую гримасу.

Джессика продолжала оценивать опасность, исходящую от этой неустойчивой личности.

– Зачем я здесь?

– Потому что я знаю! – выкрикнула Лезия. – Из-за тебя, из-за твоего сына... возникла опасность для всех нас! – Она понизила голос. – Обезопась себя, покончи с этим. Убей сына.

Джессика с трудом скрыла охвативший ее ужас. Она не стала обдумывать ответ и выпалила:

– Нет, я никогда этого не сделаю.

– Тогда все мы обречены. – Лезия откинулась на подушку и закрыла глаза. Казалось, она целиком погрузилась в себя. – Но возможно, все это мне просто привиделось. Сны и грезы могут выглядеть очень живыми, ты знаешь.

Томительно потекли бесконечные мгновения. Джессика внимательно смотрела на неподвижные руки Лезии. Старуха приоткрыла глаза и вперила в Джессику долгий жесткий взгляд.

– Я не стану убивать сына, – твердо повторила Джессика.

Старуха поняла, что решение непреклонно.

Лезия что-то невнятно пробормотала, словно разговаривая с невидимым собеседником, она говорила так тихо, что Джессика не смогла разобрать ни одного слова. Возможно, Лезию захлестнули волны другой памяти, бесплотные голоса давно умерших Преподобных Матерей, поразившие Лезию безумием. Такое случалось и с другими.

Лезия очнулась и попыталась вырваться. Она смотрела перед собой пустым взглядом, выкрикивая:

– Где Джессика с Каладана? Приведите ко мне Джессику!

Джессика усилием воли заставила себя сохранить спокойствие и достичь высшего сознания.

– Я здесь. Объясни, чего ты хочешь.

Харишка и ее спутницы за окном ловили каждое слово.

Лицо старухи понемногу обмякло, и уголки рта опустились до того, как она с горечью выдавила:

– Ты! Теперь уже слишком поздно! – Выражение ее лица снова изменилось, она захрипела. – Они получают то, что заслуживают.

– Кто? Расскажи, что ты видела.

Лезия посмотрела на Джессику с многозначительной ухмылкой.

– Мы с тобой проведем вместе еще много времени, ты и я. Харишка воображает, что она начальник, которому нужны факты для принятия решений. Она очень логичная дама, иногда даже чересчур логичная. Посмотрим, как она вывернется... если сделает то, что надо сделать.

– Ты поставила моего сына под угрозу. – Джессика не могла больше сдерживаться. – Зачем тебе понадобилось разлучать меня с сыном и герцогом?

– Мы все в опасности! – выкрикнула Лезия. – Уходи!

Сохраняя полное хладнокровие, Джессика подошла к двери и дождалась, когда Джиара открыла дверь и выпустила ее.

Харишка, не скрывая любопытства, тревоги и растерянности, ждала ее у входа в палату. Она уперла руки в бока.

– Лезия непредсказуема. Она воображает, что этим держит меня в постоянном напряжении и выбивает из равновесия.

– Мне кажется, что ее ответ вполне понятен, – произнесла Рутин.

Верховная мать резко осадил ее.

– Ничего здесь не понятно! Лезия полностью в своем уме, но она очень мстительна. Я не доверяю ее мотивам... как и всему, что она говорила.

– Но тем не менее я здесь, разлученная со всем, что мне дорого.

– Нет, не со всем, – поправила ее Джаира. – Ты не разлучена с Орденом сестер.

Лезия пронзительно завизжала; ее голос приглушенно звучал в динамике.

– Вы в таком же заточении, как и я, просто не видите этого. Я знаю, что вам нужно, и поэтому вы у меня в подчинении!

Харишка сделала знак, и автоматический манипулятор ввел иглу в руку Лезии. Старуха изогнулась дугой и зашипела, но транквилизатор немедленно поверг ее в ступор.

– Она сказала не все, что нам нужно, – произнесла Харишка. – Поэтому мы станем повторять попытки до тех пор, пока не добьемся удовлетворительного результата.

Джессика изо всех сил сдерживала ярость, не зная, как отреагируют на нее сестры.

– Мой сын не представляет опасности ни для Бинэ Гессерит, ни вообще для кого бы то ни было. Ему всего четырнадцать.

Верховная Мать зашагала прочь, не удостоив Джессику ответом.

* * *

Человек состоит из своих воспоминаний, истории, поступков и репутации.

Герцог Паулус Атрейдес, из письма к сыну

Устроившись при императорском дворе, герцог Лето сосредоточился на планах, решив разработать их как важную военную операцию. Первым делом он связался с эрцгерцогом Армандом Икацом, другом, который тоже находился в имперской столице по делам Ландсраада. Однорукий аристократ много лет выступал союзником Атрейдесов, одним из немногих, благодаря кому Лето удалось уцелеть во время атаки на Оторио.

Эти двое стояли у входа в величественное здание Ландсраада, фасад которого украшали каменные колонны, толстые, как кровавые деревья Икаца. Вдоль широкого бульвара стояли ряды флагштоков, на них развевались флаги благородных домов. Стяги некоторых семейств приспустили – представители этих семейств погибли на Оторио.

Лето потребовалась помощь навигатора, чтобы найти черно-красное знамя дома Атрейдесов – оно стояло в самом конце бульвара. Заметив эту несправедливость, Арманд предложил Лето подать петицию о перенесении флага Атрейдесов на подобающее ему место вблизи дома Ландсраада.

Во время правительственной сессии многие места в зале пустовали, потому что обсуждалась не особенно важная тема. По предложению Арманда Лето поддержал три абсолютно безвредных и столь же бесполезных закона. Герцог сидел на месте, отведенном дому Атрейдесов, и когда настало время прений, дал знак, что хочет выступить. Он встал и громовым голосом, слышным всем участникам заседания, произнес:

– Лето Атрейдес, герцог Каладана, поддерживает эту меру.

– Мнение записано, – сказал парламентский спикер, и имя Лето зафиксировали в протоколе обсуждения.

Лето понимал, что это сущая мелочь, но, покидая сессию, эрцгерцог произнес с печальной улыбкой:

– Вы сделали самое важное – вас увидели и заметили. Некоторые семейства Ландсраада голосуют за или против всех постановлений независимо от того, имеют к ним отношение или нет. Но благодаря такой тактике представителей этих семейств чаще избирают в важные подкомитеты, потому что видят их активность.

Лето сразу представил себе, как эти скучные обязанности отвлекут его от истинного предназначения – править Каладаном.

– Разве это хорошо – состоять во множестве подкомитетов?

– Это чрезвычайно важно, так как позволяет определенным образом влиять на политику. Не все вопросы неважные, Лето. Многие аристократы, в частности Раджив Лондин, лоббировали отмену императорского дополнительного налога на специю – пока, правда, безуспешно.

– Я слышал об этих жалобах, – сказал Лето. – Но дополнительный налог меня не касается. Дом Атрейдесов не занимается специей.

Он, однако, вспомнил свой опыт борьбы с опасным новым наркотиком айларом, производимым на Каладане и унесшим множество жизней на планетах членов Ландсраада.

Арманд серьезно посмотрел на Лето.

– Дайте себе волю и пожалуйте мне, если от этого вы почувствуете себя лучше, но я то знаю, что вы не так уж наивны в политике.

– О, я слишком хорошо ее понимаю. Именно поэтому я покинул Каладан и прибыл на Кайтэйн, – ответил он. – Граф Фенринг даже обещал посодействовать мне.

Эрцгерцог отреагировал сдержанно.

– Это интересная перспектива. Хасимир Фенринг действительно может помочь приобрести влияние при дворе, но с ним надо проявлять осмотрительность и осторожность. Он может посодействовать в достижении желаемого, но способом, который окажется неприемлемым для Атрейдеса. Я знаю, как много значит для вас честь, и вы вряд ли захотите заключать сделку с дьяволом.

Лето напрягся. Он думал так же, поэтому кивнул.

– Я понял, мой старый друг.

Устав от вечной толпы, герцог вернулся во дворец, намереваясь написать письмо Полу и подготовить доклад о своих действиях для Хавата. Когда он шел по многолюдному вестибюлю, его остановил человек, одетый в изысканный придворный мундир.

– Императрица Ариката с радостью примет вас для беседы за чашкой кофе со специей, – сказал человек.

Он сообщил время визита. Оставалось полчаса. За это время Лето едва успевал дойти до крыла Императрицы, и он поспешил туда, радуясь, что одет надлежащим образом.

Безупречно вежливый и молчаливый лакей проводил Лето в частную гостиную Императрицы. Ариката ждала за столиком, у которого стоял единственный стул для гостя; она приветливо улыбнулась Атрейдесу.

– Очень рада снова видеть вас, герцог Лето Атрейдес, и при куда более приятных обстоятельствах, чем во время суматошной эвакуации с Оторио. Одна из моих обязанностей как Императрицы – это знать о предметах, важных для супруга.

Лето церемонно поклонился и сел.

На столике его уже ждала фарфоровая чашка с темным горячим напитком, налитым всего несколько секунд назад. Герцог сразу уловил сильный, но привлекательный аромат крепкого кофе, смешанный с запахом меланжа.

– Это большая честь для меня, ваше величество.

– Мне также хотелось бы выразить мою признательность. В том хаосе во время атаки мы не смогли отблагодарить вас, проявив надлежащую щедрость.

Лето привстал на стуле.

– Император Шаддам очень ясно выразил благодарность, ваше величество. Вам не о чем беспокоиться.

Императрица сделала глоток, и Лето последовал ее примеру. Он сразу ощутил прилив энергии, а в груди поднялась горячая волна.

Глаза императрицы загорелись, когда она оценила его реакцию.

– Вам понравился напиток?

Лето смущенно покраснел, почувствовав себя неотесанным чурбаном.

– Я всего несколько раз пил кофе со специей, но ваш просто восхитителен.

– Многие в Империи не могут обходиться без специй в той или иной форме, – сказала она с легким разочарованием. – Во всяком случае, имперские финансисты очень довольны, как и дом Харконненов.

Услышав имя заклятого врага, Лето скрыл реакцию следующим глотком кофе, но на этот раз прилив энергии оказался слабее.

Ариката продолжала непринужденно говорить, но, очевидно, придерживалась твердого плана.

– Несмотря на ужасные события той ночи, я помню, что ранее вы говорили о своей любви к Каладану. – Она сложила руки на столе. – Расскажите мне об океанах своей планеты, герцог Лето. Почему для вас Каладан – особое место?

Вопрос Арикаты заставил Лето с тоской вспомнить о привычной жизни в замке, о том, как он всегда прислушивался к нуждам своего народа. Теперь за все это отвечает Пол...

Лето рассказывал о приливах и отливах, о ежегодных праздниках рыбаков, о затерянных в океане островах. Он говорил о прекрасной северной глуши, куда недавно возил сына; герцог умолчал о плантациях айлар, обнаруженных там, но упомянул о процветающей рыбной промышленности и пообещал прислать партию лунной рыбы, чтобы императрица могла оценить деликатесы из филе, так же как он смог отведать превосходный кофе. От этого рассказа Лето стало легче на душе.

Императрица улыбалась, очевидно, испытывая удовольствие от общения с герцогом.

– Расскажите мне о вашей возлюбленной леди Джессике. Да, да, я все о вас знаю! Очень немногим аристократам удастся поддерживать столь долгие и счастливые союзы. Она, конечно, всего лишь наложница, но мне кажется, что леди Джессика – самая подходящая для вас партия.

Лето не смог скрыть темную тень, пробежавшую по его лицу.

– Джессика уже не моя наложница. Ее отозвали в Школу Матерей на Уаллах IX, и я думаю, что навсегда. Она сказала, что не может нарушить верность Ордену сестер Бинэ Гессерит; она предана им больше, чем мне.

Он не сдержал горечи, и Ариката, казалось, несколько расстроилась.

В момент, когда наступила неловкая тишина, в гостиную вошел лакей и объявил, что к Императрице явился следующий посетитель. Лето поднялся, поклонился, поблагодарил Арику за уделенное ему время и отправился в свои покои во дворце.

В течение нескольких часов после аудиенции у Императрицы и упоминания имени Джессики Лето не мог прийти в себя. Это напомнило ему, что в Ландсрааде мало осведомлены о внутренних делах дома Атрейдесов, и даже, если что-то знали, то кто из аристократов интересовался его чувствами и эмоциями? Наложница – это наложница, женщина, исполняющая определенные обязанности, и Джессика превосходно справлялась с ними в течение многих лет. Лето убедил себя, что у них особые отношения, но теперь выяснилось, что он тешил себя глупыми иллюзиями. Если Бинэ Гессерит поручили ей овладеть его сердцем, то Джессика на самом деле отлично проделала свою работу.

Лето не хотелось в это верить. Но как могло быть иначе?

Сидя в покоях и предаваясь невеселым раздумьям, он вспомнил уроки, преподанные отцом, его ролевую модель. Герцог Паулус Атрейдес научил Лето править, научил благородству, научил достойно носить бремя чести. Но Лето видел, что отец совершал такие вещи, какие он считал для себя недопустимыми.

Он вспомнил, как однажды сидел перед старым герцогом в его кабинете, который теперь стал его собственным. Ему было тогда всего четырнадцать лет, столько же, сколько сейчас Полу. В предыдущие годы дом Атрейдесов сотрудничал с императором Элрудом в низвержении дома Колона, благородного семейства, якобы замышлявшего заговор против императора. Элруд объединился с Паулусом, и войска Атрейдесов атаковали Борхис, планету дома Колона. Лето никогда не понимал, в чем заключался стратегический смысл или причина этого нападения, не понимал, зачем потребовалось отправлять на Борхис огромную армию, фрегаты и солдат. В результате дом Колона истребили; остались лишь немногочисленные его сторонники, продолжившие в лесистых холмах партизанскую войну.

– Эта атака вдвое увеличила наши владения, – объяснил Паулус сыну, но в этих словах чувствовалось скорее разочарование собой, а не торжество. – Теперь все доходы дома Колона стали нашими.

Кажется, отец пытался оправдаться в своих глазах.

Старый герцог наклонился к сыну через древний стол.

– Пойми, сын мой, сокрушение дома Колона – не моя инициатива. И хотя мы получили важное владение, мне пришлось заплатить за это непомерную цену.

Он поднял голову, и Лето увидел, что отец раздавлен чувством ответственности и вины; сейчас он мало походил на герцога, который развлекал народ Каладана зрелищными спектаклями.

– Но Элруд вынудил меня... – Паулус горестно покачал головой, не став больше ничего объяснять.

Вскоре после этого Паулуса убил бык, и Лето стал герцогом Каладана. Несколько лет спустя он раскопал неприятные документы, запертые отцом в потайном месте. Новый Император Шаддам никогда не говорил, чем именно старый Элруд шантажировал Паулуса, вынудив напасть на Колону, но, когда Шаддам IV занял трон Золотого Льва, все изменилось.

Лето удивил двор тем, что передал лен Борхиса дальним уцелевшим родственникам дома Колона, и заявил, что не нуждается в запятнанном чужом богатстве. Шаддам не мог понять, зачем Атрейдес сделал такую глупость, но Лето твердо держался своих принципов.

Так герцог Лето поступал раньше, а теперь он сам явился на Кайтэйн, рассчитывая получить еще что-то.

В мыслях ему явился образ Джессики. Он подумал, что сейчас очень нуждается в ее мудром совете, но тут же взял себя в руки. Очевидно, в этом мире изменилось многое...

По ночам императорский дворец светился ярче любого созвездия. Независимо от времени суток здесь царил лихорадочное оживление. Прибывали люди из всех миров, со всех планет, из всех исторических эпох. На эстрадах вокруг дворца звучала музыка. На улицах били живописные фонтаны, освещенные разноцветными огнями.

Лето переоделся в вечерний костюм и покинул покои, чтобы прогуляться по столице – посмотреть других и показать себя. Сопровождаемый ближней свитой и советниками, ибо что за аристократ без свиты, Лето принялся фланировать по крытым галереям и пропилеям дворца. Самым трудным для его спутников было не пялить изумленно глаза на столичные чудеса.

Продолжая бесцельную прогулку, Лето вдруг услышал, как кто-то громко произнес его имя.

– Герцог Лето Атрейдес, ни с места!

Лето обернулся в поисках знакомого лица и увидел огромного человека, который стремительно надвигался на него, продираясь сквозь толпу. Человек на полголовы возвышался над герцогом и сложением напоминал медведя. На румянном лице выделялись внушительные усы.

– Лето Атрейдес, герцог Каладана, я вызываю вас на поединок!

Люди начали оглядываться, толпа окружила их, привлеченная новым развлечением.

С упавшим сердцем Лето посмотрел на лорда Арикка, с которым встречался лишь однажды, во время приема в музее Коррино. Только потом Лето узнал, что его сын, страдавший наркотической зависимостью, умер от передозировки айлара, в чем Арикк обвинил Лето.

– Перед этими свидетелями я требую возмездия, – заревел Арикк. – Я считаю вас и ваш каладанский наркотик виной смерти моего сына.

Всем видели, что Лето старается сохранить хладнокровие.

– Я глубоко сожалею, лорд Арикк, и сочувствую вашему горю, но дом Атрейдесов не имел отношения к деятельности наркодельцов на Каладане. Узнав о них, мы уничтожили все поля папоротника барра. – Он вздохнул. – Я не могу вернуть вам сына, но могу гарантировать, что никто больше не умрет от айлара.

– Это ложь! – презрительно оскалив зубы, заорал Арикк. – Вы устроили спектакль, сожгли несколько плантаций, чтобы сохранить лицо дома Атрейдесов, но это всего лишь ловкий трюк. Вам не удалось никого обмануть. Торговцы наркотиками уже снова предлагают айлар всем желающим по всей Империи. Ничего не изменилось. Единственный способ остановить смерть – это остановить вас. – Он подошел ближе. – Повторяю, я требую возмездия. Я вызываю вас на дуэль, время и место которой я сообщу, и мы сойдемся лицом к лицу! Формальности надо соблюдать, и вы, герцог Лето, ответите за свои злодеяния.

Аттик и его свита пошли прочь.

* * *

Знание – это имущество. Знание – это оружие. Знание – это угроза.
Знания никогда не бывает много.

*Циркуляр КАНИКТ от ур-директора Малины Ару для внутреннего круга
директоров высшего эшелона*

Даже днем с обзорной площадки дворца открывался впечатляющий вид на Кайтэйн. Императорский «безграничный город» простирался до горизонта во всех направлениях, воздух поражал кристальной чистотой и свежестью. Разноцветные здания копировали архитектурные стили тысяч планет, и каждое привлекало к себе внимание.

От этого вида у Малины Ару разболелись глаза.

Несмотря на безраздельную власть над КАНИКТ, ур-директору нечасто приходилось появляться на публике. Она предпочитала действовать за сценой. Очень немногие понимали, что реальная власть не нуждается в блесках и мишуре.

Однако, после того как ее преступный сын Якссон атаковал Оторию и взбудоражил всю Империю, Малина стала соблюдать повышенную осторожность. Вынужденная угодить Ландсрааду, она отмежевалась от сына и попросила прощения, ибо это был единственный способ спасти священную миссию Союза Благородных. Тихий мятеж развивался много столетий, имея целью избавление от Коррино, вцепившихся в абсолютную власть. Велась долгая игра, в которой участвовали лучшие политики и историки – но Якссон ворвался в нее, как огненное ядро, разметава фигуры, тщательно расставленные на игровой доске. Несмотря на то что Якссон ее плоть и кровь, Малине иногда хотелось его задушить.

– Я продолжаю работать над этой задачей, ур-дир, – тихо сказала Арикката Малине. Они стояли вне площадки, в тени купола, притворяясь, что созерцают панораму города. – Я,

конечно, пользуюсь большим влиянием на моего дорогого Шаддама, но я не могу действовать слишком открыто, вы же это понимаете.

– Я все понимаю, и вы превосходно играли свою роль – во всяком случае, до сих пор.

Темные волосы Малина коротко стригла, она носила строгий деловой костюм, являвший яркий контраст тщеславному и роскошному наряду Императрицы. Ур-директор еще сильнее понизила голос, несмотря на то что канцлер Ридондо стоял далеко, настраивая оптические приборы площадки.

– Но почему вы не предупредили нас об опасности для дома Вердена? Мы могли бы что-нибудь спасти или уберечь кого-то из членов семейства. Уж, по меньшей мере, изготовили бы фальшивое донесение или стерли бы порочащую информацию.

Губы Арикаты были цвета жидкого граната, а радужка походила на текстуру древесных волокон, между которыми чернели бездны звездного неба. Она, Императрица, все же смутилась от слов Малины, как школьница перед учителем.

– Мой муж не всегда говорит мне, что намеревается сделать. Он хотел шокировать всех членов Ландсраада уничтожением дома Вердена.

Малина нахмурилась еще больше.

– По крайней мере, этот варварский акт отвлек внимание от моего сына.

Она покачала головой. Из-за Якссона Малина не могла выступить против несправедливости действий императора, против того, что случилось с Верденом и его семьей. Пусть другие дома провозглашают невиновность герцога или, что более вероятно, бесчестят его, называют подлым предателем и вычеркивают из имперской истории.

Императрица Ариката, новая жена Шаддама, стала таковой в результате подковерных махинаций КАНИКТ. Под другим именем и внешнестью эта молодая женщина служила наложницей тяжело больному старому графу Ульчану на Плиессе. Когда стало ясно, что Шаддам теряет интерес к Фиренце, его предыдущей жене, брак с которой заключил из чисто политических соображений, прожженные специалисты КАНИКТ превратили Арику в идеальную спутницу Падишах-Императора, а собственная дочь Малины вышла замуж за графа Ульчана и обвела его вокруг пальца.

Леди Анирул, первая жена императора и мать его четырех дочерей, оставалась его супругой дольше других, но ее убили четырнадцать лет назад. Ариката считала, что сможет стать лучшей. Выдрессированная как идеальная супруга Шаддама, она мастерски управляла им, дергая за нужные ниточки. Таким образом, КАНИКТ разыграл самый выгодный для себя сценарий: Ариката служила ушами самого могущественного человека в известной вселенной и была при этом обязана передавать всю важную информацию в КАНИКТ.

Герцога Фаусто Вердена, одного из верных соратников Малины в Союзе благородных, выследили и убили. Теперь ур-директор опасалась, что раскроют и других тайных мятежников.

Ни Шаддам, ни его беспощадные сардаукары не понимали, что Союз благородных состоит из двух фракций, да, собственно, их это и не интересовало. Скорее всего, Верден допустил оплошность и поплатился за нее. Но не оставил ли он следов, которые могут поставить под удар других участников движения? Малина и ее соратники балансировали на грани отчаяния, а Ариката оставалась их единственным источником информации.

– Какие доказательства есть у Шаддама? – допытывалась Малина у императрицы. – Ландсраад ропщет. Великий дом обвинили в преступлении и уничтожили, но Император не представил никаких доказательств. Еще важнее, как получилось, что Верден дал себя поймать? Мы должны это знать.

Ариката перешла на шепот.

– Почему вы думаете, что он вообще имел доказательства? Мой муж отличается способностью устроить спектакль просто потому, что это ему понадобилось.

Женщины одновременно подняли головы, услышав, что канцлер закончил свою работу и купол начал поворачиваться на своей подвеске. Наблюдательная щель поочередно открывала вид на разные участки неба.

Императрица снова понизила голос и спросила:

– Почему вы так в этом заинтересованы, ур-дир? Владения дома Верденов передадут другому дому, а КАНИКТ сможет назначить новых директоров.

Ариката не знала – да ей и не полагалось знать – никаких важных сведений о мятежниках, в частности, что ур-директор или КАНИКТ вовлечены в заговор.

Малина сказала:

– Верден являлся одним из самых важных директоров внутреннего круга, и теперь мне придется заново выстраивать баланс. – Она успокоилась и постаралась ободрить и Императрицу. – Используйте это как возможность. Выразите свое недовольство тем, что Шаддам не посовещался с вами, скажите, что хотите получить больше ответственности и хотите стать его самым... интимным советником.

– Я исполняю свой долг, – улыбнувшись, ответила Ариката и сделала многозначительную паузу. – Но я узнала неожиданную и важную информацию о другом предмете. – Малина наклонилась к ней, ожидая продолжения, и Ариката не разочаровала ее. – Есть ли у вас интерес к каладанскому герцогу Лето Атрейдесу? Совершенно очевидно, что он потерпел фиаско со своей официальной наложницей, матерью его сына и предполагаемого наследника. Ведя свою игру, Бинэ Гессерит вызвала Джессику на Уаллах IX вопреки его воле, и пока доподлинно неизвестно, уехала она по своей воле или под давлением. Герцог глубоко уязвлен; чувствует себя одиноким и затаил злобу на Орден сестер.

– Это означает, что сейчас им можно манипулировать, – сказала Малина, переваривая информацию. – Дом Атрейдесов в настоящее время не представляет для нас никакого интереса, но я посмотрю, какую пользу можно из этого извлечь. После Оторио и перераспределения владений доля акций самого императора в КАНИТ стала подавляющей, а мы не хотим этого терпеть.

Она потеряла виски.

– Как мне сейчас не хватает моих остистых собачек, но дворцовая челядь их боится.

– Где они? – спросила Ариката.

– На время пребывания в Кайтэйн я оставила их в Серебряной Игле с Франкосом.

За Харом и Каром присматривал номинальный президент КАНИКТ. Позади величественной панорамы она отыскала взглядом изящный шпиль штаб-квартиры КАНИКТ, выглядящий как кинжал, почти равный по высоте императорскому дворцу.

Из обсерватории вышел канцлер.

– Ну наконец все готово, дорогие дамы. Купол и механизмы отлажены, вид просто потрясающий. Идемте, вы все должны увидеть собственными глазами.

– Даже днем?

Малина, конечно, знала ответ, но это давало Ридондо возможность дать объяснения и почувствовать свою важность.

– Наши линзы могут пронизывать атмосферу, и вы даже увидите на орбите несколько лайнеров Гильдии. Активность удивительная.

– Это очень мило, – с невинной беззаботностью отозвалась Ариката, включив очарование на полную мощность.

Женщины последовали за канцлером внутрь.

В куполе священнодействовали три астронома, возившиеся с телескопами. Ариката подвела ур-директора к окуляру, снабженному резиновым кольцом.

Канцлер сделал шаг назад и встал, скрестив руки на груди, дав дамам возможность наслаждаться космическим зрелищем.

Через окуляр Малина наблюдала светящиеся точки космических кораблей, челноков, грузовых судов и отстойников, вываливавшихся из чрева лайнера Гильдии. Малина могла воочию оценить интенсивность движения, торговую активность сотен Домов, тысяч частных судов и бесчисленные миллиарды соляриев, вовлеченных в оборот, – и все это оплетала сеть компании КАНИКТ. Ур-директор довольно долго упивалась этим зрелищем.

Ее немало удивил послышавшийся за спиной знакомый голос.

– Ридондо сказал, что я найду вас обеих здесь. Полагаю, как всегда, плетете интриги?

Услышав слова Шаддама, Малина не испытала ничего, кроме раздражения, но Ариката нежно ответила:

– Мы говорим о делах, любовь моя, я укрепляю дружбу с ур-директором Ару. Я бы не стала называть это интригами.

– Называй это, как тебе угодно, – ответил Шаддам.

– Мы обсуждали ужасную судьбу дома Вердена, – добавила Малина.

– Они сами виноваты в ней, – желчно произнес Шаддам. – Та же судьба ждет любой другой дом, если он вздумает сочувствовать подлым мятежникам. Все должны знать, как я бдителен.

– Теперь это знают все, сир, – согласилась Малина.

Ариката решила грубо польстить Императору:

– Если у меня будут хорошие отношения с ур-директором КАНИКТ, мой дорогой, то я смогу принести пользу и тебе. Мы близкие подруги.

Шаддам, не отличавшийся падкостью на лесть, воображал, что понимает, что делает с ним Ариката, но ее так хорошо подготовили, что он даже не подозревал, чем она занималась на самом деле.

Малина отошла от телескопа и указала рукой на окуляр.

– Не хотите посмотреть, сир? Это напомнит вам обо всех кораблях, торговцах и просто людях, которые прибывают на Кайтэйн только ради вас.

Император улыбнулся.

– Я думаю об этом каждый день.

Он склонился к окуляру и принялся сосредоточенно смотреть. Ариката извинилась и увела Малину из обсерватории.

Ур-директор попыталась представить себе, что сделает Император, если узнает о незаконных операциях барона Харконнена со специей и о его сговоре с КАНИКТ в уходе от дополнительного императорского налога. Она решила, что ей – ради ее собственного выживания – нужен план на случай столь катастрофического развития событий.

* * *

Сражение в ближнем бою незначительно отличается от битв на большой арене. В любом случае надо знать театр военных действий и приспособливаться к нему.

Сборник инструкций Бинэ Гессерит

Прежде чем отправиться в путешествие на побережье, Пол и Дункан обошли орнитоптер, желая убедиться, что горючего достаточно, а соединения крыльев, усиливающие стойки, воздушный отражатель и легкий кожух корпуса в полном порядке. Дункан настаивал, что хороший пилот всегда проверяет судно перед вылетом, и Пол следовал этому наставлению.

Над морем стелился низкий туман, но над башнями древнего замка висели лишь крошечные его клочки. Пол и Дункан направлялись в песчаные дюны Каладана на поиски таинственной девушки, постоянно появлявшейся в сновидениях Пола. Хотя юноша сомневался,

что отыщет ее, он, помимо всего прочего, хотел увидеть тамошние растения и ознакомиться с экспериментами на биологической станции; кроме того, просто посетить для ознакомления этот район своей планеты.

Я должен учиться быть герцогом.

Дункан поднял голову и посмотрел в расчистившееся небо.

– Отличная погода для полета, молодой мастер. Небольшой ветерок для бодрости, но ты с ним справишься. – С этими словами он поднялся в кабину. – Садись за управление.

Пол сел на место пилота и включил двигатель. Слившись с машиной, юноша поднял ее в воздух. Ритмично застучали крылья, и орнитопптер стал набирать скорость. Пол выпустил крылья машины на всю их длину, и они заработали в полную мощь, подчиняясь грациозному ритму. Глядя на землю через ветровое стекло, Пол чувствовал себя орлом, парящим в небе.

– Никогда не знаешь, с чем там столкнешься, – сказал Дункан. – Где еще на Каладана можно найти песчаные дюны? Ты говорил, что отчетливо видел их во снах с девушкой. Может, на месте ты поймешь смысл этих картин.

Пол задумался, поднявшись над замком и направив машину вдоль берега.

– Может быть, – произнес он куда менее уверенно, чем Дункан.

Дюны находились в часе полета от Кала-Сити; в том месте выветривание горных пород привело к образованию песков. В их северной части находилась деревня Алоренс; раньше на ее месте зеленел густой лес и процветало земледелие, но надвигающиеся дюны поглотили плодородную почву. За прошедшие сто лет жители воздвигли множество стен и дамб, чтобы сдерживать наступление пустыни, но все их усилия оказались тщетными. Деревня спаслась только благодаря тому, что специалисты-почвоведы поняли: для сдерживания песков их надо засадить гудзонией. Это действительно прекратило дальнейшее расползание дюн по пахотной земле.

Пол направил орнитопптер к домам и к клубящимся гребням дюн. Некоторые из них покрывала уродливая трава, словно на мрачных склонах тролль растил урожай похожей на войлок зеленовато-серой растительности, кое-где украшенной желтыми цветками.

– Песчаный вереск, – язвительно заметил Дункан.

Пол посмотрел вверх приборной доски.

– Слушай Дункан, а ты куда образованнее, чем я думал.

Мастер меча в ответ только усмехнулся.

– Вчера я подсмотрел через твое плечо, когда ты читал книгофильм. Ты так сосредоточился, что даже не заметил, как я подошел.

– Сафир бы страшно рассердился, узнав, что ты смог незаметно ко мне подкрасться, – рассмеялся Пол. – Или, может, я просто знал, что ты рядом.

Орнитопптер сделал круг над деревней и полетел дальше, к первому ряду дюн, в поисках планетологической станции, расположенной на каменистой площадке, которую окружали каменные столбы, похожие на зловещих фантастических животных. С ближайших дюн на них уже смотрели люди в форме цвета хаки и в широкополых шляпах. Пол снизился, и несколько человек приветственно помахали ему, заметив герцогскую эмблему на фюзеляже.

Пол взглянул на Дункана.

– Ты сказал кому-нибудь в деревне, что мы прилетим? Они ждут нас?

Дункан посмотрел вниз через боковое стекло.

– Я подумал, что мы нанесем очень короткий визит – ты и я. Если бы я оповестил жителей Алоренса, то наш приезд стал бы выдающимся событием; тебя встречали бы деревенские старшины, а планетологи непременно пригласили бы посмотреть на их растения. Тебе интересно провести здесь несколько дней? Сафир сможет это организовать, если ты захочешь потратить время на поиски девушки.

Полу стало неловко, и он покачал головой.

– Нет, я просто хотел посмотреть. – Он внимательно вглядывался в песчаный ландшафт, заросли войлочной травы, затянутое облаками небо. Юноша часто просыпался от того повторяющегося сна, но то, что его сейчас окружало, казалось... каким-то не таким. Он разочарованно вздохнул. – Да, это на самом деле дюны, но местность совсем другая, да и в моих снах солнце светит иначе.

– Солнце светит иначе? Как может оно светить по-другому? – смеясь, спросил Дункан. – Солнце и есть солнце. Но самый лучший способ поискать девушку – это встретиться и поговорить с местными жителями. – Он протянул руку к аппарату связи. – Так я скажу им, кто мы?

– Нет, давай сегодня просто облетим деревню. Я потом приеду сюда сам, на своих условиях.

Он изменил курс, направив орнитоптер к широкой, не покрытой травой дюне, лежащей вдалеке от лагеря планетологов. Биение крыльев замедлилось, и Пол мягко посадил машину в этом уединенном месте.

Вокруг орнитоптера поднялась туча крутящегося коричневого песка.

– Прекрасно! – похвалил юношу Дункан.

– Теперь дай-ка я посмотрю, что это за каладанские дюны, – сказал Пол.

Он постарался во всех подробностях вспомнить свои сны, свет и тени виденных им дюн, их мощь, ощущение неминуемого. В его сновидениях присутствовало еще что-то, нечто большее, чем тоненькая прекрасная девушка. Испытывая ощущение чуда, Пол ступил на песок. Он ожидал, что его со всех сторон охватит нестерпимый зной – несмотря на хмурое и пасмурное небо и прячущееся за тучами солнце. Он глубоко вдохнул; прохладный воздух сильно отдавал солью. Мысленно Пол видел соленые термальные источники, бьющие из солончака среди громоздившихся дюн и скал. Наклонившись, он зачерпнул горсть песка и просеял его сквозь пальцы. Песок оказался холодным.

Это не то.

Дункан догнал Пола и встал рядом, но юноша не обратил на него внимания, сосредоточенно разглядывая окрестности; мысленно он вернулся в свои сны, ощущая невероятное внутреннее напряжение. Он посмотрел на ближайшую скалу; потом перевел взгляд на колыхающиеся, перемещающиеся дюны, похожие на песчаное воплощение каладанского моря. По высоте они и близко не походили на увиденные во сне, и скалы имели другие форму и цвет. К тому же Пол чувствовал холод, а не жару, как во снах.

Это не то место, подумал он. Она не здесь.

Разочарование поразило сильнее, чем он ожидал. Он сбросил остатки песка с ладони, вытер руку.

– Полетели.

Дункан сильно удивился.

– Уже, молодой мастер?

Пол чувствовал необходимость уехать. Его охватило предчувствие – но не опасности, а чего-то совсем другого.

– Это не здесь, а может, и не сейчас. – Он медленно покачал головой. – Прости меня, Дункан. Я понимаю, что ты старался, но это не то место, куда я хотел попасть.

Дункан нахмурил брови под жесткими завитками черных волос, но даже не попытался понять Пола.

– Как скажете, милорд. – Он развернулся и направился к машине. – Но я все же думаю, что нам надо посетить деревню, поговорить с людьми, и, кто знает, может, какая-нибудь девушка привлечет твоё внимание.

– Я не ищу девушку, которая привлекла бы мое внимание, – сказал юноша, забираясь в кабину. Он включил двигатель и привел крылья в движение. – Сейчас я должен думать и поступать как герцог.

Подняв орнитоптер в воздух, Пол облетел дюны и опытную станцию, поросшую травой. Он посмотрел на группы рабочих, занятых своими делами в песке, а затем взгляд его затуманился – мысленно он видел великое множество людей – целую армию? – пересекающих огромную и абсолютно другую пустыню. Орнитоптер завибрировал, и Пол, вздрогнув, вернулся к реальности.

– Ты расстроен? – с тревогой в голосе спросил Дункан.

Пол сосредоточился на управлении.

– Этот ландшафт очень покоем, слишком безопасен.

– Слишком безопасен? – рассмеялся Дункан такому определению.

Но юноша стоял на своем. Он посмотрел в направлении выбранного им курса, словно проложив путь дальше, в свое будущее.

– Место, которое я ищу, больше этого – намного, намного больше.

* * *

Бизнес – это иллюзия, выступающая под разными масками. Неизменны только прибыль и влияние.

Барон Владимир Харконнен, внутренний доклад об операциях со специей

– Представьте мне ваш доклад, барон, и ваши оправдания, если они у вас есть. – Император посмотрел на барона сверху вниз с мрачным каменным выражением лица, а затем, внезапно, улыбнулся. – Правда, я уже знаю результат, и я им доволен.

Стоя перед Императором в огромном тронном зале, барон почти физически ощущал на себе взгляды тысяч людей. В каком бы помещении дворца ни принимал подданных Шаддам, оно мгновенно переполнялось придворными, министрами, советниками и бесчисленными чиновниками, не занятыми никакими конкретными делами, понятными хотя бы Императору. Многие сегодняшние зрители просто надеялись стать свидетелями падения дома Харконненов.

Барон облачился в самый блестящий свой наряд, выдержанный в оранжево-пурпурных цветах его дома; на капюшоне, падавшем на плечи, красовался вышитый грифон. Жирные пальцы унизывало множество колец, и это при том, что он снял некоторые, чтобы не показаться слишком тщеславным перед троном. Подвесной антигравитационный пояс позволял Харконнену двигаться легко и непринужденно, хотя и мешал низко кланяться. Вместо поклона он вытянул руки и всем телом подался вперед.

– Я стараюсь, как всегда, сир, и делаю все возможное во благо ваше и Империи.

Он лихорадочно пытался оценить реакцию императора. К счастью, Шаддам отличался разговорчивостью.

– Эти воры специи были моей вечной занозой в боку и стоили казначейству очень больших денег, съедая до половины дополнительного налога на специю. – Он провел рукой по гладко выбритому подбородку. – Хасимир говорит, что вы совместными усилиями нашли виновных и примерно их наказали. Я поздравляю вас с завершением успешных и похвальных действий. – С этими словами он откинулся на спинку массивного трона из прозрачного хагальского кварца. – Я видел запись казни их главаря; ее скормили гигантскому песчаному червю. Великолепное зрелище!

Графа Фенринга ни в коем случае нельзя было назвать другом барона, но в некоторых вещах их интересы совпадали, например, в том, чтобы создать впечатление, что операции со специей идут гладко. Фенринг занимался махинациями с контрабандистами, которым покровительствовал, и барон рассчитывал продолжить совместные игры, что собирался позднее обсудить при личной встрече. Императора удовлетворило решение проблемы, а пока только это имело значение.

– Дом Харконненов тесно сотрудничал с вашим министром по делам специи, и нам удалось искоренить и уничтожить эту банду пиратов, сир, – сказал барон. – И теперь весь меланж производится по вашим законам.

Однако настроение Шаддама внезапно изменилось, и голос зазвучал жестче.

– Этой проблемы, во-первых, вовсе бы не существовало, если бы вы внимательнее следили за ситуацией. Вы позволили такому случиться прямо у вас под носом, барон. Я ожидал большей прилежности от дома Харконненов.

Харконнен с видимым усилием сглотнул, чем снова привлек к себе всеобщее внимание.

Император жестом дирижера, призывающего оркестр к вниманию, поднял руку и продолжил:

– Странный ментат Фенринга раскрыл противозаконные махинации, а ведь даже мои бухгалтеры-ментаты не могли этого сделать. Все делалось очень тонко и скрытно. – Шаддам презрительно выдохнул через нос. – Как ее имя? Рулла Туэк? Я удивлен, что грязная баба из пустыни смогла проворачивать такие сложные махинации.

У барона участился пульс. Вдруг Шаддам знает больше, чем показывает? Он бы никогда не вспомнил имя Руллы Туэк, если бы не хотел использовать его в своих целях.

– Эти фрименские головорезы дьявольски сообразительны, сир, – признал барон. – Они совершили множество актов саботажа, испортили наше оборудование. Я всегда считал их почти животными, но очевидно, что многие из них – великие мошенники. – Он тоже решил произнести это имя. – Например, как Рулла Туэк и ее сообщники.

Шаддам побарабанил пальцами по ручке трона.

– Это очевидно, – в голосе его, однако, слышались недоверие и раздражение, – тем не менее дополнительный налог взимается, а это большие деньги, которые можно направить на благие цели. На самом деле я хочу устроить выставку этих денег, огромной их массы просто для того, чтобы все знали, что они есть, и прониклись к ним благоговением.

От этой приятной мысли настроение Императора снова улучшилось, и он позволил себе улыбнуться.

– Мы возьмем настоящие монеты, настоящие солярии, огромные ящики, заполненные ими, для демонстрации величия трона золотого льва. Эта демонстрация останется в памяти потомков. – Он отвлекся, представив себе великолепие этой картины, но затем внимание его вдруг снова переключилось на барона. – Неприятности с черным рынком специи выявляют недостатки вашего управления, барон. Одна банда воров ликвидирована, и граф Фенринг уверяет меня, что поводов для беспокойства больше нет, но я не ослаблю контроль и отныне стану следить за ситуацией еще более пристально. Действительно, мои бухгалтеры-ментаты нашли нестыковки в ваших отчетах и расходах.

Барон почувствовал, что потеет. Число зрителей, привлеченных разговором, удвоилось, и все смотрели на него во все глаза. Харконнен откашлялся и понизил голос:

– Может, мы обсудим это наедине, сир?

– Или, наоборот, всеобщее внимание пойдет на пользу делу?

Душа барона ушла в пятки. Неужели Император пытается обмануть его своим якобы хорошим настроением? Барон чувствовал, что попал в ловушку, и лихорадочно старался найти выход.

– Как мне улучшить работу, чтобы угодить вам?

– Ваши потери оборудования неприемлемы, – отрезал Шаддам. – Число списанных за прошлый год комбайнов, грузовиков и разведчиков намного превышает среднее значение.

– В этом году разразилось очень много песчаных бурь, сир. Кориолисовы бури, абразивное действие песка и колебания магнитного поля – все это портит оборудование и выводит из строя электронные системы.

Император впери́л в барона острый, как клинок, взгляд.

– Вы списали на пятнадцать процентов больше оборудования, чем за все предыдущие годы, и с намного большими издержками.

– Оно устарело, сир. Мы эксплуатировали грузовики и комбайны в течение времени, намного превышающего срок их службы, и вот они в конце концов сломались. Нам пришлось списать все это габаритное оборудование, чтобы обеспечить безаварийную добычу специи.

– Я видел цифры, – настаивал Шаддам, – и оценил стоимость.

– Эти издержки в основном оплачиваются за счет дома Харконненов, сир. Я не могу допустить, чтобы мои рабочие работали на оборудовании, не соответствующем стандарту. Главное – безопасность людей.

Он изо всех сил старался создать видимость искренности.

На самом деле барон отметил как негодное оборудование, которое могло прослужить еще несколько лет, и использовал его для добычи специи в пользу КАНИКТ. Опасный шаг, но весьма прибыльный.

Он примирительно улыбнулся.

– Мы станем внимательнее следить за новым оборудованием, сир, чаще ремонтировать его, чтобы продлить срок службы. Арракис – одна из самых трудных планет в Империи, но мы делаем все, что можем, чтобы не снижать добычу специи.

Император плотно сжал губы.

– Да, мы должны делать все возможное ради добычи специи. – Он откинулся на спинку трона. – Это все, что я хотел с вами обсудить, барон. Знайте, что я слежу за вами. Надеюсь на повышенную эффективность и большее рвение, отныне и навсегда. Вы свободны.

Барон изобразил попытку поклона и пошел прочь, испытывая головокружение. Теперь он хотел только одного – скорее покинуть императорский дворец. Правда, сначала предстояло увидеться с Малиной Ару в штаб-квартире КАНИКТ на Кайтэйне, а затем со всех ног бежать на свою любимую планету – Гайеди Прим.

Он старался не замечать подозрительные взгляды придворных и советников, пока шел по заполненному людьми тронному залу, но вдруг остановился как вкопанный, увидев Преподобную Мать Бинэ Гессерит, незаметно стоявшую возле гигантской колонны – императорскую вещающую истину. Сначала он ее не заметил, но Мохайем внимательно слушала его во время аудиенции и проанализировала все его слова, стараясь найти признаки лжи. Она шла к барону, и он, встревожившись, старался в подробностях вспомнить все, что говорил императору и какие термины использовал. Не сделал ли он противоречивых заявлений? Мохайем сразу его поймает. Проклятая ведьма!

– Кажется, вы расстроены, барон Харконнен? Я слушала, что вы говорили.

– Меня все слушали, – парировал барон.

– Но они не воспринимали того же, что Вещающие Истину. Когда вы говорили, как граф Фенринг расправился с ворами специи, я уловила уклончивость в ваших ответах. Возможно, нам придется это расследовать и задать вам новые вопросы.

Барон изо всех сил постарался скрыть охватившую его панику.

– То расследование проводил сам граф Фенринг. Задайте вопросы ему. Он обнаружил виновную и разобрался в сути дела. Если вы уловили что-то подозрительное, то это потому, что я считаю сомнительными его методы ведения дел и его выводы. Но если Император удовлетворен и считает, что дело окончено, то так считаю и я.

Мохайем буравила барона темными глазами, и он не желал продолжения разговора, чтобы не наделать новых ошибок.

– Если вам послышалось что-то двусмысленное в моих словах и тоне, ведьма, то это только из-за того, что я очень не люблю вас.

Он не счел нужным скрывать отвращение. Гайю Елену Мохайем он считал презренной личностью и непревзойденным манипулятором: она шантажировала барона много лет назад,

принудив оплодотворить ее по приказу Ордена сестер. Этот отвратительный акт наградил его неизлечимой болезнью, превратившей стройного мускулистого мужчину, каким он прежде был, в жирную пародию на человека.

Он зашагал прочь с сильно бьющимся сердцем, надеясь, что Мохайем не доложит о своих подозрениях Шаддаму.

Почти у самого сводчатого выхода из тронного зала барон снова прервал движение. Рядом с эрцгерцогом Армандом Икацем стоял стройный темноволосый человек в мундире дома Атрейдесов и мерил барона ледяным взглядом.

Герцог Лето Атрейдес.

Харконнен пошатнулся, едва не потеряв равновесие. Лето направил на него взгляд серых глаз, как оружие. Ненависть, искажившая его лицо, показалась осязаемой.

К счастью, их разделяли множество придворных. Не имея ни малейшего желания приближаться к Атрейдесу, барон поспешил прочь, чувствуя, как горит его лицо. Надо скорее уйти из этого змеиного гнезда.

* * *

Когда мы терпим неудачу с рождением Квизац Хадерача, это событие сильно травмирует нас, не только из-за провала кандидата, но и из-за неспособности матери Хадерача, которая все свои силы вложила в программу. Наши архивы полны имен неудачников – как тех, так и других.

Секретные архивы селекционной программы Бинэ Гессерит

Джессика сразу вспомнила эту столовую, до боли знакомую ей по годам юности – здесь она росла, воспитывалась, стала послушницей, прошла обучение, стала сестрой, а потом была послана наложницей к герцогу Каладана.

Сколько же лет прошло. Это было как будто в другой жизни. *Лето.*

Войдя, она заметила, что обеденный зал расширили за счет пристройки, соединенной со старым залом коротким коридором. Настало время приема пищи, и вокруг сновали множество женщин, но все они, казалось, избегали ее. Неужели все знают, зачем она приехала? Джессика хорошо помнила здешние сплетни и пересуды. Они что, действительно думают, что она представляет опасность для Ордена сестер, даже не зная, почему?

Пока она раздумывала, куда бы сесть, к ней подошла незнакомая сестра и завязала разговор.

– Куда сесть, зависит от того, какую кухню вы предпочитаете, традиционную или современную.

Эта высокая женщина имела такую же бронзовую кожу, как и Джессика, нежный овал лица и кошачьи синие глаза. Плавные движения выдавали хорошо тренированную мускулатуру; выглядела она на год-два старше Джессики.

– Я сестра Ксора, – представилась она, и Джессика заметила, что все остальные в зале посмотрели в их сторону.

Ксора понизила голос.

– Им очень любопытно узнать что-нибудь о тебе.

– Я Джессика... сестра Джессика, прибыла с Каладана.

Ксора улыбнулась.

– Кто ты, знают все. По всей школе только и разговоров, что о тебе. Говорят о прибытии Таинственной женщины. Так тебя здесь называют. Все хотят знать, зачем ты здесь и что от тебя хочет смертельно опасная Лезия. Очевидно, ты воплощение кровопролития, страха и разрушения.

Джессика удивилась до глубины души.

– Но почему тогда Лезия не убила меня, как и других? Ей предоставили шанс.

– Это она пока не убила. – Ксора указала рукой на ближайший стол и звучным голосом осведомилась: – Не возражаешь, если мы пообедаем вместе?

Джессика оглянулась на других сестер и решила, что, наверное, лучше, если она не станет есть в одиночестве. Друзей у нее здесь явно нет.

– Я буду очень рада – если тебя не пугает таинственная женщина.

– Я готова рискнуть, – ответила Ксора. Она выбрала стол, отметила его как занятый и повела Джессику к раздаче. – Я питаюсь исключительно здесь уже семнадцать лет. Помню, правда, несколько банкетов в императорском дворце, но это было так давно... – грустно добавила она, пока они шли к длинной стойке. – Рекомендую уаллахскую кашу, полезную зелень и специи с горным кабаном или вегетарианские. Я предпочитаю мясную версию. – Она лукаво улыбнулась. – Точу зубки.

Джессика улыбнулась в ответ, но инстинктивно проявила осторожность в отношении этой женщины. Может она просто старается выглядеть дружелюбной, а на самом деле ищет ее общества по своим причинам?

– Достаточно хорошего супа, учитывая холодную погоду.

Она с тоской вспомнила летние ливни Каладана.

Они выбрали кашу с подовым хлебом и пошли с подносами к стойке десертов. Джессика заметила, как одна из сестер опрыскала водой деревце, стоявшее в горшке на последней стойке раздачи. После этого листья растения посветлели, оно потянулось вверх, и на ветке появился ярко-желтый плод. Сестра сорвала его, положила на поднос и пошла к своему столу.

Джессика стояла как зачарованная.

– Никогда в жизни не видела такого лимонного дерева.

– Эти плоды слаще и мягче лимона. Дерево плодоносит только после того, как его опрыскают водой, – объяснила Ксора. – Так на так, вода в обмен на плод.

Ксора повторила водную процедуру, и скоро у них обеих были свежие фрукты, с которыми они и вернулись к столу. Во рту эти плоды оставляли гамму превосходных вкусовых оттенков – один за другим.

– Восхитительно!

Ксора сардонически улыбнулась.

– Помни главное напутствие Верховной Матери: не ешьте десерт перед основным блюдом.

Воспоминание заставило Джессику улыбнуться, и она поняла, что потихоньку успокаивается.

Ксора нагнулась к Джессике через стол, не удержавшись от желания посплетничать.

– В школе сейчас происходит много событий. Главная тема разговоров – ты и Лезия, но кроме того, сейчас разразился своего рода финансовый кризис. Дом Тулла, наш главный благотворитель, прекратил платежи. Старый виконт отчислял огромные суммы в пользу Бинэ Гессерит – ты же видела модернизированные старые и недавно возведенные новые здания, – но недавно он умер, и наследники прекратили финансирование, сказав, что их дом и так достаточно много пожертвовал на Орден сестер. Для Верховной Матери это стало настоящим потрясением. Мы предложили прислать наложницу новому виконту, но он отказался, – добавила Ксора и некоторое время помолчала. – Я бы с удовольствием поехала к нему, если бы мне дали такой шанс. Я слышала, что Джиандро Тулл красавец, а я как раз в таком возрасте, что смогу стать подходящей для него спутницей.

– Ты можешь попросить о назначении?

Ксора в ответ лишь грустно улыбнулась, и Джессика заметила, что она очень мила – с высокими скулами и чувственными полными губами, которые делали ее интересной и привлекательной.

– Нет, единственное, что может делать сестра, – это стараться изо всех сил и надеяться, что ей предложат что-нибудь интересное.

– Да, – согласилась Джессика и откусила кусок сочной свинины, наслаждаясь ее изысканным ароматом.

Когда-то давно она не имела понятия, что ее назначат к герцогу Лето, и с большим сомнением приняла это предложение.

Ксора тоже положила в рот кусок мяса, подумала и сказала:

– Расскажи о себе, таинственная женщина. Мне очень хочется лучше тебя узнать.

Джессика мгновенно насторожилась.

– Разве здесь плохо осведомлены обо мне? Старая Лезия потребовала, чтобы меня оторвали от дома, от моего сына Пола. И все из-за того, что старухе приснился дурной сон.

Ксора сочувственно хмыкнула.

– Лезия! Эта злобная старуха устроила здесь настоящий хаос. – Она улыбнулась, но натянуто, словно выдала тайну. – Прости за напористость. Я специально тебя искала, потому что кое-что знаю о твоих тайнах. У нас с тобой есть... кое-что общее. – Она оглянулась и понизила голос. – Как и ты, я тоже когда-то служила наложницей... И у меня тоже есть сын, рождение которого не санкционировали Бинэ Гессерит.

Пораженная, Джессика положила ложку на тарелку. То, что она была наложницей Лето, знали все сестры, но нарушенная ею инструкция оставалась тайной. Известно ли им, что ей предписывалось рожать только дочерей? Она думала, что эта информация доступна только Мохайем и другим Преподобным Матерям высшего ранга. Внутри Джессики все похолодело, она молча ждала продолжения.

Ксора многозначительно кивнула и снова заговорила:

– По крайней мере, тебе разрешили остаться с твоим герцогом, меня же за тяжкое отступление отозвали семнадцать лет назад. Я сижу здесь и впустую трачу свои способности. Я обладаю навыками высокого уровня, но прокторы оставили меня здесь обучать послушниц.

Джессика не удержалась от вопроса:

– Что стало с твоим сыном? Он... далеко отсюда?

Лицо Ксору исказилось от обуревавших ее чувств. На несколько мгновений она прикрыла глаза.

– Нет, он очень близко, но мне не позволяют быть его матерью. Он меня даже не знает.

Джессика не могла себе даже вообразить, что чувствует эта женщина.

– Мне искренне тебя жаль. Расскажи, что произошло.

– Меня назначили в наложницы к барону Онару Молаи, когда он был еще совсем молод, романтичен и свеж лицом. Я его вторая наложница от Бинэ Гессерит. Он устал от первой – сестры Джиары, ты видела ее здесь, в Школе Матерей. Верховная Мать решила заменить ее мной.

Джессика вспомнила встречу с сестрой Джиарой у бронированной двери палаты Лезии. С незапамятных времен руководство Бинэ Гессерит меняло наложниц, как шахматные фигуры. Назначение Джессики в дом Атрейдесов, а Ксору – в дом Молаи считалось вполне обычным делом.

– На службе у моего аристократа я провела несколько месяцев при императорском дворе на Кайтэйне. – Она замолчала и пожевала нижнюю губу. – Пока я была там, лорд Молаи активно занимался политикой. Меня предоставили самой себе, и я стала заводить собственные связи. У меня случился роман с молодым сардаукаром, я влюбилась в него, как ты в своего герцога. Это

было полным нарушением всех правил – не только Ордена сестер, но и принятых при дворе и у сардаукаров.

Джессика удивилась, но Ксора продолжала говорить, решив рассказать свою историю до конца.

– Когда я забеременела, моего сардаукара разжаловали и отправили на отдаленную планету, а меня в наказание отозвали в Школу Сестер. Барон Молаи пришел в ярость из-за публичного позора, и Харишка отправила ему одну из самых соблазнительных наложниц, чтобы смягчить его гнев. Я родила сына уже здесь, на Уаллахе IX.

Джессика от всего сердца сочувствовала горю, которое довелось пережить Ксоре, и эта боль только усугублялась ее собственным бедственным положением.

– Как и я, ты влюбилась, несмотря на запрет, и родила ребенка, хотя не имела права этого делать.

Ксора посмотрела в глаза Джессике.

– Наверное, мы единственные сестры, которые решились на это.

Джессика прикоснулась к руке Ксоры, но отдернула ее, прежде чем кто-нибудь успел это заметить. Здесь не место для выражения эмоций. Любых эмоций.

* * *

Я увидел, что уловки и маски императорского двора суть фальшивые, но принятые всеми иллюзии. Все это страшно далеко от реальной жизни.

Герцог Лето Атрейдес, из писем к сыну

Формальный вызов на дуэль от лорда Атикка, холодный как лед, Лето получил на листе ридулианской бумаги. Он с упавшим сердцем прочел вызов и понял: невозможны никакие переговоры, никакие возмещения, у него не примут никаких извинений. Придется встретиться с этим человеком в традиционном поединке, где прольется кровь за кровь.

В ожидании условий вызова Лето проводил время в изучении правил Ландсраада и законов Империи. Он перечитал «Учебник ассасина», пытаясь найти хоть какой-то выход, но в случае объявления кровной вражды возможности ответа резко ограничивались.

Лето не отказался бы добиться примирения, но Атикк не согласился бы ни на что, кроме смертельного поединка. Горячие слухи уже гуляли по императорскому двору, и нездоровое возбуждение охватило его залы. Лето понимал, что поклоны, просьбы или попытки примирения заставят его выглядеть слабым.

Лорд Атикк являлся мастером единоборств и не раз доказывал это на деле. Лето практиковался в этом мастерстве на учебных аренах своего замка. Он нанимал спарринг-партнеров, которые заставляли его потеть в поединках, но никто не мог сравниться в навыках с Сафиром Хаватом, Гарни Холликом или Дунканом Айдахо. Лето не горел желанием драться, но был, как хороший боец, готов к поединку.

Герцог приучил себя не показываться в крытых галереях или крыльях дворца без свиты каладанских гвардейцев и придворных. Шагая гордой поступью по дворцу, Лето видел, как люди отводят взгляды и перестают шушукаться.

Когда он прибыл на Кайтэйн, двор гудел, взбудораженный известием об уничтожении Дома Вердена, но теперь все говорили о вызове Атикка и о неминуемой дуэли. Многие шепотом высказывали подозрения в нечестной игре Лето, в то время как другие говорили об этом, не таясь, совершенно открыто и не боясь, что их подслушают.

– Очень удобно... один из немногих выживших на Оторио.

– Он смог уцелеть, когда столь многие погибли.

– Я слышал, что он заранее укрылся на императорском корабле и бросил других гореть в огне взрыва.

Лето в ярости обернулся, но толпа сместилась, и придворные прикрыли говоривших.

Как ни удивительно, на защиту Лето встал не кто иной, как граф Фенринг, обрушившийся на сплетников.

– Благодаря наблюдательности и быстрому мышлению Лето Атрейдеса наш Император пережил эту злодейскую атаку! Ах-х, если бы не герцог Лето, большинство из нас не успели бы спастись. – Граф окинул пылающим взглядом трусливых льстецов, его слова разили, как смертоносные клинки. – Он вне подозрений!

– Но тогда почему лорд Атикк послал вызов Дому Атрейдесов? – выкрикнул кто-то.

– Потому что ваш Атикк – просто неблагодарный глупец, – ответил Фенринг. – Он и сам-то остался жив только благодаря предостережению Лето Атрейдеса. Атикк обязан ему жизнью, и это низость с его стороны – вызывать на дуэль человека, известного своей честью.

Лето не понимал, как отнестись к поддержке со стороны такого человека, как Фенринг. Он решил соблюдать нейтралитет.

– Спасибо вам за добрые слова, граф, но мне думается, что лорд Атикк едва ли переменит решение.

– Конечно, нет, хм-м-м, – ответил Фенринг. – Придется с ним разобраться.

Лето пощупал в кармане листок с вызовом и подумал о неминуемой дуэли.

– Я знаю, когда это кончится.

Фенринг провел пальцем по скошенному подбородку.

– Хм-м-м, – произнес он и махнул рукой в сторону глазающих придворных. – Идите прочь и оставьте герцога Лето в покое, займитесь каким-нибудь другим вздором.

Люди разошлись, вышел и Фенринг. Люди Лето Атрейдеса не смогли сдержать улыбок.

Однако торжество длилось недолго. Рядом с мраморной статуей древнего героя стояла Преподобная Мать Мохайем и сверлила Лето взглядом пронизательных глаз. Пока герцогу удавалось избегать встречи с ней, но, услышав слова графа Фенринга, она выступила из тени.

– Ваше быстрое мышление на Оторио спасло жизнь и мне, Лето Атрейдес, – заговорила она сухим скрипучим голосом. – Практически я одна из тех, кто обязан вам жизнью, хотя Орден сестер не признает таких долгов.

– Я делал это не ради вас. – Лето силой воли подавил эмоции. Если бы эта ведьма погибла в музее Коррино, она не смогла бы дергать за веревочки, чтобы манипулировать Джессикой. Сестры являлись насквозь лживыми созданиями, и теперь ему ясно, что его связь с матерью его сына столь же иллюзорна, как голографические картины вокруг императорского дворца.

Он чувствовал, что Мохайем буквально пронзает его взглядом. Она же прекрасно понимала его эмоции и ход мыслей.

– Точно известно, что Джессика благополучно прибыла в Школу Матерей. Ее хорошо приняли, о ней позаботятся, и вам больше нет нужды о ней беспокоиться.

– Джессика сделала выбор. Она показала, кому верна, а я извлек из этого важный урок. Мохайем улыбнулась и сделала вид, что не поняла сказанного.

– Я рада, что вы довольны ее многолетней службой. Джессика в молодости была моей ученицей. Я хорошо ее учила.

– Слишком хорошо.

– Орден сестер всегда может предоставить Дому Атрейдесов другую наложницу. Я с удовольствием приму участие в выборе. – Она поклонилась, кажется, поддразнивая герцога. – Я могу найти женщину, более подходящую для вас.

Гнев охватил Лето, он отвернулся.

– В этом нет необходимости. В замке Каладана больше не нужны ведьмы.

Очень скоро волны дворцовых слухов стали клубиться вокруг прибытия еще одного скандального аристократа Ландсраада, неиссякаемого источника сплетен. После многолетнего отсутствия на Кайтэйн с пышными церемониями прибыл барон Онар Молаи, явился так, словно в прошлом ничего не произошло. Он так сильно рисовался при дворе, что возбудил бесконечные разговоры о его опале и бесчестье и о том, и как Ксора, его наложница из ордена Бинэ Гессерит, наставила ему рога, открыто и бесстыдно связавшись с императорским сардаукаром прямо при дворе.

Люди, прибывшие с отдаленного Каладана, проявляли мало интереса к политике и придворным скандалам, но даже Лето слышал невероятную историю, потрясшую ряды сардаукаров и личной гвардии императора. Это событие пошатнуло положение Дома Молаи и позиции аристократа в Ландсрааде, и смягчился он только после того, как Орден сестер предоставил ему новых наложниц. Барон пребывал в тени почти два десятка лет.

Теперь, дерзко появившись в Кайтэйне после долгого отсутствия, он не проявлял ни мятежности, ни забывчивости. Лето наблюдал, как он общается с чопорными аристократами, словно со старыми приятелями. Молаи делал вид, что предательство целиком и полностью легло на совесть его наложницы, и не испытывал в связи с этим ни тени смущения.

Эта ситуация заставила Лето думать о Джессике и о более тонком способе, каким она причинила боль ему. Он также помнил слова Мохайем. Стоит ли залечить боль, приняв череду следующих наложниц, просто чтобы забыть Джессику? Однако Лето понимал, что это лекарство не подействует, только причинит страдания Полу.

Он сосредоточился на текущих проблемах: на сыне и на неминуемой дуэли.

Закончив расследование на Элегии, полковник-баши Колона с радостью вернулся в императорский дворец. Как сардаукар, он был обязан давить в зародыше любой мятеж, как уничтожил весь род Верденов, но во владениях виконта Тулла не нашлось ничего подозрительного. Когда Колона представил императору рапорт, ему показалось, что Шаддам разочарован, но сардаукар никогда не станет фабриковать улики.

Одетый в парадный мундир полковник-баши стоял неподвижно, как статуя, в тронном зале, и немало удивился, когда увидел, что барон Молаи вернулся во дворец после стольких лет добровольного изгнания. Аристократ высоко держал голову и важно выступал под руку с прекрасной наложницей Бинэ Гессерит. Джопати Колона давно не вспоминал своего сосланного друга, однако никогда не забывал, какое несчастье с ним произошло.

Они вместе учились в суровой школе сардаукаров на Салузе Секундус, а затем оба получили назначение на службу в императорском дворце вместе с другими сардаукарами. Жизнь при дворе полнилась искушениями и соблазнами, но Колона все же не понимал, как мог солдат пренебречь званием и честью и позволить соблазнить себя наложнице барона Молаи.

Эта интрижка навредила аристократу Ландсраада, сломала карьеру сардаукара, опорочила наложницу и привела в замешательство императорский двор.

Молодого солдата с позором изгнали из гвардии, а барон отправился домой зализывать раны и восстанавливать репутацию, не появляясь на Кайтэйне. Очевидно, он решил, что семнадцати лет для этого вполне достаточно.

Но императорский двор ничего не забыл, как не забыл и полковник-баши Джопати Колона. Он стоял по стойке смирно в тронном зале, устремив взгляд прямо перед собой.

* * *

На утро дуэли с лордом Атикком Лето проснулся со страхом и с ощущением неизбежности. Он плохо спал, но в целом чувствовал себя готовым к поединку. Он оделся в свобод-

ный наряд с гербом Дома Атрейдесов и опоясался церемониальным мечом, который захватил с собой. Сегодня это оружие послужит отнюдь не украшением.

Лето покинул гостевые покои, не зная, суждено ли ему туда вернуться. Он уже оставил подробные инструкции Сафиру, Гарни и Дункану на случай, если не переживет поединка, и записал послание Полу. Когда старый герцог Паулус погиб в бое быков на ристалище, Лето был еще не готов занять его место, но тем не менее ему пришлось взять на себя эту ответственность. Полу при необходимости придется сделать то же самое. Его сын станет хорошим и благородным правителем.

Лето попал в тенета имперских игр. Может, он сделал глупость, ввязавшись в них?

Свита хранила хмурую серьезность. Одетые в черно-зеленые мундиры люди сопровождали Лето по гулким залам к месту дуэли поблизости от обширных покоев лорда Атикка.

Приблизившись к месту поединка, они заметили множество взволнованных до крайней степени придворных, охваченных потрясением и страхом, еще больше усиливающими волнение. Лето едва не отпрянул, увидев врача Сукк и нескольких слуг, несших носилки, на которых лежало огромное тело лорда. Кожа его покрылась пятнами, на лице застыла маска боли, а открытые налитые кровью глаза вылезали из орбит.

Шепот громом отдавался под сводами зала.

– Лорд Атикк мертв!

– Прямо в день дуэли.

– Он отравлен! Его отравили в его собственных покоях.

– Никогда не ожидал этого от Лето Атрейдеса!

Лето оцепенел.

– Что это? Кто-нибудь, объясните мне, что произошло.

Из покоев мертвого Атикка вышел Фенринг и пошел за носилками.

– Ах-х хм-м-м, к сожалению, индикатор ядов в столовой лорда Атикка оказался неисправным, и подмешанный в сыр яд без вкуса и запаха не распознали.

Граф улыбнулся, словно не придавал никакого особого значения случившемуся. Во всяком случае, ни лице его не отразилось следов потрясения.

Лето внутренне похолодел.

– Вы хотите сказать, что кто-то отравил его непосредственно перед назначенной на сегодняшнее утро дуэлью?

Один из придворных злобно фыркнул.

– Кто-то!

Фенринг встал рядом с герцогом.

– Это вполне согласуется с кодексом поединков, мой дорогой герцог. «Учебник ассасина» недвусмысленно допускает применение яда при объявлении кровной вражды, ради того, чтобы избежать дополнительного и ненужного вреда. Хм-м-м.

Чувствуя нарастающую тревогу, Лето расправил плечи и возвысил голос.

– Я не травил Атикка! Я пришел сюда, чтобы биться с ним. Я сам решаю свои проблемы и не прячусь от них. – Он поднял меч и указал на силовой защитный пояс. Гнев Лето не знал предела. – Я не напрашивался на эту дуэль, и я не убивал его.

Толпа молча смотрела на него.

Фенринг снова заговорил:

– Еще раз хочу сказать, что это вполне приемлемое завершение кровной вражды. Дело решилось без кровопролития и разрушительного боя на мечах. – Он приветственно поднял руку. – Хвала герцогу Лето Атрейдесу!

У Лето горело лицо. Свита его оцепенела. Отравление могло быть приемлемой тактикой, и возможно, собственный мастер-ассасин герцога Сафир Хават мог бы при известных обстоятельствах прибегнуть к яду, но сам Лето никогда не убил бы собрата аристократа таким низким

способом. Вызов на дуэль принимался согласно кодексу чести. Для герцога это попахивало трусостью.

Фенринг же не скрывал удовлетворения и отнюдь не выглядел смущенным.

– Ну, ах-х-х, неважно, кто это сделал, но теперь конфликт можно считать почти улаженным, а мы можем заняться другим важными имперскими делами. – Оставив труп на попечении врача Сукк и слуг, бросившихся прочь с носилками, граф понизил голос. – Не стоило вам тратить на него время, Лето. Я вижу для вас куда более крупные возможности.

* * *

У меня великое множество деловых связей, потому что КАНИКТ – огромная компания, проникающая повсюду. У меня немного союзников, потому что поддержание союзов требует долгосрочного планирования и определенного взаимного доверия. Еще меньше тех, кого я могла бы назвать друзьями. Они драгоценны для меня, но и очень опасны, потому что слишком много обо мне знают. Я не часто соглашаюсь идти на такой риск.

Ур-директор КАНИКТ Малина Ару

Серебряная Игла пронзала небосвод Кайтэйна, словно меч. Высокое здание не было запятнано ни окнами, ни архитектурными украшениями, но полупрозрачный металл позволял руководителям компании наблюдать изнутри панораму города. Снаружи, однако, штаб-квартира КАНИКТ выглядела сверкающей и непроницаемой, как и сам КАНИКТ.

Шпиль сконструировали так, чтобы внушать подсознанию ассоциации с кинжалом ассасина, не позволяя императору забыть, кому на самом деле принадлежала реальная власть. Шаддам Коррино всю жизнь видел Серебряную Иглу, но Малина Ару сомневалась, что он считывал тайный послыл или хотя бы догадывался о нем.

Прежде чем вернуться в тихое убежище на Тупайле, ур-директору предстояло закончить кое-какие дела с сыном Франкосом в здании штаб-квартиры. За время пребывания на Кайтэйне она свидетельствовала перед комитетом Ландсраада, поклявшись – совершенно честно и в присутствии Вещающей Истины, – что не поддерживает непосредственной связи с Якссоном после атаки на Оторио и предполагает (хотя она на самом деле ни минуты в это не верила), что Якссон удалился в изгнание за пределы Империи с тем, чтобы никогда не возвращаться. Она образцово сотрудничала в попытках выследить Якссона и предать его в руки правосудия и превосходно разыгрывала роль убитой горем матери, сын которой совершил тягчайшее преступление.

Сейчас Малина обсуждала эти проблемы с Франкосом. Катастрофа на Оторио вызвала яростную месть со стороны императора, но безумная отвага Якссона укрепила поддержку движения, которая показала все неприятие аристократами Дома Коррино. Благородные семейства, давно втайне кипевшие недовольством, постепенно примыкали к мятежникам. Несмотря, однако, на то что многие Дома Ландсраада, возможно, сочувствовали Союзу Благородных, постепенность перемен приводила к впечатлению слабости и неэффективности движения. Потенциальные могущественные союзники не предлагали поддержку, потому что сомневались, что движение когда-нибудь увенчается успехом. Кровавая атака Якссона, однако, показала насущность и неизбежность перемен.

Малина, правда, осуждала его тактику, но очевидные результаты давали пищу для размышлений. Пора открыться новым возможностям.

В просторном кабинете президента компании на верхнем этаже Иглы полупрозрачная стена давала Малине возможность беспрепятственно осматривать столицу Империи. В данный момент в главном конференц-зале Франкос делал короткий доклад для урдира, сведя сотни

торговых дел в несколько существенных пунктов. Старший сын знал, как справляться с наиболее важной информацией, чтобы не тратить попусту времени Малины.

Слушая, Малина не спускала глаз со своих любимых колючих собак. Несмотря на то что их домом был грубый и суровый Тупайл, они не являлись уроженцами этой нестабильной вулканической планеты. Хара и Кара вывели специально для Малины Ару на Тлейлаксе. Тлейлаксу оказали ур-директору эту услугу в обмен на многие секретные сделки с КАНИКТ.

Остистые псы были поджарыми, мускулистыми и похожими на волков тварями, их шерсть состояла из острых серебристых игл, но, когда их гладила Малина, иглы становились мягкими, как редкие драгоценные металлы. Тогда Хар и Кар, довольные, охотно ложились у ног хозяйки.

Франкос еще раз скользнул взглядом по распечаткам и закончил сообщение. Она сама просмотрит сжатые файлы по дороге на Тупайл в личном корабле без опознавательных знаков КАНИКТ.

Она помнила время, когда Франкос и его сестра Джалма были еще совсем детьми, помнила их совместные с Брондоном, ее мужем, родительские надежды. Амбициозные руководители КАНИКТ лелеяли честолюбивые планы относительно своих троих детей. По крайней мере, двое из них не разочаровали родителей и оправдали возложенные надежды – Франкос стал президентом компании, а Джалма управляла делами Дома Учана на Плиессе.

С Якссоном же проблемы возникли с самого начала. Тем не менее мать не оставляла надежды спасти его, вернуть под свое крыло...

Хар и Кар одновременно ошетинились и привстали с мест, в их глотках застыл грозный, хотя и приглушенный рык. Франкос оторвал взгляд от кристаллического блокнота.

– О, я забыл предупредить тебя о визитере, который как раз сейчас направляется к нам. Барон Владимир Харконнен. Он договорился о личной встрече с тобой.

Малина встревожилась.

– Не должно остаться никаких записей о нашей официальной встрече.

– Он встречался здесь, в Кайтэйне, с императором и попросил обсудить с ним дела, касающиеся его отношений с КАНИКТ как на Арракисе, так и на Гайеди Прим. – Франкос примирительно пожал плечами. – Это вполне обоснованная причина.

Мысли Малины метались.

– Сотри все записи его прихода в Серебряную Иглу. Просто для верности. Никто не должен знать, что он приходил сюда.

На лице Франкоса отразилось сомнение.

– Мама, едва ли возможно не заметить передвижения барона Харконнена.

Вспомнив огромные габариты этого человека, его пышный наряд и поясную подвеску, Малина поняла, что сын прав.

– Тогда измени записи в журнале посещений, чтобы там значилось, что он встречался с кем-то из второстепенных сотрудников на нижних этажах, не пробившись ко мне. Мы не можем допустить, чтобы все амбициозные аристократы вообразили, что можно в любое время запросто нанести светский визит ур-директору КАНИКТ.

Франкос деловито записал распоряжение на чистом листе ридулианского кристалла.

Барон вошел в кабинет, двигаясь с необычной грацией и ухитряясь не выглядеть комично. Огромное тело, напоминающее межгалактический грузовой корабль, обложенный толстыми складками жира, плыло на антигравитационных подвесках, но ноги очень элегантно шагали по ковру, толкая это тело вперед. Он услышал последнее замечание Малины.

– Вам придется найти для меня время, ур-директор, учитывая, что у нас много совместных дел.

Остистые псы привстали, готовые к атаке, но Малина осталась сидеть, и звери успокоились.

– Я всегда найду для вас время, барон, но не хочу, чтобы об этом кто-то знал. Так как у Дома Харконненов есть легальные дела с КАНИКТ, вы всегда сможете обосновать ваши посещения штаб-квартиры, но мы не можем допустить, чтобы кто-либо заметил, что мы проявляем необычное внимание друг другу.

Барон искоса метнул взгляд на Франкоса, словно спрашивая, уместно ли присутствие здесь президента КАНИКТ.

Малина усмехнулась.

– Естественно, мой сын знает о наших секретных соглашениях. Мы можем говорить не стесняясь.

Хар и Кар оставались в напряжении, их серебристые ости щетинились, но угрожающее рычание, казалось, только забавляло барона. Его черные паучьи глаза блестели.

– Очаровательные создания.

Он отвлекся от собак и повернулся к ур-директору.

– Император Шаддам только что устроил мне допрос с пристрастием о ворах специи, но я довольно удачно ответил на все его вопросы. Пока нам не о чем беспокоиться. Он с радостью принял за чистую монету версию, что граф Фенринг уничтожил преступников, отправлявших специю на черный рынок. Жену контрабандиста и несколько ее соплеменников обвинили в воровстве меланжа и казнили. – Говоря это, он буравил Малину взглядом. – Всех этих козлов отпущения выбрал сам Фенринг по одному ему ведомым причинам. Думаю, что этот спектакль он устроил, чтобы обезопасить себя, но одновременно помог и нам.

Это, действительно, оказался сюрприз.

– Вы говорите, что Император остался доволен?

– Шаддам на самом деле удовлетворен, но я не могу понять игру Фенринга. Действительно ли он верит, что поймал настоящих преступников? Этого человека нелегко обвести вокруг пальца. Раньше я пытался отвлечь его внимание на дела контрабандистов, но Фенринг настоял, чтобы я оставил в покое Эсмара Туэка, сказав, что сам санкционировал его деятельность. – Барон досадливо щелкнул языком. – Но, как бы то ни было, Император перестал дышать нам в затылок, по крайней мере, пока. Надо как-то улучшить нашу работу и застраховаться от ошибок.

Остистые псы принялись расхаживать вокруг кресла Малины, не спуская глаз с барона.

– Какие милые собачки, – еще раз похвалил их барон.

Малину, однако, отнюдь не успокоил его оптимизм.

– Но, если Фенринг или Император выберут теперь следующего козла отпущения – возможно, вас? – найдутся ли у вас запасные планы? Я должна думать о будущем КАНИКТ. Если вы удалитесь с Арракиса, с кем мы будем работать? Кто ваш наследник? Вы не женаты и у вас нет детей.

Барон обиженно надул губы.

– Почему вы думаете, что у меня нет детей?

– Мне нет дела до ваших сексуальных достоинств. Я говорю о линии наследования в Доме Харконненов.

– У меня двое племянников, и оба полноправные Харконнены. Они могут возвыситься, когда настанет их час. Я отбываю на Гайеди Прим и уже велел Раббану присоединиться ко мне. – Он улыбнулся. – Там я разберусь с этим делом.

Он подошел к псам, демонстрируя скорее любопытство, нежели страх.

– Слушайте, эти псинки могут служить неплохим стимулом. Где бы мне получить в подарок парочку таких?

Малина колебалась.

– Хара и Кара вывели специально для меня.

Барон ждал, не приняв это за ответ. После долгого молчания Малина продолжила:

– Я могу отправить запрос на Тлейлак. Возможно, они выведут еще пару таких же псов. – Она погладила собак, и они успокоились. Настроенные на хозяйку звери реагировали на каждое движение, улавливали любые ее эмоции. – Операциями на Арракисе занимается ваш племянник Раббан? Этих собак отдадут ему? Вы назначите его на свое место?

Великан нахмурился.

– Временами Раббан проявляет адекватность, но нет. Я возлагаю большие надежды на моего младшего племянника, хотя ему еще предстоит доказать свои способности. Вы встречались с ним на Гайеди Прим.

Малина вспомнила ранимого, погруженного в себя подростка.

– Его зовут Фейд-Раута?

– Именно. Прекрасный мальчик! Он придет в восторг от таких питомцев.

Во время встречи на оружейном заводе на Гайеди Прим Фейд не произвел на Малину благоприятного впечатления, но она посчитала, что это будет вполне приемлемой уступкой.

– Я отправлю запрос на Тлейлак.

* * *

Жизнь никогда не стоит на месте, и каждый следующий день порождает новые вызовы. При столкновении с иной проблемой простого мужества может оказаться недостаточно. В таких ситуациях приходится копаться в глубинах души, чтобы найти там особое мужество, о существовании которого вы, возможно, даже и не подозревали.

Леди Джессика, из личного дневника

Слушая бессвязный бред Лезии, Джессика столь же отчаянно, как и Верховная Мать, желала докопаться до причин одержимости старухи; она решила сама найти ответы. Полусумасшедшая карга могла сразу уничтожить ее, но не сделала этого. Она потребовала, чтобы Джессика убила сына.

Джессика снова встретится с ней, но без лишних свидетелей.

В непроглядной ночной тьме она поспешила вниз, в медицинское крыло третьего этажа административного здания, в наглухо запертую палату Лезии. Уснуть она не смогла и не захотела ворочаться в страхе на постели, строя беспочвенные догадки. Она встретит опасность лицом к лицу, на своих условиях, и чем раньше, тем лучше. Джессика понимала преимущества внезапного лишения человека равновесия. Орден сестер испытывал эту тактику на ней самой.

Может, в отсутствие подслушивающей Харишки Лезия станет более откровенной.

Если не считать архива селекционного проекта, все подразделения Школы Матерей охранялись не слишком строго. Джессика понимала, что за Лезией следят несколько сестер, но все равно у нее, вероятно, появится возможность глубже покопаться в поврежденной психике старухи.

По своим личным причинам Джессике требовалось знать, чего хочет от нее Лезия, почему она извергает такие жуткие предостережения и можно ли отвести опасность. Несмотря на всю решимость, Джессика чувствовала себя мухой, попавшей в сеть голодного паука.

Но я отнюдь не беспомощная муха, напомнила она себе.

Она может контролировать ситуацию. Герцог Лето не раз говорил, что восхищается ее независимостью, с которой он примирился... примирился до тех пор, пока она не вмешалась в составление списка невест для Пола. Это стало первой трещиной, за которой последовала вспышка гнева и неспособность простить.

Лето не знал, что она сделала для него. Она восстала против Ордена сестер, чтобы подарить ему сына, о котором он мечтал. Он просто не мог оценить всей глубины ее бунтарства, а теперь она платит за него дорогую цену.

Пол. Джессика постаралась представить себе лицо сына, но образ расплывался, лицо распалось на точки, вибрировало и исчезало, словно не давая ей отвлекаться от главного. При встрече с Лезией ей понадобятся вся сила и все способности. Она отбросила мысли о дорогих и близких ей людях и собрала волю в кулак.

В коридорах стояла темнота, но школа тихо ворочалась и ворчала, как свернувшееся в клубок животное. Джессика свернула за угол и увидела охраняемую палату – перед запертой дверью дежурили две сестры в белых одеждах. Молодые женщины удивленно обернулись, заслышав шаги. Они старались, но ответственность давила на их плечи. Они переглянулись, не зная, как реагировать.

– Я хочу видеть Лезию, – объявила Джессика. – *Сейчас.*

Она не стала прибегать к Голосу, так как не знала меры подготовленности этих двоих, но уверенность действовала.

– Верховной матери здесь нет, – сказала одна из женщин, послушница Ринни.

Правый угол рта на ее странном удлинённом лице был опущен. Ее подруга, хоть и ниже ростом, выглядела явно сильнее; Джессика знала, что ее зовут Аша. Обе внимательно смотрели на Джессику, а она на них, оценивая шансы.

– Это неважно. Я должна увидеть Лезию немедленно. Вы знаете, кто я, и вам известно, что Верховная Мать приказала мне поговорить с Лезией. Мне кажется, что наедине я добьюсь от нее большего.

– Но сейчас далеко за полночь, – возразила Аша.

– Это самое лучшее время. Я сомневаюсь, что Лезия представляет, какой теперь час.

Джессика, не колеблясь, подошла к двери.

Но послушницы все еще сомневались.

– Надо позвать других наблюдателей, – сказала Ринни.

– Это только помешает мне. – Понимая, что времени у нее мало, Джессика употребила Голос. – Откройте дверь и не препятствуйте мне.

Глаза низкорослой послушницы потускнели, она пыталась сопротивляться – у нее даже исказилось лицо, – но подчинилась. Отперла замок. Вторая послушница безучастно наблюдала за происходящим.

Джессика прошла мимо них и закрыла за собой дверь. Она подозревала, что послушницы сейчас вызовут сестру Джиару или кого-то еще из старших Сестер, так что стоило поспешить. Она хотела получить ответы как для себя, так и для Верховной Матери.

Старуха не спала и находилась в ясном сознании. Фиксирующие ремни ослабили, потому что Лезия находилась под действием мощных транквилизаторов, но она попыталась сесть, бросив на Джессику взгляд, одновременно хищный и затравленный. Ее костлявые лодыжки привязали к кровати, а плечи зафиксировали лямками.

– Я слышала, как ты пришла, Джессика с Каладана. Ты умело пользуешься Голосом, да, это надо признать. Тебе следовало бы приказать своему сыну выпрыгнуть из окна замка – я могу показать, как это делается! – Она издала сухой скрипучий звук, долженствовавший означать смех. – Еще лучше, если мы устроим игру Голосов – я могу приказать тебе покончить с собой, а ты прикажешь мне сделать то же самое.

– Это пустое растрачивание наших способностей, – заметила Джессика.

– Да и Харишке это не понравится.

Лезия странно улыбнулась, и знаком подозвала младшую женщину к себе.

Подавив тревогу, Джессика повиновалась.

– Я не убью моего сына. Даже не проси об этом.

Она не имеет права выказывать страх, потому что старуха, как зверь, сразу его почует. Джессика не собиралась становиться жертвой. Она держалась фактов, а один из них заключался в том, что Лезия чего-то от нее хотела.

– Зачем ты говоришь такие страшные вещи? Ведь он всего лишь мальчик.

– Всего лишь мальчик! – хрипя, передразнила ее Лезия. – Правда, Орден сестер, вероятно, заслуживает того, что с ним происходит. Они сами запланировали и создали собственное чудовище. Дай бог им пережить последствия своей гордыни.

– Какое чудовище? – Джессика решила защищаться. – Пол не чудовище.

– Но может стать им. Ты уверена, что он не Квизац Хадерач? Ты этого хотела?

– Квизац Хадерач? – Голос Джессики стал хриплым. – Зачем ты это говоришь?

– Ты сама об этом думала! Не отрицай – если он тот, кого хотел Орден сестер, то она это заслужила!

У Джессики упало сердце. Поведение Лезии изменилось. Она обвиняла и пылала мстостью. Вероятно, она страдала деменцией, неустойчивостью и изменчивостью. Бывшая Мать Квизаца, впавшая в безумие... неужели Орден сестер ничем не может ей помочь? Джессика ощутила нечто отдаленно похожее на жалость.

– Почему ты так говоришь? Что сделал тебе орден Бинэ Гессерит?

Глаза Лезии затуманились.

– То же, что он сделал всем нам, то же, что он сделает и тебе. – Она потянулась к Джессике и схватила ее за руку. – Вся моя жизнь, мое сердце, моя энергия, мои навыки... все должно быть отброшено вот так. Харишка знает, но она пока не хочет видеть.

Внутренне трепеща, но стараясь сохранить спокойствие, Джессика сжала руку старухи, понизила голос и твердо произнесла:

– Я не допущу никакого насилия в отношении моего сына, чтобы ты мне ни говорила.

– Ну, значит, путь определен. – Лезия содрогнулась, изо рта потекла струйка слюны. – Больше они от меня ничего не добьются.

Джессика увидела в глазах старухи огонь безумия, и ей вдруг стало понятно, что Бинэ Гессерит сами накликали это бедствие, попытавшись вскрыть сознание Лезии и извлечь нужные ордену способности. Костлявая рука еще сильнее сжала ладонь Джессики; сухая кожа, бывшая до этого холодной, потеплела.

Старуха постепенно успокоилась и выглядела теперь почти нормально, но Джессика не теряла бдительности. Возможно, Лезия затеяла новую игру. Джессика внимательно смотрела в слезящиеся глаза, чтобы не пропустить даже едва заметное изменение.

– Знаешь, я когда-то была красавицей, – задумчиво произнесла старуха, – как ты сейчас. Я была очень востребованной.

– Ты и сейчас красива.

– А ты еще и добрая. – Она помолчала, а потом прохрипела: – Доброта – это слабость.

Джессика жестко посмотрела на старуху.

– Доброта – это выбор, а мне приходилось принимать тяжелые решения. Твоя доброта причинила много бед.

Старуха прищурилась и отвернулась.

– И эта цепь бедствий – только начало. Ты станешь причиной множества несчастий, и их последствия будут сказываться много поколений! – Она испустила глубокий трескучий вздох. – Ты первый камешек лавины, которая до основания разрушит Орден сестер, и мы это знаем. Неужели уже слишком поздно, и мы не сможем остановить этот сдвиг? Может, и так... если ты не захочешь поступить, как необходимо.

Джессика ощутила нестерпимый холод. Причина, по которой Бинэ Гессерит считал эту женщину ценной, заключалась в ее специфическом целенаправленном предзнании будущего ордена.

– Но в чем моя ответственность? Почему вы хотите разлучить меня с сыном? Что такого ужасного я могу совершить?

– Все уже свершилось! Этого не должно было произойти, этого нельзя было допускать... – Она с трудом, тяжело задышала. – Мальчик едва не погиб сразу после рождения, но Мать Квизаца Анирул спасла его! Она совершила ошибку! Ошибку! Оказалась слишком доброй. И ты тоже слишком добрая.

Джессика вырвала руку.

– Что ты хочешь сказать?

– Все проистекает из твоего упрямства! Надменная девчонка. Твой идиотский акт любви погубит миллиарды жизней.

Гнев Джессики пересилил страх.

– Твой расстроенный ум погружает тебя в мир иллюзий.

Она подумала о Поле, о его усердном учении, о том, как предан он своему отцу и чести Дома Атрейдесов, решив стать хорошим герцогом.

– Сестрам не следует слушать твой бред. – Она заговорила еще тише. – Им вообще не стоило прислушиваться к тебе.

Если бы не эта безумная старуха, она сейчас была бы дома, на Каладане, с Полом и с Лето...

Голос старухи приобрел сверхъестественный зловещий оттенок, словно она говорила сквозь время и пространство. Она попыталась вырваться из пут, натянув лямки и ремни, и с неожиданной силой схватила Джессику за запястье. Сделав это, Лезия взволнованно зашептала:

– Твой сын, сын, которого нельзя было начинать... – Она помолчала, а затем ее голос заглушил все другие голоса ее памяти. – У твоего сына ужасающая цель.

Старуха до боли сдавила руку Джессики, ту пробил озноб, когда в сознание хлынул поток женских голосов, сначала приглушенных и отдаленных, а затем зазвучавших громче и неотразимее. Вместе с ними перед внутренним взором Джессики предстали лица, заполонившее все ее сознание, весь ум.

Неимоверным усилием Джессике удалось освободиться, и голоса и образы отступили.

– Ты галлюцинируешь. Твой ум поврежден, а тело напичкано лекарствами. Даже ты сама не понимаешь, что видишь!

– Во всем этом лишь доля твоей вины, – спокойно произнесла Лезия дрожащим голосом. – Орден сестер поднял вихрь, и я стала его частью. Они сами посеяли семена своего падения, а теперь начнут пожинать кровавые плоды.

Джессика испытывала первобытный суеверный страх перед этой женщиной; множество других голосов и лиц кипели внутри нее, словно войско безумных призраков.

– Я посвятила много лет службе Ордену. – Лезия в изнеможении откинулась на подушку. – Я пожертвовала многим, отдала мое сердце, душу и всю жизнь ордену. Когда селекционная программа зашла в тупик, я заново просчитала все генеалогические линии и нашла верный путь. Родив сына, ты исказила этот путь... – Лицо ее скривилось от душевной боли. – И за все усилия Харишка отплатила мне предательством, заточением и пытками! Бинэ Гессерит не дает мне умереть! Я прокляну орден его же собственным неизбежным будущим.

Казалось, что утомленная старуха сейчас рассыплется. Она захрипела так, словно собралась испустить последний вздох.

– Ты пугаешь Орден сестер, – сказала Джессика. – Ты угрожала им, так же как сейчас угрожаешь мне и Полу. У них есть основания для страха. Ты причиняешь большой вред.

Внезапным резким движением Лезия выбросила вперед руки и схватила Джессику за горло.

– Мне приходилось убивать людей! Я могу уничтожить тебя, здесь и сейчас.

Рассчитанным движением Джессика ударила по нерву кисти старухи, и хватка сразу ослабла.

– Меня не так легко убить, как других.

Лезия откинулась на спину.

– Может быть, ты – это то, чего заслуживает Орден сестер – за то, как он обошелся со мной.

Она вдруг заговорила чередой голосов других женщин. Иная память грозила полностью овладеть сознанием Лезии.

– Что они сделали со мной!

– *Что они сделали со мной!*

– Сделали со мной!

Один голос произнес:

– Есть добрая Лезия и злая Лезия, и обе в своих действиях доходят до крайности.

Как только леди Джессика коснулась кожи старухи, образы и голоса старались проникнуть и в ее сознание, заполнить его отблесками прошлых жизней. Джессика пока не стала отдергивать руку.

Наконец возобладал голос самой Лезии.

– Дети, которых я рожала, дочери, которых мне хотелось иметь! Жизнь, которую Орден отнял у меня, жизни, которые украдены им у других! Они принудили меня следовать их строгим правилам и никогда не открывали мне тайн, они всегда меняли мне жизнь – и всегда к худшему. При моем предзнании в голове постоянно мелькают жуткие образы, я вижу коллективный путь зла Бинэ Гессерит и мое участие в нем. И твое тоже!

Джессика отпрянула подальше от старухи.

– Если жертва ускользает, – сказала Лезия, – значит, неподалеку есть другая.

Она откинулась назад, оперлась о спинку кровати и подняла глаза к наблюдательным окнам, которые превратились в зеркала. Джессика не сомневалась, что за стеклами сейчас стоят наблюдатели и смотрят за происходящим. Никто не пришел к ней на помощь.

Лезия скользнула взглядом по зеркальным окнам и проникла сквозь них мысленным взором, хотя физически не могла ничего видеть.

– Там две послушницы, – угрожающе произнесла она. – Ах, вот уже спешит и Верховная Мать вместе с Рутин и Джиарой, но пока их нет. – Губы ее сложились в зловещую улыбку. – Эй ты там – я тебя знаю! Я чувствую тебя, и я знаю, кто ты!

Джессика вспомнила двух юных послушниц, охранявших палату.

– Что ты делаешь?

Лезия не обратила на эти слова ни малейшего внимания.

– Послушница Ринни, слушай меня и повинуйся. Ты боишься, не правда ли? Я знаю, что боишься. Прочти литанию против страха. Она спасет тебя.

Лицо старухи потемнело, оно стало пугающим и злобным.

– Вспомни ее и повторяй ее. – Голос ее приобрел повелительные нотки, переплетенные с неотразимой силой Голоса. – Отныне у тебя нет никаких других мыслей, ты будешь твердить литанию против страха. Никаких других слов, никаких других мыслей, никаких воспоминаний о реальности. Литания – это ты, литания – это все, что существует в мире.

Джессика услышала, как в коридоре раздался звук падения, а затем молодая женщина заговорила, сначала тихо, а затем все громче и громче, произнося нараспев литанию против страха.

Джессика уставилась на Лезию.

– Что ты сделала?

– Верховная Мать думает, что я не могу добраться до них сквозь стены. Она ошиблась. – Старуха рассмеялась. – Я убийца сознания!

Выбежав из палаты, Джессика увидела распростертую на полу послушницу Ринни. Она находилась в гипнотическом трансе и беспрестанно повторяла одно и то же, снова и снова, замкнувшись в бесконечной аутистичной петле: «Страх убивает сознание и разум» – и следующие слова, снова и снова, не в силах остановиться.

Джессика опустила руку около нее на колени и принялась трясти Ринни за плечи.

Другая послушница сказала:

– Я вызвала помощь! Сюда идут медицинские сестры и Верховная Мать!

Они вдвоем попытались избавить несчастную от заклятия старухи, но тщетно – юная послушница продолжала бормотать литанию, перевирая слова, которые за тысячи лет помогли очень многим сестрам.

«Я не должна бояться,

Страх убивает разум.

Страх – это маленькая смерть, несущая полное уничтожение.

Я встречу страх лицом к лицу, я позволю ему пройти сквозь меня.

И когда он пройдет, я обращу на него мой внутренний взор и прослежусь его путь.

Там, где пройдет страх, не останется ничего.

Останусь только я».

Эти слова жгли мозг Джессики словно огнем, но они не приносили теперь облегчения, не успокаивали. Они лишь заставляли ощущать мурашки на коже, когда медицинские сестры уносили прочь несчастную жертву, продолжавшую бессмысленно лепетать древнюю литанию.

* * *

Для того, чтобы достичь величия, надо сначала возжелать его, но именно в этом многие терпят неудачу. У них нет искры, воспламеняющей ослепительное пламя, ведущее к достижению.

Граф Хасимир Фенринг; из частной беседы с императором Шаддамом IV

Несмотря на то, что главной задачей графа было исполнение обязанностей министра по делам специи на Арракисе, ум Хасимира Фенринга не ограничивал себя этой должностью. Он занимался бесчисленными махинациями, дергал за ниточки, формировал мнения при дворе Кайтэйна и в Ландсрааде. Он не упускал ни одной возможности укрепить влияние и подвигать фигуры на игровой доске, естественно, только ради службы императору Шаддаму. Но не забывая и о себе.

Теперь его внимание привлек герцог Лето Атрейdes, который внезапно появился при дворе и заявил о своих притязаниях. Он мог стать очередной пешкой, а может, даже и протее.

Стройный, с отменным вкусом одетый Фенринг неторопливо шагал по тропинкам лабиринта из живой изгороди перистых деревьев в одном из многочисленных дворишков своего дворца. Рядом с ним шла его милейшая жена Марго, воплощение уравновешенности, красоты и изящества. Он обожал ее. Лицо светлой блондинки с сияющими глазами могло бы бросить вызов мастерству величайшего скульптора, но главным достоянием Марго являлся ум, во всяком случае, для Фенринга.

С его узким лицом, безвольным подбородком и порывистыми движениями Фенринг не выглядел мужчиной, способным завоевать сердце такой красавицы одними только физическими достоинствами. Марго, воспитанницу ордена Бинэ Гессерит, назначили в жены Хасимиру Фенрингу, когда они с Шаддамом были еще молоды, амбициозны и бесшабашны. Ведьмы предложили Анирул в качестве первой жены Шаддама, но этот брак закончился катастрофой.

Фенринг и Марго, однако, идеально подошли друг другу. Он прекрасно сознавал, что она подчинялась инструкциям Ордена сестер наблюдать за ним и доносить свои наблюдения на Уаллах IX, но он все же стал для нее чем-то большим, чем объектом приложения навыков. Как два фрагмента мозаики, идеально подошедшие друг другу, они стали близкими партнерами, каждый со своими преимуществами, делами и обетами верности, и отлично дополняли друг друга.

Фенринг сейчас держал жену за руку, ощущая теплоту ее кожи и мягкие ласковые пальцы, обхватившие его руку. Ее теплая улыбка лучилась такой искренней любовью, что он верил в ее неподдельность. Но кто мог знать воспитанниц Бинэ Гессерит?

Когда они вошли в тень перистых деревьев, длинные листья издали шелестящий звук. Передатчики, подвешенные среди листьев, излучали беспорядочную вибрацию, которая выводила из строя любые подслушивающие устройства, и Фенринг не сомневался, что никто не услышит их разговор.

– У меня есть идея, моя дорогая, – сказал он.

– Неужели? Когда это у тебя не было идей?

– Я положил глаз на подходящего ученика, он проявит себя, если я стану его наставником.

– Ты всегда видишь в людях только хорошее, мой дорогой супруг.

– Нет, просто я очень проницательный судья.

– И кто же этот новый кандидат?

Они подошли к фонтану, распылявшему радужно сияющую в сверкании солнечных лучей аэрозольную завесу.

– Ты, наверное, удивишься, но выслушай меня. Лето Атрейдес поменял приоритеты, и мне думается, что я смогу ему помочь, вылепить из него нечто стоящее.

Марго задумалась.

Фенринг между тем продолжал.

– Герцог Каладана неукоснительно блюдет честь, но теперь она стала для него ловушкой. Для того чтобы добиться успеха в политике Ландсраада, надо уметь различать оттенки серого, а не только черное и белое. Его взгляды несколько улучшились после Оторио, да и на самом Каладане, ах-х-х, тоже многое изменилось.

Марго согласно кивнула.

– Да, над этим стоит поразмыслить. Я помню, как мужественно вел себя Лето во время конфискационного суда, несмотря на то что рисковал потерять все владения и жизнь.

Фенринг сжал руку жены.

– Да, и это он в свое время расстроил планы тлейлаксу и раскрыл заговор Харконненов против Дома Атрейдесов. Признаюсь, я восхищен и ожидаю, что мы увидим еще много стычек между Харконненами и Атрейдесами.

Марго нежно погладила мужа по щеке, и Фенринг покраснел от удовольствия.

– Я с интересом понаблюдаю за твоей работой, мой дорогой, как и всегда.

– Надо сначала разобраться, что на самом деле представляет собой герцог Лето, хм-м-м, – буркнул Фенринг и посмотрел на самое высокое перистое дерево, персиковые шипы которого готовились взорваться спорами. – Он может сделать отличную политическую карьеру, если ему хватит характера.

Несмотря на то что лорд Атикк умер – его тайно отравили в собственных апартаментах, – казалось, что никакого расследования не предвиделось. Лето не мог понять, как реагировать на предположения придворных. Его, собственно, не обвиняли, наоборот, хвалили за умное решение проблемы с вызовом от этого бесноватого. Сам факт, что другие аристократы поверили, что герцог Каладана способен отравить противника, чтобы избежать дуэли – и даже восхищались им за такой аккуратный и окончательный выход из положения, – заставлял Лето

задуматься, как на него смотрят другие, кем его видят и кем считают самих себя. Все это расстраивало и тревожило Лето.

Я уже согласился на дуэль, принял вызов на поединок! Я не уклоняюсь от схваток и не травлю противников!

Еще больше его удивило приглашение на обед в дом графа Хасимира Фенринга. Лето охватили любопытство и тревога, но он посчитал, что нельзя упускать такую возможность. Вообще он не любил вести дела с людьми, которым не доверял, но в сетях императорского двора действовали другие правила. Напомнив себе, зачем он явился на Кайтэйн, Лето понял, что просто обязан до конца понять эти правила, и в этом граф Фенринг мог помочь ему лучше, чем кто бы то ни было.

Он встретился с Хасимиром на балконе одной из башен дворца. Ухоженный дворик радовал глаз живым видом романтической ночи. Лето так и не смог пока привыкнуть к бурному натиску пестрых ярких цветов, резких звуков и сильных ощущений; он уже начал тосковать по величавому спокойствию океана и скромной красоте старинных домов.

Худощавый, с аскетическим лицом человек ждал его за роскошно убранным столом, поставленным под открытым небом. Граф Фенринг облачился в камзол с высоким воротником и пышными раздутыми рукавами, костюм украшали вычурные медальоны. Лето слышал об этом человеке как о ловком и умелом убийце, хотя на вид казалось, что он едва может двигаться в таком пышном наряде. Оставалось только догадываться, какое оружие прячется в его рукавах.

– Ах-х-х, герцог Лето! Благодарю, что приняли приглашение. Нам есть что обсудить.

Садясь на приготовленный для него стул, Лето явственно услышал тихое жужжание защитного силового поля, прикрывавшего дворик куполом от возможного покушения и от ночных насекомых. Герцог сел.

– Спасибо и вам, граф Фенринг. Мне очень интересно послушать то, что вы собираетесь мне сказать.

– Ах-х-х, м-м-м, ну что ж, перейдем сразу к делу! Мне нравятся люди дела. Это облегчает работу, – с этими словами Фенринг снял крышки с блюд, не потрудившись позвать слуг. – Возможно, эта еда окажется вам знакомой. Наша трапеза поможет мне лучше вас понять. Филе лунной рыбы под грибным соусом таки с рисом пунди – сорт со средним размером зерен. Я даже припас бутылку каладанского вина. – Он поднял бутылку костлявой рукой. – Белое. Надеюсь, вы одобрите выбор.

– Если вы привезли все это с Каладана, то ваш выбор безупречен, – сказал Лето. – Рис пунди – это наше главное блюдо, а лунная рыба... – Он подождал, когда Фенринг положит в его тарелку поджаристый кусок филе, блестящий от соуса. – Наш рынок неуклонно растет с тех пор, как мой отец познакомил Империю с этим деликатесом.

– Наверное, мне стоит подумать о вложении в этот бизнес.

Положив рыбу и в свою тарелку, Фенринг откусил кусок и причмокнул губами.

– Восхитительно! Надо заказать еще этого филе. Нет, мне стоит заключить договор о регулярных поставках во дворец и в мою Арракинскую резиденцию.

– Рыба на Арракисе? Хорошая шутка. – Лето натянуто улыбнулся. – Благодарю вас, граф Фенринг. У экспорта лунной рыбы с Каладана большой потенциал для расширения, и мы гордимся этим.

Некоторое время они продолжали перебрасываться ничего не значащими словами, а потом Фенринг наклонился к Лето, буравя его темными пронизательными глазами.

– Мне известно, зачем вы прибыли на Кайтэйн. Вы выступили на нескольких важных заседаниях Ландсраада и высказали мнение по поводу некоторых предложений.

– Я просто хотел, чтобы все знали о моей гражданской ответственности, граф Фенринг, – ответил Лето. – Я не сделал ничего необычного.

– Да, в этом нет ничего необычного для любого амбициозного аристократа, но это очень необычно для герцога Лето, хм-м-м!

Лето отведал рис с подливкой и решил, что его повар готовит гораздо лучше.

– Я думаю о расширении владений, что пойдет на пользу моему сыну и нашему будущему, и в этом нет ничего плохого, – пояснил Лето, чувствуя, что против воли оправдывается.

Фенринг усмехнулся, проглотил ложку риса и запил его изысканным белым вином.

– Да, в этом нет ничего плохого, мой дорогой герцог. На самом деле вы привлекли мое внимание, как только прибыли во дворец. Я могу помочь в ваших притязаниях.

– Вы уже намекали на это, и ваши предложения меня несколько удивили. Зачем вам помогать мне?

Фенринг с притворной обидой приложил ладонь к груди.

– Вам не приходило в голову, что я просто добрый человек и хочу стать вашим наставником?

Помолчав, Лето ответил:

– Не думаю, что дело только в этом.

Граф восхищенно улыбнулся.

– Конечно, нет! Но всему есть причины. Власть и влияние переменчивы, и я всегда считал полезным тратить силы на обеспечение будущего людей, которых я понимаю и чью благодарность могу снискать. Я легко могу дать рекомендации, если вы присоединитесь к моей игре. В прошлом, вы, эх-х-м-м, чуждались политики.

– Я не чуждался, меня просто всецело поглощали дела моего народа, – пояснил Лето и расправил плечи. – Но в конце концов я понял, что Империя больше Каладана, и я упускаю множество возможностей.

– Отлично! Я рад, что с отчужденностью покончено. Теперь давайте согласимся с очевидностью. – Фенринг отложил вилку и побарабанил пальцами по столу. – Одна из причин, мешающих вам занять первые места в Ландсрааде, – это невозможность заключить брачный союз.

Лето нахмурился. Он сразу вспомнил страшную картину: одетая в подвенечное платье Илеза Икац лежит в луже крови с перерезанным горлом.

– Я пытался вступить в брак, но ничем хорошим это не кончилось.

Фенринг небрежно махнул рукой.

– Ну, произошел несчастный случай, но с тех пор открылось великое множество новых возможностей. Атака на Оторио оставила несколько скорбящих вдов, вокруг которых, облизываясь, словно волки, кружат аристократы Ландсраада. Вам надо воспользоваться этой возможностью.

Лето напрягся.

– Моему сыну и наследнику четырнадцать лет, и я уже начал подыскивать ему невесту. – Он ощутил жар в лице, вспомнив, как герцог Верден оскорбил Пола и весь Дом Атрейдесов. – Я хочу только этого, и не помышляю о своем браке.

– Да, хм-м-м, вы правильно выбрали время поиска невесты для сына, но нельзя ограничиваться только одним путем, – заметил Фенринг. – Перед нашим обедом я воспользовался досугом и изучил несколько открытых для вас возможностей. Позвольте предложить вам брак, который принесет выгоду Дому Атрейдесов. Невеста подходит вам по всем возможным пунктам. Идеально подходит. Я уверен, что мой друг Шаддам благословит этот союз, если вы можете мне разобраться с одной путаницей.

Лето колебался. Внезапно потеряв аппетит, он отхлебнул вина, чтобы выиграть время на обдумывание.

– И кто же эта идеальная женщина, которую вы для меня выбрали?

Фенринг многозначительно поднял указательный палец.

– Я не сказал *идеальная женщина*. Я сказал, что она идеально вам подходит.

Но Лето сейчас мог думать только о лице Джессики, ее бронзовых волосах, зеленых глазах, о том, как держал ее в объятиях и какие мудрые советы она ему давала.

Как она предала его.

Как она покинула Каладан, чтобы вернуться в Орден сестер.

– Я слушаю вас, – сказал Лето.

– Вика Лондин происходит из респектабельного благородного семейства, главой которого является ее отец, несносный Раджив Лондин. Их главное владение – планета Куарте. Союз Атрейдесов и Лондинов сулит массу преимуществ.

Он покачал бокалом, задумчиво посмотрел через него на свет, потом поднял глаза к небу.

Лето попытался вспомнить, что ему известно о Доме Лондинов, и понял, что почти ничего.

– И она не замужем?

– В настоящий момент нет. Она и ее муж Клартон были не в лучших отношениях, и он предпочел отправиться на празднество в императорском музее на Оторио без нее. Он, ах-х-х, не пережил атаку. – Фенринг улыбнулся так, словно не случилось ничего печального. – Если вы заключите брачный союз с этим Домом, то приобретете столь необходимое вам влияние и войдете в среду старой аристократии. Шаддам несказанно обрадуется.

– Я вижу, вы уже все рассчитали.

– Ах-хм-м-м, как всегда. Вика Лондин сейчас находится в Кайтэйне, и я организую ваше взаимное представление. Почему бы вам не поинтересоваться Домом Лондинов, познакомиться с ней и посмотреть, сможете ли вы ее терпеть?

У Лето по спине пробежал холодок. Он поклялся Джессике, что не станет пытаться заключать новый брак. Сказал, что любит ее, что она его официальная наложница и ему не нужна другая. Повинуясь этой клятве, он сосредоточился на поиске невесты для Пола, но теперь...

Может, стоит взвалить на плечи это бремя. Как навязывать политический брак сыну, если он не хочет сам заключать подобные узы?

– Я подумаю над этим, – сказал он Фенрингу.

Граф просиял.

– Превосходно. Завтра я ненадолго отбываю на Арракис по важному делу, но очень скоро вернусь. По возвращению я рассчитываю получить ваш ответ.

* * *

Назначение наследника – чрезвычайно серьезное и важное дело. Я достаточно хорошо знаю Раббана, чтобы понимать его возможности, а Фейд удивительно хорош, но не проверен. Я бы предпочел иметь больше вариантов.

Барон Владимир Харконнен

Проведя несколько дней на Гайеди Прим, барон Владимир Харконнен решил покончить с одним делом, прежде чем вернуться в свой самый прибыльный лен, на планету Арракис. Малина Ару сильно поддела его вопросом о преемнике и заставила задуматься. *Кто ваш официальный наследник?* Он слишком долго откладывал решение, приглядываясь к племянникам. Хотя барон ни в коем случае не собирался пока отходить от дел или умирать, он оставался реалистом, а притязания и благополучие Дома Харконненов простирались далеко за пределы отпущенного ему срока жизни. Вся специя предприятий Оргиза не в силах сделать его бесмертным.

Ур-директор КАНИКТ правильно спросила: *С кем мы будем иметь дело?*

Барон продолжал мучительно перебирать возможности. Стоило принять решение или, по крайней мере, приблизиться к нему. Он годами учил племянников, готовил их к исполнению важных обязанностей, но смогут ли Раббан или Фейд сравниться с самим бароном?

Поддерживаемый антигравитационным поясом, великан кругами ходил по огромному кабинету, предназначенному для важных, особых встреч. С ним был его ментат Питер де Врие; он привычно находился рядом, как всегда, внимательный, но принять решение барону предстояло самому, он должен выпустить племянников на свободу. *Пусть они произведут на меня впечатление!*

Фейд-Раута и Раббан пришли вместе, братья, но соперники, охваченные не только любопытством, но и тревогой. Фейд огляделся и принялся, словно его давили затянувшееся молчание и пустота огромного помещения.

– Где сотрудники, которые занимали это крыло? Почему никого нет?

– Ты очень наблюдателен, – ответил барон. – Этих сотрудников уже нет с нами.

– Твой дядя их сжег, – сказал Раббан равнодушно, словно констатируя факт.

Недовольно нахмурившись от наглости Раббана, барон устремил взгляд на младшего племянника.

– Да, я пригласил твоего брата полюбоваться на это зрелище, он любит зверства – кровь, крики, ужас. Но ты более чувствителен, дорогой Фейд, и я решил избавить тебя от ночных кошмаров.

Младший племянник обиженно сморщил лоб.

– Я бы тоже не отказался посмотреть.

– Возможно, согласишься... в следующий раз. В жизни всегда бывает следующий раз, не так ли? – вопрос по форме, но утверждение – по сути.

– Это я сказал дяде, чтобы их сожгли, – похвастался Раббан. – Это моя идея.

Питер де Врие бросил на Раббана быстрый острый взгляд, и барон понял, кому на самом деле пришла в голову эта идея. Раббан и бракованный ментат часто вздорили, но каким-то образом ухитрялись вместе работать.

Барон решил объясниться.

– Я дал знать твоему брату, что эти кабинеты надо освободить для нашей сегодняшней встречи, и он придумал, как это сделать. – Он приблизился к своему племяннику-красавцу. – Если бы я спросил тебя, как убить людей, Фейд, то ты бы предложил другой способ.

– Сожжение врагов – это отнюдь не ужасное действие, – признал Фейд и нехотя кивнул старшему брату. – Но это, пожалуй, слишком театрально.

Де Врие быстро переводил взгляд с одного брата на другого, словно сканируя их.

– Все сотрудники в этом отделе работали плохо, каждый по отдельности и все вместе, – объявил он. – Идея заключалась в том, чтобы мотивировать остальных работников к добросовестному труду. В данном конкретном случае театральное шоу показалось наилучшим способом объяснить тысячам рабочих, как не надо работать.

– Я предал их смерти, – сказал барон, – вместе с их помощниками. Все столы и вообще все, к чему они прикасались, сожгли в костре за складами, а их до смерти зажарили на этом костре. Получился потрясающий спектакль.

– Великолепное зрелище, – подтвердил Раббан.

– Да, в самом деле, великолепное, – добавил де Врие, хотя и без особого энтузиазма.

– Кроме того, мне требовалось освободить помещение для того, чтобы кое-что вам показать. – Барон сделал знак ментату, и он включил проектор. На стене появились движущиеся лица, которые медленно перемещались, как преследуемая дичь, и племянники без труда узнали своих врагов – Атрейдесов.

По сигналу барона де Врие остановил изображение.

Барон уставил униженный перстнями жирный палец в одно из лиц и произнес с интонацией вещающего с кафедры профессора:

– Ну и кто это?

Раббан, запинаясь, начал отвечать, но брат опередил его:

– Герцог Лето Атрейдес, наш смертельный враг. Он сын герцога Паулуса, который погиб на бое быков.

– Мы убьем и герцога Лето, – прорычал Раббан, лицо которого побагровело от гнева.

– Да, со временем мы избавимся и от него. – Барон с шумом выдохнул воздух. – Но сначала надо кое-что сделать, принять необходимые меры и составить разумные планы.

– Надо просто сравнять с землей владения Атрейдесов на Каладана, – предложил Раббан. – Оставить на их месте лишь щебень и дым.

Барон уставился на него тяжелым взглядом.

– Это глупое предложение! Я знаю, что ты способен не только на применение грубой силы, иначе не оставил бы тебя управлять Ланкивейлем и Арракисом. – Он приблизился к племянникам и, понизив голос, заговорил: – Я намерен дать вам возможность поучаствовать в составлении планов, внести свой вклад в причинение Атрейдесу боли, которую он заслуживает. Думаю, вы оба получите удовольствие от этой игры. – Ничего не добавив, барон указал пальцем на следующее лицо, принадлежащее юноше моложе Фейда. – А кто это?

– Незаконнорожденный сын герцога, – гордо произнес Фейд. – Я с радостью убью его собственными руками.

– Да, это юный Пол Атрейдес, будущее и надежда Дома Атрейдесов. Мы уничтожим не только нынешнего герцога, но и его сына.

Питер улыбнулся и кивнул, но ничего не сказал.

Раббан стал размышлять вслух:

– Ты хочешь, чтобы мы уничтожили Пола?

Барон отметил, что старший племянник слишком быстро отпускает на волю кипящие эмоции. Раббан обладал мощным телосложением, мускулами, как у огромного животного, но ему следовало бы научиться пользоваться мозгами, а не только мускулами. Барон похлопал племянника по мясистому плечу, успокаивая, но одновременно и предостерегая.

– Твой гнев и ярость похвальны, но их надо направлять в нужное русло. Нельзя бродить по улицам Харко-Сити, чтобы непременно кого-нибудь убить. Если мне понадобится это сделать, я отдам тебе соответствующий приказ. Сейчас обуздай эмоции и послушай меня. Подробности так же важны, как и самообладание.

– Подробности. – Раббан успокоился, но не до конца. – Лето и Пол Атрейдесы благородны, но мы ненавидим их.

– И вы, как два моих потенциальных наследника, имеете шанс проявить себя. Теперь же слушайте внимательно. В этой игре есть и другие элементы, о которых вы должны знать. – Питер де Врие начал менять изображения, останавливая каждое из них. – Барон тыкал пальцем в лица. – А кто это? Кто она?

– Шлюха герцога, – ответил Раббан.

– Его официальная наложница, – уточнил Фейд, – мать его сына.

Он долго смотрел тяжелым взглядом на лицо, которое всегда интриговало его своей привлекательностью. В этой женщине было что-то таинственное и интересное, даже симпатичное, но он не мог сказать, что именно.

– Нам надо убить и ее тоже? – спросил Раббан, хотя и не без опаски. – Может, стоит убить ее первой.

– У нас есть причины убить их всех до единого, но гораздо больше оснований причинить им боль. – Барон побагровел, он возвышал голос по мере того, как росло его раздражение. – Я мельком видел Лето на Кайтэйне. Прошло много лет с тех пор, как мы находились в одном

помещении, но на этот раз он оказался во дворце, как раз когда Император Шаддам отчитывал меня, как мальчишку, в присутствии придворных. Проклятый Атрейдес все слышал, и, будь это возможно, я заколол бы его прямо там.

Теперь настала очередь барона остудить эмоции хотя бы только для того, чтобы показать пример племянникам.

Питер показал лицо ментата Атрейдесов Сафира Хавата, а затем доктора Сукк Веллингтона Юэ. Улыбаясь, барон пояснил, что уже начал работать с доктором по разработанному им плану, но не раскрыл тайну.

Раббан без труда узнал и следующие лица.

– Дункан Айдахо, мастер меча Атрейдесов, а этот – Гарни Холлик, воин-трубадур. Это я оставил на его лице шрам. – Он самодовольно рассмеялся. – Я легко справлюсь с ним в единоборстве. Уже сталкивался с ними раньше.

Барон знал, что те столкновения закончились для Раббана не слишком удачно. У племянника просто случилось искажение памяти.

Фейд презрительно фыркнул. Он не мог допустить, чтобы старший брат превзошел его.

– Я тоже смогу справиться с каждым из них. У меня достаточно побед на ристалищах, я лично убил восемьдесят противников.

– Да, ты действительно это совершил, дорогой Фейд, но я жду, что в борьбе с Домом Атрейдесов ты найдешь более хитроумный способ причинить им вред и боль. Тяжеловесный образ действий твоего брата работает не всегда.

Раббан проворчал что-то невнятное в ответ на критику, но Фейд отреагировал лучезарной улыбкой.

– Я смогу использовать трюк-другой. Я обыграю их и умом, и силой.

Барон размышлял, переводя взгляд с одного племянника на другого.

– Если вы когда-нибудь сойдетесь в поединке, то что победит – мозги или грубая сила?

– У меня есть мозги, – обиженно произнес Раббан.

– Не слишком большие, – поддел его Фейд.

Раббан сумел укротить гнев и ответил на удивление спокойным тоном:

– Наш дядя не одобрил бы твое убийство. Ты его светловолосый любимчик, а я – как ты говоришь, дядя? – тип с мозгами дуболома?

Барон с удовольствием отметил, что Раббан все же способен подавлять эмоции.

– Да, именно так! Мой прекрасный гибкий Фейд и кусок мяса, безмозглый дуболом Тварь Раббан. Каждый из вас занимает необходимую для нашего общего дела нишу.

Он снова вспомнил вопрос Малины Ару: «С кем мы будем иметь дело? Кто ваш официальный наследник?» Он должен знать о будущем своих махинаций со специей так же хорошо, как о своем собственном.

– Ты любишь нас обоих, дядя, – смиренно произнес Раббан, – но его ты любишь больше. Услышав это, Фейд украдкой улыбнулся.

Великан барон от души расхохотался.

– Люблю? Что это за слово – любовь? Ха! Вы оба полезны для меня, как Питер де Врие, и я стану держать вас обоих рядом до тех пор, пока вы хорошо мне служите. Вы должны стоять больше, чем причиненные вами убытки. Это баланс, и прибыль должна превышать ущерб. – Он посмотрел на юное лицо Фейда, на его гладкую кожу. – Есть вещи, которые хорошо делаешь ты, но есть вещи, которые хорошо делает твой брат.

Наклонившись над портретом Атрейдеса, барон наконец сформулировал главную задачу:

– Придет, и скоро, время, когда мне придется назначить преемника, барона-наследника. Я не могу оставить такое важное дело на волю случая. Для этого, – продолжил барон, – я, во-первых, хочу, чтобы вы хорошо познали себя. Вы оба должны понимать не только свою силу, но и свои слабости. Всегда стремитесь стать лучше. Нам предстоит совершить много важных

дел во славу Дома Харконненов, и я должен знать, что вы его достойны. Как родные братья, вы – естественные соперники. – Он помолчал, вспомнив, как противен ему был его родной брат Абулурд. – Но я хочу, чтобы вы действовали сообща и не ссорились.

Конечно, они станут ссориться, особенно после того, как он сам бросил им этот вызов.

– Но только один из вас станет следующим бароном. Я ценю вас обоих, каждого по-своему, и после окончательного анализа вынесу суждение. Кого выберу я как главу Дома Харконненов?

Фейд и Раббан внимательно смотрели на него, как коты, готовые к прыжку. Питер де Врие обдумывал идеи, которые пока держал при себе. Ментат отвлекся, приняв очередную порцию сока сафо и запив ее глотком раствора специй.

Повернувшись спиной к галерее портретов представителей Дома Атрейдесов, барон приблизился к племянникам.

– Возможно, ты всегда думал, что я выберу тебя, мой дорогой Фейд, но не надо ничего предполагать заранее. Я должен принять логически обоснованное решение. Хочу, чтобы вы оба оттачивали навыки, доказывая свою способность вести Дом Харконненов, наш Великий Дом. Это особенно важно для моих деловых отношений с КАНИКТ; необходимо показать им, что мы обеспечим непрерывную линию преемственности.

– Урдир не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела, – сказал Фейд, – независимо от ваших деловых отношений.

– Она получает от нас специю, и этого достаточно, – согласился с братом Раббан.

– Пусть даже так, но я понимаю ее точку зрения и хочу ускорить процесс. Вы выполняли мои распоряжения, следовали моему руководству. Теперь продемонстрируйте умения, навыки и способности. Скажите, что является главной целью Дома Харконненов?

– Власть и богатство, – без колебаний ответил Фейд.

– И смерть наших врагов, – добавил Раббан.

– Оба ответа правильные. Для того чтобы достичь власти и богатства, мы должны причинить как можно больший вред Дому Атрейдесов. В данный момент герцог Лето находится на Кайтэйне, стараясь снискать милость императора, и мне это нисколько не нравится.

Питер де Врие наблюдал за сценой с непроницаемым безучастным лицом, напоминавшим пустой бланк, ждущий заполнения.

– Итак, я даю вам важное задание, – продолжил барон, переведя дух. – Произведите на меня впечатление, мои юные Харконнены. Соревнуйтесь друг с другом и исполните мое решение. Подумайте, как нанести серьезный урон Дому Атрейдесов и причинить боль герцогу Лето. Как каждый из вас сделает это?

– Надо мобилизовать армию Харконненов и атаковать их, – тотчас выпалил Раббан. – Заплатить Космической Гильдии за перевозку войск и напасть на Каладан, пока герцог находится на Кайтэйне. Сейчас Каладан невероятно уязвим.

– В ответ последуют санкции императора и осуждение Ландсраада, – с едва скрываемым презрением пояснил Питер де Врие. – Штрафы, которые на нас наложат, составят половину годового дохода от добычи специй.

– Военное нападение станет слишком откровенным действием, – заговорил Фейд. – Наш дядя хочет чего-то более тонкого, такого действия, нашу причастность к которому не удастся вскрыть. Имперская политика сложная и запутанная, и нам надо найти изощренный способ навредить врагу. – Глаза юноши горели. – Требуется продемонстрировать воображение и проявить инициативу.

Барон пришел в восторг от его ответа.

– Именно так! Пусть каждый из вас составит план и выполнит его. Победит лучший. Идеально сделать так, чтоб вы смогли дезавуировать свои действия, при том что герцог Лето должен отчетливо знать, откуда пришла кара. Теперь пустите в ход ваши умы и думайте.

Фейд и Раббан посмотрели друг на друга, как гладиаторы на арене.

Я немного нажму на них, подумал барон, и посмотрю, не сломаются ли они.

* * *

Можно потерпеть фиаско на школьном уроке, а потом, пользуясь теми же данными и методологией, добиться успеха в реальной жизни.

Мудрость Муад'Диб

– Мне кажется, я сильно расстроил Дункана, Сафир, – сказал Пол старому ментату, который наблюдал, как подопечный отрабатывает боевые стойки в схватке с воображаемым противником.

Юноша стремительно перемещался в пятне солнечного света, падавшего на пол тренировочного класса через дальнее восточное окно. Сафир стоял спиной к окну, и Пол видел только его четкий силуэт.

– Чем же? – спросил ментат и, спохватившись, прикрикнул на Пола. – Думай об упражнении.

– Ты же сам говорил, чтобы я учился сражаться, невзирая на отвлечения, – небрежно ответил Пол, принял низкую стойку, прижал короткий меч к телу, перекатился по полу, вскочил на ноги и парировал воображаемый удар. – Когда мы вернулись с дюн, Дункан настоял на тренировке. Он очень устал во время спарринга, а я даже не вспотел, и я поддразнил его, сказал, что, если он станет драться в таком медленном темпе, я могу нечаянно его убить.

Молодой человек еще раз парировал, а потом нанес смертельный удар по лучу света.

– Я подзадорил его умышленно, но совсем немного, и, потом, я никогда не делал этого раньше. У меня с каждым разом получается все лучше и лучше.

– Ты задел его гордость. Дункан прославленный выпускник элитной школы Гинаца.

Голос ментата был задумчивым и полным мудрости, пришедшей от интенсивных ментальных упражнений и жизненного опыта.

– Я знаю. Я засмеялся и напомнил ему, что он передал мне все, чему его самого научили на Гинаце, но теперь у меня другие наставники! – Сафир двигался вместе с Полом, и лицо его оставалось в тени. – При всех накопленных мною знаниях я, боюсь, скоро стану сверхчеловеком!

– Таким путем скромным человеком ты точно не станешь. – Сафир нахмурился. – Тебе, вероятно, надо поучиться осторожности и тактичности в отношении твоего самого блистательного учителя.

– Но я же просто пошутил! Дункан мой друг. – Пол жалел о произошедшем, но ведь у него были такие душевные отношения с мастером меча. – Думаю, что он окажется выше этого. Во всяком случае, надеюсь.

– Да, он преодолеет эту обиду, потому что должен это сделать. Дункан – мастер меча Дома Атрейдесов, а ты на время пребывания отца на Кайтэине выступаешь здесь в роли герцога. Его обязанности важнее личной дружбы и превыше уязвленной гордости. Ты когда-нибудь задумывался, что, если Дункан будет выполнять свой долг в качестве твоего защитника, тебе реже придется демонстрировать свои навыки в борьбе с врагами?

Пол подумал и согласно кивнул головой.

– Я научусь уважать чувства других людей. Я нуждаюсь в уважении Дункана. – Юноша подбежал к стене, пробежал по ней несколько шагов, оттолкнулся, сделал сальто и мягко встал на ноги. Он и сам удивился, насколько легко это у него получилось.

– Хочешь показать мне, что ты – сверхчеловек? – спросил Сафир.

Пол по голосу понял, что он не шутил.

– Дункан сказал, что высокомерие и самоуверенность могут погубить меня. Скромность позволит лучше подготовиться к трудностям и избежать многих ошибок.

Теперь Сафир улыбнулся.

– Никогда не думал, что Дункан обременяет себя такими глубокими мыслями, но я с ним согласен.

– Я тоже, и я извинился перед ним.

Теперь ментат стал довольным.

– Твое извинение было самым важным из всего, что ты мог сделать. Оно показало, что в глубине души ты не думаешь, что твое благородное происхождение делает тебя лучше, чем он. Вы оба – люди, просто занимаете в жизни разное положение.

– И я не лучше тебя, Сафир. Разница между нами – результат случайности, случайности рождения.

Сосредоточившись, Пол сделал три акробатических прыжка и приземлился, впрочем, не вполне удачно, но сумев сохранить равновесие.

Сафир, не спеша, одобрительно кивнул.

– В твоих движениях чувствуются наставления матери, у тебя удивительно ловкие и гибкие жесты. Это позволит тебе уклониться от опасности, а затем нанести смертельный удар. Она хорошо тебя учила.

При упоминании матери Пол ощутил саднящее чувство утраты.

– Надеюсь, она найдет способ вернуться и станет учить меня и дальше.

Ментат издал звук, долженствовавший означать сомнение. Как человек, отвечавший за безопасность Дома Атрейдесов, Сафир имел больше информации о произошедшем между Лето и Джессикой, чем мог сказать. Пол знал очень немного о причинах ссоры родителей, но старый ментат не собирался злоупотреблять доверием герцога.

– Вся жизнь – это учеба. – Сафир сменил тему, но не полностью, как понял Пол. – У меня для тебя новое задание. Мы займемся пластической гимнастикой. Подумай-ка вот над такой задачей.

Пол приготовился к глубокой ментальной имитации своего старого учителя.

– Я готов.

– Для того чтобы выполнить это упражнение, представь себе, что твои отец и мать занимают одно и то же общественное положение. Ни у кого из них нет преимуществ, обусловленных благородством, полом или благосостоянием их семей. Они просто твои родители.

Пол продолжал воображаемый поединок, слушая ментата. Он напряг все способности, пытаясь угадать, что замыслил учитель.

– Они равны во всех отношениях, и ты понимаешь, что вместе они строят непреодолимую преграду на твоем жизненном пути. Ты способен достичь величия – не только для себя, но и для всего человечества – только при условии, что сумеешь обойти помеху, которую они создали. Ты не можешь победить сразу отца и мать, потому что они представляют собой объединенную силу. Единственный способ обрести свою славную судьбу и помочь человечеству – это отправить одного из родителей в изгнание, выслать навсегда – отца или мать – на отдаленную планету и никогда в жизни больше не увидеть этого родителя.

Пол похолодел, застыл на месте с учебным мечом в руке, но ум его работал быстро.

– Я не понимаю, как может сложиться такая ситуация.

– Тебе не надо ничего понимать, просто прими эту возможность.

Гремящий голос Сафира оказывал на Пола гипнотическое действие. Юноша внимательно следил за движениями окрашенного соком сафо губ ментата.

– Кого из двоих ты отправишь в изгнание, молодой мастер? Это невозможный выбор, но его надо сделать. Кого вы навеки отошлете прочь? Герцога Лето? Леди Джессику?

– Никого, – ответил Пол. – Я отказываюсь отвечать. Я не принимаю исходные параметры вопроса.

Ментат насмешливо улыбнулся.

– Это неприемлемый ответ, ответ труса.

– Ответ лидера, – возразил Пол. – Ты представил мне абсурдный, искусственный сценарий, основанный на порочных предпосылках.

Он понимал, что его мать навсегда покинула Каладан. Неужели отец считал ее угрозой будущему Пола? Или все дело в Ордене сестер? Не Бинэ Гессерит ли изгнал ее, боясь, что она может представлять для них угрозу? Нет, это невозможно.

– Жизнь часто бывает абсурдной и искусственной, но нам приходится иметь с этим дело, – сказал Сафир.

Пол продолжал упражняться в луче солнечного света, но ум его сосредоточился на другом, на том, что юноша едва ли замечал раньше. Сафир Хават, который всегда учил его не садиться спиной к дверям, оставил солнце за спиной, чтобы Пол плохо его видел. Это тактическое решение применяли древние полководцы, таким способом получая преимущество в сражениях.

Не считает ли Сафир меня потенциальной угрозой?

Пол не мог в это поверить, но тем не менее... Эта поверхностная мысль подвела его к глубоким выводам.

– Пока я здесь исполняю роль герцога, я стану беспристрастно рассматривать возникающие передо мной препятствия и так же относиться к окружающим меня людям – к матери, отцу, к тебе, доктору Юэ, Гарни Холлику, Дункану Айдахо. Шесть человек, и четверо из них имеют одну общую черту. – Он посмотрел на ментата. – Ты знаешь, что это за черта?

– Ученик задает вопрос учителю? – Сафир уважительно взглянул на Пола и задумался. – Я понимаю, что ты имеешь в виду. Хочешь, чтобы и я погрузился в размышления, когда предполагается, что ты должен ответить на очень важный вопрос.

– Ты собрал факты для ментатских вычислений, результаты которых выражаются вероятностями. Поставь себя на мое место в этом упражнении и воспользуйся своими способностями и навыками ментата. – Пол помолчал и с вызовом посмотрел на него. – Ну?

– У четверых есть одна общая черта. Очень хорошо. Я задал тебе задачу, а ты загадал мне загадку. Пятеро из шести мужчины, а одна – женщина. Значит, это не та черта. Один из них благородного происхождения, а другие – нет. Значит, и это не то. – Старый ментат улыбнулся, но улыбка получилась не слишком уверенной. – Ты дразнишь меня, молодой мастер, чтобы сбить с толку. Вместо того чтобы принять болезненное решение предложенного тебе сценария, ты решил поиграть со мной в интеллектуальную игру.

– Только глупец станет играть в интеллектуальные игры с ментатом, – парировал Пол. – Если этот человек получил правильное воспитание.

Глаза Сафира на мгновение сверкнули, но затем лицо его потемнело.

– Теперь я понимаю, какой признак ты имеешь в виду. Ты говоришь о великих школах, не так ли?

Пол улыбнулся.

– Да, из шести самых близких мне людей только двое – мой отец и Гарни Холлик – не учились в великих школах.

Сафир был вынужден признать умственные способности Пола.

– И какое отношение все это имеет к задаче, которую я тебе поставил? – Он вскинул брови. – А, ты имеешь в виду положение твоей матери? Ты думаешь сейчас о том, что верность школе выше верности Дому Атрейдесов. Это верно, мы призваны к служению и даем клятвы, вступая в братства – будь то ментаты, мастера меча, врачи Сукк... или сестры Бинэ Гессерит.

Пол заинтересовался, но одновременно почувствовал облегчение.

– Верность – это важный признак. Внешняя верность для тебя важнее, чем обязательства в отношении Дома Атрейдесов, Сафир? Например, Школе ментатов?

Пол легко двигался по залу, и то же самое делал воин-ментат, продолжая подставлять спину солнечным лучам, лившимся в зал.

– Значит, ответ на мою задачу заключается в том, что ты предпочтешь отца матери? – настаивал на своем Сафир. – Ты отошлешь в изгнание мать, потому что она может стать проводником влияния извне? У нее могут возникнуть взаимоисключающие обязательства? Ее верность нечиста, она разорвана надвое?

– Я не говорил, что готов изгнать ее навсегда. Цель твоего сценария – посмотреть, как я справлюсь с нерешаемой проблемой. Я собрал факты, прежде чем принять решение.

Сафир удивился, но продолжал напирать:

– И каково же твое решение?

– Мое решение следующее: я придерживу решение при себе, это право герцога.

Ментат широко улыбнулся – он редко позволял себе такую улыбку, потом формально поклонился.

– Отлично, молодой мастер. В этом ментальном поединке ты вынудил меня к признанию.

– Вся жизнь – это учеба, не так ли, Сафир? – Пол улыбнулся, напомнив старому ментату его любимое изречение.

– Да, и еще раз да. – Ментат еще раз коротко поклонился, а затем вышел, оставив Пола одного в залитом солнцем тренировочном зале.

* * *

При определенном отношении к проблеме возможность – это уже победа. Я провижу победы везде.

Якссон Ару, проект манифеста

Якссон вернулся на Каладан с совершенно другим лицом. Щеки горели, особенно под глазами, а участок над левой бровью потерял чувствительность. Он проклинал свою новую внешность не из-за неудобства, но потому что его поразило то, что тлейлаксу сделали с ним. Даже цвет глаз стал другим.

Лицевое клонирование изменило видимые проявления генетических свойств и подчеркнуло фамильное сходство с Брондоном Ару. Волосы остались темными и курчавыми, напоминающими клубы густого дыма. Костные структуры изменились так, что увеличилось расстояние между глазами, изменилась конфигурация скул и линия нижней челюсти. Якссон стал абсолютно неузнаваемым. Даже идентифицирующие сканы Космической Гильдии не могли опознать его как Якссона Ару. Сардаукары и императорские ищейки не выследят его, даже если он предстанет перед их носами.

Он отправился на Каладан, чтобы еще раз посмотреть на Лето Атрейдеса. Якссон до сих пор не сомневался, что ему удастся убедить герцога, что путь чести несовместим с коррумпированной Империей, но ведет в Союз Благородных. Если бы только он смог открыть глаза этому человеку, показать ему все несправедливости, творимые Домом Коррино. Лето вовсе не глупец, а очень разумный человек.

Якссон наслаждался трудной задачей.

Внутренний круг мятежников не мог действовать в фамильном имении Ару на Тупайле – мать просто вышвырнула бы опального сына оттуда, и Якссону требовалась новая база. Он посетил обожженный и оплавленный кратер на Оторио и даже начал подумывать, не устроиться ли на руинах имперского музея, но потом оставил эту бесплодную мысль.

Он когда-то жил на Оторио с отцом, в мире и тишине. Они вместе ходили под парусом и гоняли по волнам на скоростных скутерах. Брондон Ару, человек, которого Якссон вспоминал всякий раз, когда смотрел в зеркало, стал теперь его героем, его наставником. Брондон внушил сыну уверенность в его ценности после того, как Малина Ару без обиняков заявила, что ребенок не оправдал ее надежд. Якссон счастливо жил бы в изгнании... если бы отца не постиг удар, кровоизлияние в мозг. Якссон позаботился, чтобы отец умер легкой смертью, это помогло Брондону упокоиться в мире, а самого Якссона превратило в поборника перемен.

Да, он получил бы определенное удовлетворение, основав новую базу на Оторио, но это выглядело глупо и могло поставить под удар все движение. Вместо этого он выбрал другую отдаленную планету, Носсус, буколический мир с умеренным климатом и редким населением, которое вовсе не интересовалось имперской политикой. Носсус многим напоминал Якссону Оторио, там можно безбедно и счастливо жить, если поставить цель просто скрыться от глаз и ушей Императора.

Но интерес Якссона состоял не в этом. Он привел в движение механизм мятежа, и теперь доведет дело до конца. Ударная волна его первого выступления потрясла основания Империи Коррино. Теперь надо расширить трещину и сделать так, чтобы все здание Империи расшаталось и рухнуло.

Начнет он с Каладана.

По пути на океаническую планету Якссон планировал сделать еще одно драматическое заявление в продолжение своей первой победы. Он хотел ввести в сражение всех своих солдат и поставить наконец Шаддама на колени.

Он высадился на Каладан как один из пассажиров, которого никто не мог узнать, и сильно разочаровался, что Лето Атрейдес находился на Кайтэйнне с визитом, оставив в роли герцога своего сына Пола, которому помогали несколько ближайших доверенных советников.

Якссон испытал сильное раздражение, но не стал задавать лишних вопросов, чтобы не привлекать ненужного внимания. Встреча с Лето оказалась неосуществимой, во всяком случае, сейчас. Он подумывал прощупать молодого наследника, но Пол был еще подростком. Якссон уповал лишь на то, что Лето, вернувшись из насквозь коррумпированной столицы Империи, станет более восприимчивым к идеям Якссона.

Бродя вокруг Кала-Сити, он наблюдал, как горожане ремонтируют жилые дома и витрины магазинов, поврежденные его партнером Ченом Марек в глупейших террористических попытках запугать герцога. Тлейлаксу Марек не понимал человеческую личность, не осознавал ее нюансов, а значит, не умел и склонять людей к сотрудничеству. Среди распространителей и потребителей высушенного папоротника барра Марек сеял страх, чтобы держать их в повиновении. Но такая тактика работает только в отношении людей определенного склада, к числу которых точно не относился Лето Атрейдес.

Но тем не менее Якссон оказался на Каладане. Но, уж коль он не сможет снова попытаться склонить Лето на свою сторону, по крайней мере, можно удостовериться, что финансирование его деятельности и новые операции с наркотиками в полном порядке. Якссон решил посетить Марека, который высадил новые плантации в жарких джунглях Южного континента. Якссон приобрел судно и самостоятельно полетел на Южный континент. О его поездке не узнает ни одна живая душа.

Приземлившись на расчищенном в джунглях участке вблизи солнечного побережья этой первобытной земли, Якссон вышел из самолета. Навстречу ему выдвинулся генетик тлейлаксу и с плохо разыгранным удивлением оценил новую внешность прибывшего.

– Вы изменились, сэр. Это не то лицо, что дал вам бог. Вы... лицедел?

Якссон презрительно усмехнулся.

– Это лицо дали мне тлейлаксу. Благодаря лицевому клонированию я снова могу появляться, где захочу. Теперь я хочу осмотреть новые плантации.

За счет оскудевших доходов Якссона наемники Чена Марек расчистили участки в джунглях и насадили тысячи растений модифицированного папоротника барра, выведенного в оранжерее мастера Арафы в Бандалонге.

Воздух вокруг густо напитан растительными ароматами, а влажность оказалась настолько высокой, что ощущалась как пар. Вокруг свисали до земли листья тропических деревьев, обвитых толстыми лианами. До слуха Якссона доносилось жужжание алых стрекоз, сражавшихся в воздухе с тучами других насекомых. Скапливавшиеся на горизонте белые облака предвещали скорый тропический ливень.

Стоя на краю первого поля модифицированного папоротника барра, Якссон видел, что растения принялись хорошо, во всяком случае, на первый взгляд. Видимо, им будет хорошо даже на новом континенте.

– Первый большой урожай айлара мы соберем очень скоро и уже разослали пробники всем нашим прежним дистрибьюторам, – докладывал Марек. – Поток наркотика принесет доход, из которого можно будет финансировать Союз Благородных и освободить народ Тлейлакса из-под гнета Коррино.

– Это не так-то легко сделать. – Якссон прищелкнул языком и провел им по щекам. Он поднял руку и ощупал свое новое лицо, продолжая привыкать к измененной плоти. – Мы планируем дать всем планетам Империи полную свободу развивать собственную культуру, самостоятельно заключать торговые договоры. – Его голос звучал все громче, все более страстно. Он любил говорить о своей мечте. – Каждая планета сможет в полной мере развить собственный потенциал, как достигло процветания человечество, сбросив гнет мыслящих машин. После того как мы перестали опираться на компьютеры, как на костыли, наш вид стал лучше, умнее, проворнее и глубже. – Когда он улыбнулся, на щеках его появились незнакомые прежде ямочки. – Это высшая гуманность. – Он посмотрел на низкорослого наркобарона. – Наше восстание освободит не только Тлейлакс.

Марек шумно потянул носом воздух.

– Пока наши цели совпадают, вам нет нужды беспокоиться, сэр. У моего народа свои приоритеты. – Он взглянул на колышущиеся ряды пятнистых папоротников, светло-зеленые побеги которых поднимались к солнцу из плодородной почвы джунглей. – Новый сорт не токсичный, но он по-прежнему способен вызывать зависимость. Наши потребители вернутся, и тайное богатство вновь польется рекой. – Тлейлаксу скорчил злобную гримасу. – Правда, нашей дистрибьюторской сети больше нет – спасибо Лето Атрейдесу.

Якссон почувствовал инстинктивное желание защитить герцога от нападок, и это желание отразилось на его лице.

– Это из-за ваших глупых и неуклюжих действий!

Марек втянул голову в плечи.

– Я уже начал восстанавливать сеть распространителей, сэр. Один из моих наемников – недовольный каладанский купец по имени Лупар. Он сотрудничал с северными деревнями и торговал лунной рыбой. У него есть связи при императорском дворе. Скоро у нас появится новая подпольная сеть распространения айлара.

– Мне надо знать об этом больше, да что там, мне надо знать все, – сказал Якссон.

– Нет, не надо! – отрезал Марек. – Вы просили меня воссоздать плантации, сэр, и велели проявлять осторожность. – Маленький человечек наклонился и вырвал из земли выющийся молодой побег папоротника, понюхал его и сморщил нос. – Я хочу, чтобы наша деятельность увенчалась успехом, не меньше, чем вы. Урожай айлара восстановятся, так же как и наша дистрибьюторская сеть. Я обеспечу вас деньгами, в которых вы нуждаетесь. – Взгляд человека стал жестким. – Ваша же задача – разрушить Империю, чтобы мой народ смог вырваться из ее пут.

* * *

Каждый хищник может стать жертвой другого хищника. Для того чтобы выжить, вы должны понять, кто вы в данный момент.

Ур-директор КАНИКТ Малина Ару, «Эволюционная цепь бизнеса»

Даже одна из самых влиятельных в Империи особ, Малина Ару, прибыв на Тлейлакс, не смогла избежать закоснелых ограничений. Она могла надавить через КАНИКТ, но это не всегда лучший способ получить что-то от клиента, а ур-директор явилась с необычной просьбой.

Она отправилась на Тлейлакс после важных дел на Кайтэйне и теперь сидела в карантинной станции на планетарной орбите, так же как и другие визитеры по торговым делам. Хотя без связей с Малиной и КАНИКТ бизнес тлейлаксу был обречен на жалкое голодное существование, Малина понимала, что без генетических работ тлейлаксу доходы КАНИКТ упали бы весьма существенно. Между ними существовали отношения самого удачного типа – отдать, чтобы взять, – а это сулило крупную взаимную выгоду. Ур-директор нуждалась в товарах Тлейлакса и как раз сейчас хотела попросить один из них.

Ожидая в изоляции, Малина не раз вспоминала, что ей не суждено спуститься на расстилавшуюся внизу серо-зеленую планету. Тлейлаксу называли ее *повиндах*, чужой, нечистой по определению. Мало того что она чужеземка, она еще и женщина, к тому же могущественная. Она, правда, не тратила душевных сил на обиды и возмущение. Бизнес есть бизнес.

Когда запечатанная дверь отсека, где находилась Малина, стремительно распахнулась, ур-директор увидела, что на встречу с ней пришел лично Арафа в сопровождении еще пятерых тлейлаксу. Она понимала, что свита здесь, чтобы подчеркнуть важность мастера, в то время как Малина демонстрировала свою важность тем, что не нуждалась в спутниках.

Под блестящим капюшоном виднелся высокий лоб мастера и тяжелые, выпирающие сильнее, чем у остальных тлейлаксу, надбровные дуги. Над одним глазом белел шрам. Арафа почтительно поклонился, хотя во взгляде его Малина не увидела и следа почтительности. Ур-директор не стала выказывать раздражение. Просто обратилась к этому человеку как к равному.

Тлейлаксу сделал знак свите подождать его за дверью, Арафа подошел ближе к Малине, но, словно из опасения случайно коснуться ее, остановился на порядочном расстоянии.

– Это большая честь для нас, что вы лично прибыли к нам, ур-директор, – сказал Арафа, – а не прислали представителя по традиционным каналам.

Малина сидела в единственном кресле, явно успокоившись при появлении Арафы.

– Дело в том, что у меня необычное дело. Я хотела лично попросить вас об одном одолжении.

Эти слова возбудили интерес мастера.

– Бинэ Тлейлаксу создает товары, аналогов которых нет во всей известной вселенной. Мы богаты, но не пользуемся уважением. Если бы не имперский гнет Коррино, независимый Тлейлакс мог бы обрести большую финансовую мощь.

От удивления по спине Малины пробежал холодок, и она от неожиданности понизила голос.

– Вы говорите, словно поддерживаете идеи Союза Благородных.

Глаза ее забегали. Может ли это быть правдой? Она сама и ее друзья-заговорщики исподволь распространяли влияние в Ландсрааде, иногда успешно, иногда нет. Но тлейлаксу вообще оставались вне сферы их внимания.

– Слова – это слова, и каждый человек может иметь идеи. – Голос Арафы звучал буднично, говорил он осторожно, отчетливо осознавая опасность темы. – Это вовсе не подтверждает и не подразумевает нашей приверженности делу мятежников.

Ум Малины зацепился за новые возможности. Бинэ Тлейлаксу, эти изгои... Она никогда не представляла себе ничего подобного. Теперь, начав обдумывать идею, Малина поняла, что эти люди могли бы стать удачными кандидатами в противники императорской власти. Шестеренки закрутились в мозгу ур-директора. Тлейлаксу славилась склонностью к долгосрочному планированию, которое они предпочитали немедленному вознаграждению или скоропалительным дерзким действиям. Да, об этом стоило серьезно подумать...

Арафа стал проявлять нетерпение.

– Зачем вы прибыли к нам, ур-директор?

Малина одарила мастера самой очаровательной улыбкой, на какую была способна, хотя отчетливо сознавала, что не произведет ни малейшего впечатления на тлейлаксу.

– У нас давние, прочные и установившиеся деловые отношения, и поэтому я прошу о любезности, тем более что для вас это не составит особого труда.

– Любезности имеют скрытую цену, – заметил Арафа.

– Несколько лет назад вы создали для меня двух остистых псов. Они отличаются прекрасным генетическим дизайном, устрашающим видом и своеобразными, я бы сказала, личностными, качествами. Я и не желаю лучших спутников. Благодаря удачной последовательности генов, определяющих привязанность, они более преданы мне, чем любой, самый доверенный сотрудник КАНИКТ. – Углы рта Малины печально опустились. – Они преданнее, чем некоторые члены моей семьи.

Арафа приосанился от гордости.

– Да, эти остистые псы – весьма удачный эксперимент.

– Я бы хотела заказать еще два экземпляра, точно таких же, как Хар и Кар.

Лицо мастера омрачилось.

– Что-то случилось с вашими питомцами? Это были эксклюзивные образцы.

– Нет, мои собачки пребывают в добром здравии и сейчас на борту моего частного корабля направляются домой. – Малина скрестила руки на груди. – В связи с деловыми контактами и обязательствами мне нужна еще одна такая же пара собак... в качестве подарка.

Арафа задумался.

– Это смертоносный подарок. Эти животные опасны даже в самых благоприятных обстоятельствах.

Малина свела брови.

– Это подарок Харконнену, а он привык обращаться с опасными вещами.

За спиной Арафы, в коридоре, другие тлейлаксу принялись шептаться. После долгой паузы мастер кивнул.

– Хорошо, у нас есть генетические карты и нужные чаны для того, чтобы вывести таких собак в одной из лабораторий. Мы создадим их для вас.

Улыбаясь, Малина встала, горя желанием поскорее убраться отсюда и вернуться на свой корабль, где ее ждали любимые собаки.

– Превосходно.

Она чуть было не подошла к Арафе, чтобы пожать ему руку, но вовремя остановилась, вспомнив, что тлейлаксу противно прикосновение к чужой плоти, тем более к женской.

Арафа внимательно, словно анатомируя, рассматривал Малину.

– Мы не поддерживаем таких же долговременных отношений с вашим сыном Якссоном, но он предоставляет нам определенные возможности. Он просит нас делать для него трудные вещи, но хорошо за них платит.

Малина изо всех сил постаралась скрыть охватившую ее тревогу. Еще один сюрприз! Эти люди ведут дела с ее беглецом-сыном? Якссон прилетал сюда? Он сейчас здесь? Она не видела его с тех пор, как он готовил теракт на Оторио, а затем бежал. Какие махинации прокручивает он с этими людьми?

– Когда вы видели моего сына? Где он?

Мастер Арафа сложил ладони и поклонился, разыгрывая почтительность.

– Он наш заказчик, ур-дир, и наши правила конфиденциальности распространяются на него так же, как и на вас. Я упомянул о нем, потому что мы очень высоко ценим вас и вы – его мать. Однако я не могу открыть детали наших деловых отношений.

– Я его мать. – От неожиданного откровения у Малины пересохло в горле. – Я могу использовать все влияние КАНИКТ, и вы сами расскажете мне все, что я хочу знать.

– Ваше вмешательство и нажим ни к чему не приведут, – возразил Арафа. – Вам лучше не знать, чем он занят. Если захочет, он сам все вам расскажет. Переговоры окончены. Мы оповестим, когда будут готовы остистые собаки.

Мастер низко поклонился и вышел из карантинного изолятора.

* * *

Из яйца хаоса вылупится Квизац Хадерач.

Древнее предостережение

ВШколе Матерей было две оранжереи: одна в большом здании в садах на западной стороне древнего комплекса, а другая в крытой галерее возле кухонь. В ранней юности Джессики назначали на работу в маленькой теплице, и теперь она улыбнулась, увидев ее после долгого перерыва.

– Я помню это здание, – сказала она Ксоре, когда они вместе вошли в теплую влажность оранжереи. – Приятные воспоминания.

Однако голос стал грустным, когда Джессика подумала о простых временах, когда ее жизнь, жизнь послушницы, казалась ясной и беззаботной.

– В течение трех лет Преподобная Мать Мохайем отправляла меня сюда ухаживать за травами, собирать их и другую зелень. Часто помогала я и главной поварихе – как ее звали? – ах да, сестра Энид. – Зеленые глаза Джессики сверкнули. – Она была немного странная, но очень добрая. Успевала везде! Иногда мне казалось, что это именно она управляет орденом Бинэ Гессерит! – Джессика коротко рассмеялась. – Она еще здесь?

Ксора не сдержала улыбку.

– Теперь всю работу делают ее помощницы, а она только наблюдает за ними, но по-прежнему сует нос во все дела Школы. Кажется, она выращивает здесь какие-то лекарственные травы.

– Она мне всегда нравилась.

Джессика вдохнула пьянящий запах всех ароматических растений оранжереи, вспоминая рецепты, содержавшие розмарин, лаванду, чабрец, джарму.

– Энид нравится всем. Все сестры, покидающие Школу Матерей, с любовью вспоминают еду, которую она готовила. Лично я вспоминала... – Ксора являлась единственной женщиной в Школе Матерей, которая не смотрела на Джессика с подозрением, но настроение у новой подруги было невеселым. – Я так долго сижу здесь, и мне уже хочется получить хоть какое-нибудь назначение... Я смогу проявить себя, я знаю.

Джессика снова припомнила резонанс, вызванный скандалом с Ксорой и ее незаконно рожденным ребенком... Прошло больше семнадцати лет.

– У Сестер хорошая память, и они не умеют прощать.

Джессика боялась, что и ее могут продержат здесь так же долго, просто в наказание, даже если она сделает все, о чем просят. Как долго она еще понадобится сестрам для давления на Лезию? Она доложила Верховной Матери о ночном разговоре со старухой, о путаных и мрачных предостережениях, которые так и остались совершенно невнятными... А уж после того, что злобная старуха сделала с несчастной послушницей Ринни, Джессика вообще не испытывала к Лезии ни малейшего сочувствия. Ее разглагольствования ненадежны, а выводы подозрительны.

Джессике больше нечего здесь делать, но Верховная Мать не отпустит ее.

– Они мстительны, а мы – члены ордена, – сказала Ксора. – Палец должен делать то же, что и вся рука.

Джессика вошла в центральный проход и заметила, что листья побурели, а трава перерзла. Солнце поднялось уже довольно высоко, и его лучи ласкали самые верхние окна оранжереи, ярко освещая паутину, опутывающую стекла. Больше двадцати лет назад Джессике однажды дали длинную палку и велели очистить от нее окна. Очевидно, этого давно не делали. Окинув помещение скептическим взглядом, Джессика отметила, что о грядках и клумбах сада заботятся хуже, чем раньше. В углу виднелись сваленные черепки разбитых терракотовых горшков, а некоторые деревья поникли от недостатка влаги. В прежние времена сестра Энид ни за что не допустила бы такого безобразия. Либо она теперь слишком занята, либо стала забывчивой.

Джессике было не с кем поговорить, и она испытывала все более теплые дружеские чувства к Ксоре, положение которой так походило на ее собственное. Сейчас они подавленно притихли, и обе вздрогнули, когда заработал распылитель воды. Джессика первой нарушила молчание.

– Я очень расстроена, глубоко расстроена. Лезия говорит, что какие-то мои действия или действия Пола могут причинить вред Ордену сестер.

Ксора искренне удивилась.

– Именно поэтому они утверждают, что тебя надо разлучить с сыном?

Джессике страшно хотелось поделиться с Ксорой, но она не могла побороть осторожность.

– Она даже предложила мне убить его! Правда, она пылает мстостью и злится на Бинэ Гессерит.

Лицо Ксоры омрачилось.

– Ты же понимаешь, что у нее деменция, она слабоумна, не так ли? Она склонна к насилию, она переменчива, она старая...

– У нее в голове какофония голосов. Какой из них выражает ее истинные желания? Это части злокозненного запутанного плана или просто игра поврежденного ума? Верховная Мать зачем-то искусственно продлевает ей жизнь. – Джессика не смогла удержать горечь. – Если Лезия просто безумна, то для чего из-за этого ломать мне жизнь? Почему они хотят уничтожить все, что мне дорого?

Она понимала, что каждое слово, сказанное ею в ночном разговоре, записано, сотни раз прослушано и проанализировано. Верховная Мать Харишка и ее ближайшие советницы расчленили и препарировали весь диалог, допросили и Джессику. Ринни все еще не вырвалась из ментальной ловушки, бесконечно повторяя литанию против страха.

На лице Ксоры вдруг отразилось раздражение.

– Для нас всех будет благом, если Лезия наконец испустит дух. – Она плотно сжала губы, словно пожалев о сказанных словах, но молчала надолго; Ксора выпалила в припадке откровенности: – Она – взбесившееся животное. Я знала одну из сестер, которых она убила. Когда-то давно, возможно, предзнание Лезии приносило ордену пользу, но сейчас все, что она говорит,

вызывает только подозрения. – Ксора погрузила палец в землю горшка и выдернула стебелек чертополоха. – Лезия – сорная трава, и я не вижу от нее никакого проку.

Утренняя система полива отключилась, и в оранжерее снова наступила тишина. Джессика закрыла глаза и вдохнула сладкий аромат цветущего аниса... ее снова сильно потянуло домой, на Каладан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.